Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал

Октябрь 2018 г.

НОМЕР 43

ЧАСТЬ 5

Самара 2018

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Тенденции развития науки и образования. «Тенденции развития науки и образования» Октябрь 2018 г. Часть 5 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2018. - 84с.

SPLN 001-000001-0350-LJ
DOI 10.18411/lj-10-2018-5
IDSP 000001:lj-10-2018-5

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljjournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0350-LJ

<http://ljjournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ IX. ФИЛОСОФИЯ.....	5
Гаранина О.Д. К вопросу о духовных основах реформирования российского общества.....	5
Петрова Е.В. Самоидентификация и стереотипность мышления как адаптационные механизмы человека цифровой эпохи.....	7
Петрова Е.В. Информационная экология в структуре современного экологического знания	11
РАЗДЕЛ X. ИСТОРИЯ.....	16
Галашова Е.С., Пашкова А.А. Благотворительность в Сортавала в XIX начале XX века.....	16
Пашкова А.А., Галашова Е.С. Роль общественных организаций в развитии сельского хозяйства на территории Северного Приладожья во второй половине XIX- начале XX века.....	18
Саманцов А.П., Трофимова В.С. Развитие делопроизводства в Российской Федерации: этапы автоматизации	21
РАЗДЕЛ XI. СОЦИОЛОГИЯ.....	24
Губанова А.А., Титова Д. Ю. Семья и брак в представлении современной молодежи	24
Губанова А.А., Титова Д.Ю. Фактический брак как социально значимая проблема...	25
Иванова В.С. Возможности оценивания эффектов smart-технологий в системе образования.....	27
Кудинова О.Д. Актуальные проблемы молодой семьи в России.....	29
Мазуркова К.А. Роль концепции внутрикорпоративного СМИ в формировании имиджа организации	31
РАЗДЕЛ XII. ФИЛОЛОГИЯ.....	35
Буров А.А., Бурова Г.П. Речь современной российской молодежи: от жаргонизации – к экологии	35
Малярчук-Прошина У.О., Крапалёва У. Е. Стилистически сниженная лексика в текстах печатных СМИ.....	39

Роббек Л.В. Основные отличия и сходства аллитерационных систем олонхо и эхирит-булагатских улигер.....	43
Филичева О.С. Научно-учебный текст в современном образовательном пространстве	47
Хашиева П.А. Нравственно-экологический ракурс мотива будущего в творчестве Б.Л. Пастернака 20-30-х годов	49
Царева Н.А. Декомпрессия номинация в идиостиле Б.Л. Пастернака: от слова – к фразе	53
РАЗДЕЛ XIII. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	57
Белякова С.В. Глобальное и локальное в культурном ландшафте Крыма	57
РАЗДЕЛ XIV. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	59
Кинякина Л.В. Фольклоризм: вопросы типологии и классификации	59
Эгизова Э.Д. Изучение и преподавание музыки	62
РАЗДЕЛ XV. АРХИТЕКТУРА.....	65
Дергунов С.А., Феоктистова К.Б. Подходы к оптимизации пропускной способности улично-дорожной сети.....	65
Козырева Е.А. Ближние усадьбы высшей знати, как феномен историко-градостроительной жизни Санкт-Петербурга, на примере дворцово-паркового ансамбля Сергиевки	69
Козырева Е.А., Блинова А. Ближние усадьбы высшей знати, как феномен историко-градостроительной жизни Санкт-Петербурга, на примере усадьбы Шереметьева на Фонтанке	71
Коровина Е.В. Джованни Батиста Пиранези. Бумажная архитектура	74
Михайлов А.В. Особенности определения предметов охраны для объектов типа «дорожно-транспортной инфраструктуры»	76
Широких Н.А., Кольстет О.А. Формирование единого водно-зеленого каркаса города на примере набережных территорий.....	79

РАЗДЕЛ IX. ФИЛОСОФИЯ

Гаранина О.Д.

К вопросу о духовных основах реформирования российского общества

*Московский государственный технический университет гражданской авиации
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-98

idsp: 000001:lj-10-2018-98

Аннотация

Актуальность статьи определяется социальной потребностью в анализе духовных оснований трансформации российского общества. Определены особенности российского менталитета, составляющего глубинную основу всех проявлений жизнедеятельности россиян. Обоснован вывод о несоответствии целевых задач модернизации российским духовным традициям.

Ключевые слова: духовный потенциал; модернизация российского общества; российский менталитет; ментальные комплексы.

Abstract

The relevance of the article is determined by the social need to analyze the spiritual foundations of the transformation of Russian society. Features of the Russian mentality making a deep basis of all manifestations of activity of Russians are defined. The conclusion about discrepancy of target problems of modernization to the Russian spiritual traditions is justified.

Keywords: spiritual potential; modernization of Russian society; Russian mentality; mental complexes.

Духовная жизнь - сложное и многоаспектное явление, содержание которого составляет производство и функционирование духовных ценностей, выступающих основой духовного потенциала человека (социальной группы) как субъекта деятельности. Духовный потенциал выражает интеллектуально духовные возможности субъекта, реализация которых может способствовать разворачиванию модернизационных процессов или тормозить их. Фундаментом духовного потенциала, определяющего духовные устремления людей, мотивацию их поступков и отношение к действительности выступают не столько когнитивно-идеологические компоненты (уровень образования, идеологические ценности, теоретические представления, научные взгляды и т.п.), сколько менталитет, социально-психологические черты народа, или, в терминах Э. Фромма, «социальный характер». Менталитет как системообразующая глубинная основа духовности, «представляет целостное единство латентных социально-психологических качеств и детерминированных ими поведенческих реакций, проявляющихся во всех сторонах жизнедеятельности человека» [2, с.28]. В.С. Барулин, исследующий специфику российской ментальности, заметил, что «своеобразная экспансия, проникновение ментальности, духовности, черт характера российского человека во все поры общественно-целостной жизни обуславливает, может быть больше, чем в других обществах, влияние указанных черт на функционирование партийно-государственной машины, придает особый дух реализации всех общественных преобразований» [1, с.244]. Данный вывод был сделан чуть более пятнадцати лет назад на основе анализа особенностей русского характера, сложившегося в контексте социалистических преобразований. Можем ли мы сегодня свидетельствовать о сохранении выделенных особенностей и их влиянии на начавшиеся еще в 90-е годы XX века процессы модернизации общества, или в ходе этих процессов произошло качественное изменение

ментальности россиян, их духовных ориентиров? Рассмотрим некоторые ментальные комплексы, на которых сегодня базируется духовный потенциал большинства россиян.

В качестве одной из ведущих ментальных характеристик российского человека исследователи называют «комплекс долготерпеливости» [1, с.196]. Суть данной, по нашему мнению, в сущности, положительной ментальной характеристики российского народа, заключается в «способности длительное время выносить трудности бытия». Терпение россиян помогло им выстоять в тяжелейшие годы социальных потрясений и войн, сохранить стабильность социума в ситуациях кризиса и постперестроечного распада. В современный период, в начале XXI века россияне, переживая период модернизации, вновь черпают духовные силы из этой ментальной особенности, востребованной современной исторической ситуацией и укрепляющейся под влиянием разнообразных социальных факторов. Однако эта ментальная характеристика российского народа легла в основу идеологического обоснования необходимости «подождать», пока государство справится с трудностями, «перетерпеть» лишения, вызванные непродуманной политикой в социальной сфере. Ментальный комплекс долготерпеливости дополнился в модернизационный период аморализмом, обусловленным острым противоречием между быстро обогатившимися за счет несовершенства законов группами людей и быстро обедневшими слоями населения, не понимающими причины все углубляющегося социального расслоения. Возрос ли от такого «приобретения» духовный потенциал народа? Вывод очевиден: в данном комплексе есть не только позитивные, но и достаточно весомые негативные стороны.

В контексте рассматриваемой проблемы важно отметить, что умение субъекта приспосабливаться к самым различным условиям, терпеть (напомним, это ментальная черта россиян) ослабляет его интенцию на преобразования, перемены, гасит устремление к модернизации застывших социальных форм. Отмечено, что долготерпеливость становится почвой социальной пассивности человека, формирования установки довольствоваться тем, что есть. Долготерпеливость людей, установка на преодоление трудностей путем смирения, является благоприятной средой, способствующей тому, чтобы негативные, уродливые явления жизни укоренились и расцвели. Негативным следствием долготерпеливости (или ее причиной?) выступает характерное для российской действительности отчуждение человека от государства. Почему же государство не обращается к духовному потенциалу народа как резерву борьбы с коррупцией? Полагаем, что отказ от этого резерва объясняется, как уже было сказано, слабым доверием к авторитету власти.

Еще одной устойчивой ментальной чертой россиянина выступает установка на применение силы, на тотальный контроль как средство решения проблем. Эта особенность психологического мира российского человека была названа «силовым комплексом», (а, проще говоря, привычкой подчиняться силе в любых ее проявлениях) [1, с. 197]. Силовой комплекс опирается на характерное для российского менталитета стремление к «железной руке», устанавливающей власть и порядок, к административной вертикали, обеспечивающей четкие представления о властных полномочиях. Можно предположить, что такая особенность «социального характера» россиянина тесно связана с подданническим поведением по отношению к властным структурам, отчуждением от них. Несомненно, рассматриваемый ментальный комплекс обусловлен сотнями лет отсутствия свободы как традиции жизни россиянина (самодержавие, крепостничество отнюдь не способствовали развитию свободолюбия). Подданническая культура, центрированная в российском менталитете, базируется на негативном отношении россиян к свободе как ценности, определяющей доминирование индивидуальности над массой, инициативности над пассивностью.

Следует подчеркнуть, что и в реальном историческом социокультурном контексте россиянин всегда идентифицировал себя с общиной, коллективом и традиционно ориентируется не на закон и, уж тем более, не на личную ответственность, а, как уже

было сказано, а на мнение властных, силовых структур [3, с. 13]. Сегодня для ментализации свободы в духовном пространстве россиян, включения этой духовной ценности в духовный потенциал народа нет объективных оснований. Основанием для этого вывода служат следующие положения:

- во-первых, в России не развит юридический и экономический фундамент, обеспечивающий реализацию свободы личности, а, следовательно, затруднен путь движения духовного потенциала общества к уважению законов, ограничивающих произвол власти;

- во-вторых, в отечественной философии практически отсутствует оправдание индивидуализма как одного из проявлений свободы. Русская философия свободы замкнула человека в рамки нерасчлененной целостности, соборности, рассматривая его как часть целого, причем такого целого, которое не завершено без каждого своего члена (В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров).

Итак, на какие содержательные стороны своего духовного потенциала может опереться россиянин, следуя по пути модернизации, осуществляемой государством? Выберет ли он идеалы свободы и индивидуализма, не характерные для российского менталитета, или предпочтет подданническую культуру, удовлетворяющую в настоящее время большинство населения и соответствующую российскому менталитету (суть которого в целом составляют три идеи: православие (смирение и терпение), общинность (соборность), державность (стремление к административной вертикали)? Проведенный в статье анализ ментальных комплексов показал, что есть убедительные основания для вывода о том, что кроме политических и экономических трудностей нашему народу надо решить существенные социально-психологические проблемы на пути качественной модернизации социальной жизни.

1. Барулин В.С. Российский человек в XX веке: потери и обретение себя. – СПб.: Алетей, 2000. – 624 с.
2. Гаранина О.Д. Интерпретации менталитета в философской ретроспективе *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). - 2014.- № 6. -Том 2.- С. 22-28
3. Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета // Полис. - 2010. - №4.- С.7-21.

Петрова Е.В.

Самоидентификация и стереотипность мышления как адаптационные механизмы человека цифровой эпохи

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-99

idsp: 000001:lj-10-2018-99

Аннотация

В цифровую эпоху колоссально повышается информационное давление на индивида, его сознание, мировоззрение, психику, систему ценностей. Человек должен вырабатывать новые механизмы адаптации, чтобы успешно приспосабливаться к новой цифровой среде. Не будь стереотипов, человек не справился бы с тем объемом информации, который обрушивается на него из внешнего мира. Самоидентификация способствует активному усвоению образцов поведения и стереотипов, характерных для той или иной группы, принятию групповых норм, установок, целей, социальных ролей, идеалов в качестве собственных.

Ключевые слова: цифровая эпоха, информационное общество, человек, адаптация, стереотипность, массовое сознание, самоидентификация.

Abstract

In the digital age, the information load on an individual, his world view, psyche, and system of values increases many times. A person must develop new adaptation mechanisms in order to successfully adapt to this new digital environment. Without stereotypes, a person would not be able to cope with the amount of information that he receives from the outside world. Self-identification contributes to the active assimilation of stereotypes and patterns of behavior inherent in members of a group, the adoption of group norms, attitudes, goals, social roles, ideals as their own.

Keywords: digital age, information society, human, adaptation, stereotype, mass consciousness, self-identification.

Одной из ключевых особенностей человека как биосоциального существа, является тот факт, что любое изменение окружающей его природной, социальной, культурной среды, требует включения приспособительных механизмов – многогранных процессов изменения или адаптации организма к условиям среды или среды к потребностям и требованиям организма. Мы видим, что в условиях становления цифровой эпохи все более существенной частью окружающей среды становятся средства массовой информации и коммуникации: телевидение, Интернет, мессенджеры, социальные сети. Как подчеркивает Мануэль Кастельс, «СМИ... стали аудиовизуальной окружающей средой, с которой мы непрерывно и автоматически взаимодействуем» [5, с.320]. Следовательно, человек должен вырабатывать новые механизмы адаптации (или пытаться как-то трансформировать уже существующие), чтобы успешно адаптироваться в этой новой цифровой среде. Речь идет, прежде всего о социальной адаптации, хотя определенные моменты адаптации физиологической тоже имеют место.

Что же такое социальная адаптация? Помимо непосредственно биологической адаптации у человека формируется адаптация, основанная не на трансформациях его физиологической организации, а на изменении всего комплекса социальных отношений между людьми: экономических, социально-политических, морально-психологических, межличностных. Такого рода адаптация, называемая социальной, происходит в процессе становления личности, обучения индивида и принятия им ценностей, норм, установок и образцов поведения, характерных для данного социума, социальной общности или группы. Социальная адаптация вырабатывается как в ходе целенаправленного воздействия на человека в системе воспитания, так и под влиянием большого количества других воздействующих факторов: семейного и дружеского общения, искусства, средств массовой информации. Как справедливо подчеркивают А. А. Реан, А. Р. Кудашев и А. А. Баранов в своей работе «Психология адаптации личности», «весьма важную роль играют адаптационные процессы в разнообразных видах профессиональной деятельности. Здесь могут быть выделены два аспекта: во-первых, адаптация к изменившимся условиям реализации деятельности (изменения в структуре социальных ценностей, организационные преобразования, совершенствования и инновации в технологии); во-вторых, это адаптация, вхождение в новую профессиональную деятельность». [7, с.4]

Под социальной адаптацией обычно понимают непрерывный процесс активного приспособления индивида к социальным условиям среды, а также результат этого процесса. В процессе социальной адаптации человек выступает как адаптивно-адаптирующее существо, так как, в отличие от других живых существ, не только приспосабливается к среде, но и видоизменяет ее в процессе своей деятельности, зачастую формируя новую среду обитания (например, информационную или цифровую). Важное значение при анализе социальной адаптации имеет культурологический аспект, в силу того что культура является универсальной системой наследования адаптивно-адаптирующих стандартов и нормативов.

Отличительной чертой современной культуры является развитие процесса массовой коммуникации. По мере исторического развития содержания, вкладываемого в понятие «коммуникация», первоначальная его трактовка как простого влияния одних людей на других в процессе передачи информации уступила место осознанию этого явления как взаимодействия. Термин «коммуникация» содержит в себе значение передачи сообщения (информации), а также включает в себе явление объединения, возникающее при совместном потреблении информации, и возникновения некой общности людей, усвоивших данную информацию.

Массовая коммуникация – это процесс, включающий в себя получение (или создание), переработку и передачу с помощью постоянно совершенствующихся технических устройств социально значимой информации (познавательной, ценностно-этической) или информации, служащей проведению досуга и развлечению; представленной в знаково-символической форме, а также прием этой информации большими, зачастую социально разнородными, рассредоточенными группами людей.

Таким образом, массовая коммуникация выполняет следующие функции (по классификации С. А. Герасимовой):

- информационную – трансляция сообщений о событиях, фактах, идеологических ориентациях, о значении для общества тех или иных явлений;
- социальной регуляции – состоит из отклика получателя на информационное сообщение и определяет отношение адресата к полученной информации. Эта функция является важнейшим элементом процесса социального взаимодействия;
- развлекательную, адресованную массовой аудитории. [3, с.65]

Под влиянием научно-технической революции, появления массовой культуры и развития средств массовой информации сформировалось массовое сознание – особая форма общественного сознания. Исследования показали, что массовое сознание является, говоря словами Б. А. Грушина, «своеобразным фокусом, в котором сходятся все существенные сечения общественного сознания, и потому наиболее ёмким, так сказать, суммарным выражением уровня или состояния общественного сознания той или иной эпохи в целом». [4, с.61] Специфика его именно в том, что оно синтезирует все формы, виды, уровни общественного сознания, является синкретичным.

Одним из механизмов адаптации массового сознания к всё возрастающему потоку информации является стереотипность массового сознания. Каждый человек по необходимости руководствуется стереотипами в своём поведении, в процессе принятия решений. Социальный стереотип – это модель, которая представляет некоторую категорию. Социальные стереотипы, как правило, осознаются обществом и периодически являются предметом публичных дискуссий, им присваиваются имена. Социальные стереотипы преобладают при формировании образа в виртуальной реальности, но создание стереотипов интересно не только для исследователей формирования образа в компьютерной реальности, оно важно для понимания повседневного, «некомпьютерного» поведения. Исследования установили, что стереотипы могут понижать информационную нагрузку, но также могут иметь и противоположное действие, т.е. обогащать бедную информацией среду, что характерно для текстовой компьютерной среды. Представляется верной оценка стереотипизации В. С. Агеевым: «несмотря на то, что социальные стереотипы неизбежно упрощают, схематизируют, а то и прямо искажают видение социальной реальности, стереотипизация выполняет объективно необходимую и полезную функцию, поскольку само это упрощение объективно необходимо и полезно в общей психической регуляции деятельности».[1, с. 98]. Его мысль продолжают Т. П. Малькова и М. А. Фролова: «без стереотипов человек не справился бы с тем объёмом информации, который он получает из внешнего мира». [6, с. 34]

В большинстве событий, о которых сообщают средства массовой коммуникации, каждый индивид непосредственно не участвует. Большая часть узнаваемых им фактов не влияет прямо или непосредственно на его жизнедеятельность. Однако массовый поток этих фактов и сообщений попадает в сознание человека, вызывая в нем чувство соучастия в тех или иных процессах, соотнесенности с определенной общностью. В такой ситуации для современного человека наиболее остро встает вопрос осознания и конструирования своей социокультурной идентичности.

В литературе по социологии, социальной философии, психологии личности иногда происходит путаница понятий «социокультурная идентичность» и «самоидентификация» (а также вообще «идентичность» и «идентификация»). Видимо, проблема заключается в том, что смешиваются процесс и результат, действительно, неразрывно связанные между собой. Самоидентификация – процесс сопоставления «себя с собой», в результате которого складывается представление о себе как о цельной, уникальной и самостоительной личности.

Социокультурная идентичность – это переживание и осознание своей принадлежности к определенным социальным группам и общностям, определенному типу культуры. Соотнесение себя с теми или иными социальными группами превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяет ему оценивать свои социальные связи в терминах «Мы» и «Они». То есть это некий достигнутый результат.

Проблема самоидентификации тесно связана с мироощущением и мировоззрением личности, с моделью поведения в обществе и, соответственно, с проблемами личностного роста и взаимоотношений с другими людьми. Идентификация выступает как механизм психологической защиты «Я» от агрессивной внешней среды, катализатор способности личности к саморазвитию. Четко вырисовывается и связь самоидентификации с социальными стереотипами — это своеобразный мост между индивидуальным и социальным, между личностной и социальной психологией. Идентификация как один из основных механизмов социализации личности проявляется в соотнесении индивидом себя с какой-либо общностью или группой (номинальной или реальной, большой или малой). Идентификация способствует быстрому принятию стереотипов и образцов поведения, характерных для той или иной группы, усвоению групповых норм, установок, целей, социальных ролей, идеалов в качестве собственных.

Идентификация тесно переплетена с процессом социализации, зависима от состояния социальной среды, основных общественных институтов (государства, семьи, образования, экономики).

Современные средства массовой информации и коммуникации открывают перед индивидом широкий простор поиска оснований для социальной идентификации. Нельзя не согласиться с Г. М. Андреевой в том, что информация, предоставляемая средствами массовой информации, «расширяет перед индивидом возможности выбора группы принадлежности, ибо дает более широкий перечень различных групп, их спектр и совершенствует оценку их со стороны потребителя информации».[2, с.246] Возрастание интерактивности современных каналов информации (прежде всего цифровых) открывает большие возможности для активного непосредственного участия человека в этом процессе, возможности манипулирования своей социальной идентичностью.

Но компьютерно-опосредованная коммуникация создает лишь видимость реальных отношений. Эти отношения во многом искусственны, лишены тех ценностей, без которых невозможны отношения в реальной жизни: чувства ответственности за любимого человека, готовности пойти ради друга «в огонь и в воду». М. Шпитцер пришел к выводу, что чем больше времени дети проводят за реальным, не виртуальным общением с друзьями, тем эффективнее они строят социальные связи и реже выступают в роли аутсайдеров. [8, с.99] Отчасти, предлагаемая виртуальной реальностью компенсация притягательна для тех, кто не получает признания в социуме и удовлетворения от

межличностной коммуникации в реальной жизни. Проблема же, связанная с социокультурной идентичностью, состоит в том, насколько подходит виртуальный опыт для решения повседневных задач реальной жизни, преодоления ее трудностей, соотнесения себя с реальными, а не виртуальными группами и общностями в процессе социализации. Очевидно, что реальные процессы самоидентификации и социализации принципиально отличны от умения существовать в реальности виртуальной, адаптироваться к ней. Жизнь намного сложнее и требует от человека совсем других качеств, умений и усилий, чем те, что востребованы в игре или действиях в виртуальном пространстве.

1. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов. // Вопросы психологии. 1986, №1. С. 95-102.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
3. Герасимова С. А. Культурология и теория коммуникации. М.: Гардарики, 2007. - 173 с.
4. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во полит. Лит-ры. 1967.- 400 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
6. Малькова Т. П., Фролова М. А. Информационное общество: поиск детерминант формирования массового, группового и индивидуального сознания. // Современные социально-политические процессы и динамика массового сознания. М.: Изд-во МГТУ, 1992. - 143 с. С. 32-40.
7. Реан А.А, Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. - 480 с.
8. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина – М.: АСТ, 2014. – 288 с.

Петрова Е.В.

Информационная экология в структуре современного экологического знания

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-100

idsp: 000001:lj-10-2018-100

Аннотация

Вследствие расширения предметной области науки экологии возникают такие новые науки, как социальная экология, экология человека, глобальная экология. Информационные потоки занимают в окружающей среде настолько значимое место, что цифровую среду можно считать основной средой обитания современного человека. Информационная экология может помочь понять необходимость оптимизации взаимоотношений человека с изменяющейся информационной средой и разработать направления такой оптимизации.

Ключевые слова: экология, социальная экология, экология человека, информационное общество, цифровая эпоха, информационная экология.

Abstract

Due to the expansion of the subject area of environmental science, such new sciences as social ecology, human ecology, global ecology arise. Information flows in the environment are so significant place that the digital environment can be considered the main habitat of modern man. Information ecology can help to understand the need to optimize the relationship of a person with a changing information environment and develop directions for such optimization.

Keywords: ecology, social ecology, human ecology, information society, digital age, information ecology.

Экология постоянно расширяет свою предметную область. Это связано как с расширением наших знаний о мире вообще, так и с тем, что экологическая обстановка постоянно ухудшается, планете грозит необратимый экологический кризис. Возникают такие новые науки, как социальная экология, экология человека, глобальная экология. У каждой из этих наук свое проблемное поле.

Одной из таких наук является социальная экология. Зарождение социальной экологии как науки связано с работами чикагской школы социологии в двадцатые годы прошлого века, когда возникла необходимость изучения специфики воздействия городской среды на жизнедеятельность человека. В настоящее время социальная экология изучает взаимодействия социума не только с природной, но и с искусственно созданной или преобразованной человеком средой. Выявить и понять закономерности сосуществования общества с природной и искусственно измененной (например, урбанизированной) жизненной средой – одна из главных задач социальной экологии.

Иногда социальную экологию отождествляют с экологией человека. Как подчеркивает М.Г. Сизова, «содержательное разграничение между этими областями знания нечеткое». Более того, часто происходит путаница еще и с предметом глобальной экологии: «вывод, что социальная экология исследует отношения природа – промышленно-технологические системы – общество, скорее можно отнести к предмету глобальной экологии». [10, с. 138].

Решением этого вопроса мне представляется классификация, предложенная такими авторами, как В.П. Селедец и С.И. Коженкова в учебнике «Социальная экология». Авторы учебника считают глобальную экологию и экологию человека (и, кроме того, собственно социальную экологию в узком смысле слова) тремя направлениями в развитии более общей науки – социальной экологии. Глобальная экология определяется ими как «исследование взаимоотношений общества с природной средой на глобальном уровне», социальная экология в узком смысле слова как «исследования взаимоотношений с природной средой различных групп населения и общества в целом с точки зрения понимания человека как общественного существа». [9, с. 12]. Предмет изучения глобальной экологии – общие принципы организации отношений различных объектов со средой их обитания. Таким образом, в глобальной экологии формируется общая теория коэволюционных отношений объектов и среды их обитания, проанализированных в структурно-организационном плане. И, наконец, экология человека, которой в данной статье будет уделено наибольшее внимание. В.П. Селедец и С.И. Коженкова определяют предмет и основную проблемную область этой науки следующим образом: «Её предмет – система взаимоотношений с природной средой человека как биологического существа. Основная проблема – целенаправленное управление сохранением и развитием здоровья человека, населения, совершенствование Человека как биологического вида. Здесь и прогнозы изменения здоровья под влиянием изменений среды обитания, и разработка нормативов в системах жизнеобеспечения». [9, с. 13].

Другими словами, под экологией человека можно понимать науку о взаимодействии, взаимозависимости человека и окружающей его среды. Она изучает как сохранение естественной среды обитания человека, так и проблемы охраны жизни и здоровья самого человека. Важное значение для экологии человека имеют исследования коэволюционной деятельности человека и природных систем с учетом как воздействия человека на окружающую среду, так и обратного влияния, а также адаптации человека к различным факторам среды. И.К. Лисеев определяет современную экологию человека как «комплексное междисциплинарное научное направление, изучающее закономерности адаптации человека к условиям среды, воздействие на человека природных факторов (климатических, температурных, высотных, атмосферных) и обратный процесс различных реакций человека на эти

факторы в зависимости от генетических, психологических и культурных особенностей». [4, с. 30].

По определению В.П. Казначеева, экология человека «изучает закономерности взаимодействия людей с окружающей средой, проблемы развития "качества" народонаселения, сохранения и развития здоровья, совершенствования психофизических возможностей человека». [3, с. 10]. При этом он подчеркивает междисциплинарность и синтезирующий характер этого научного направления. Работа В.П. Казначеева написана достаточно давно, в 1988 году, но его определение экологии человека по-прежнему сохраняет свою актуальность и даже приобретает новое звучание в изменяющихся условиях бытия человека. Практически все перечисленные В.П. Казначеевым «проблемные поля» экологии человека (появление специфических форм напряжения здоровья, эволюционная перестройка его психофизических свойств, глобальная дифференциация природной среды, образование антропогенного фона и т.п.) не только не получили своего разрешения, но и усугубились. Важность экологических проблем как глобальных проблем современности только возрастает, научно-технический прогресс по-прежнему, и даже в гораздо большей мере, «приводит к глобальной перестройке биосферы и вызывает далеко идущие экологические последствия». [3, с. 9].

Экосистемы существовали на нашей планете за миллионы лет до зарождения человечества. Какие же изменения произошли с его появлением и развитием? Современный человек своей деятельностью настолько изменяет окружающую среду, что она претерпевает глобальные трансформации, экосистема превращается в антропоэкосистему, то есть экосистему, центром и основной преобразующей силой которой является человек. Еще В.И. Вернадский говорил, что человечество, его научная мысль становится самой мощной преобразующей силой на нашей планете. Антропоэкосистема, по определению Б.Б. Прохорова – это «пространственное подразделение среды обитания человека, во всех своих частях обладающее сходством природных, социально-экономических, производственных, эколого-гигиенических, культурно-бытовых условий жизнедеятельности населения, которые формируют мировосприятие и экологическое сознание, уровень здоровья, демографическое поведение, физический облик, трудовые навыки, образ жизни, обряды и обычаи, выбор религии, профессиональные предпочтения и пр.». [8, с. 20]. Биолог Т.В. Починова подчеркивает: «Главной отличительной особенностью антропоэкологических систем по сравнению с природными экосистемами служит наличие в их составе человеческих сообществ, которым в развитии всей системы принадлежит доминирующая роль». [7, с. 163]

Как уже было сказано, среда, в которой обитает современный человек, все сильнее отличается от естественной экосистемы. Определение «искусственно созданная окружающая среда» включает в себя очень широкий спектр различных вариантов человеческого окружения. Это и урбанистическая, городская среда, и внутренняя среда наших жилищ и офисов, и искусственно созданная компьютерная информационная среда, в которой мы проводим все больше рабочего и свободного времени. Безусловно, все эти типы сред, с одной стороны, созданы человеком, с другой – требуют определенной адаптации к себе.

Цифровая информационная среда и информационные потоки занимают в окружающей среде все более значимое место. Мы проводим такое количество времени за работой на компьютере, в Интернете, соцсетях или за игрой в компьютерные игры, что можем считать цифровую информационную среду основной средой нашего обитания. Какое же влияние на человека как биосоциальное существо оказывают вышеперечисленные виды деятельности? Каким образом изменения, вносимые в нашу жизнь искусственно созданной средой цифровых коммуникационных технологий,

воздействуют на наше сознание и мировоззрение, экономику и производство, работу и образование, семью и межличностные отношения?

Ставя вопросы, подобные вышеперечисленным, многие авторы вполне обоснованно пришли к выводу о необходимости создания новой науки – информационной экологии, которая будет анализировать «закономерности влияния информации на формирование и функционирование человека, человеческих сообществ и человечества в целом, на индивидуальные и общественные взаимоотношения с окружающей информационной средой, а также межличностные и межгрупповые информационные взаимодействия». [6, с. 8].

Термин «информационная экология» («Information Ecology») появился на западе в конце восьмидесятых годов, а российские учёные начали использовать его с конца девяностых годов двадцатого века. А.Л. Еремин, анализируя разработанность научного направления «информационная экология», отмечает, что на данный момент не сформировалось окончательной дефиниции, и разные авторы вкладывают в него различный смысл. К примеру, К. Харрис и Т. Девенпорт под «информационной экологией» подразумевают проблему менеджмента знаний в организациях, подход к информационному управлению в трудовых коллективах. Законы экологии используются, чтобы «привлечь внимание к потенциалу экологического мышления, сделать акцент на взаимосвязь подсистем в информационном пространстве организации». [2, с. 113].

Р. Капурро приходит к выводу, что проблемы «информационной экологии» возникают в социумах, перенасыщенных информацией и тесно переплетены с проблемой «информационного загрязнения». [12]. Термин «информационное загрязнение» был введен в 2003 г. Я. Нильсеном и изначально обозначал «засорение» информационной среды избыточными, искаженными и недостоверными данными. На сегодняшний день под информационным загрязнением понимается поток «дисгармоничной, хаотической, разрушительной информации, воздействующий на человека, преимущественно, через его зрение и слух». [1, с. 89].

Авторы монографии «Информационная экология» понимают под этим термином науку, анализирующую особенности влияния информации на развитие и функционирование человека, отдельных человеческих сообществ и общества в целом, на индивидуальные и общественные взаимоотношения с внешней информационной средой. [5].

В.А. Шапцев, анализируя проблемные поля информационного общества, определяет информационную экологию как научное направление, изучающее информационную составляющую взаимодействия биологических систем между собой и с окружающей средой. Исходя из этого, он выделяет в информационной экологии несколько направлений: информационная экология социума, информационная экология человека, информационная экология флоры, информационная экология фауны; информационная экология недр. [11].

Информационная экология может помочь понять необходимость оптимизации взаимоотношений человека с изменяющейся информационной средой и разработать направления такой оптимизации. Она связывает воедино две актуальнейшие проблемы человечества – воздействие на человека последствий информационной революции и глобального экологического кризиса. Возможно, комплексный анализ этих проблем поможет нам найти новые, нестандартные пути их решения.

Несмотря на то, что четкого и однозначного определения того, что же такое информационная экология, пока не выработано, уже сейчас можно сделать вывод, что одна из задач этой становящейся науки – разработка методов регулирования взаимоотношений человека и общества с информационными потоками. В условиях наступающей цифровой эпохи эту задачу можно считать одной из остро актуальных для оптимизации жизнедеятельности человечества. Таким образом, дальнейшее

всестороннее развитие информационной экологии, четкое определение ее проблемного поля, задач и методов и является на сегодняшний день весьма актуальной задачей.

1. Дружилов С.А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 4. С. 89-92.
2. Еремин А.Л. Ноогенез и теория интеллекта. – Краснодар: «Советская Кубань», 2005. 356 с.
3. Казначеев В.П. Экология человека: проблемы и перспективы // Экология человека. Основные проблемы. Сб. научных трудов. / Отв. редактор Казначеев В.П. М.: - Наука, 1988. С. 9-32.
4. Лисеев И.К. Современная биология в формировании новых регулятивов культуры // Биология и культура. М.: Канон+, 2004. С. 5-49.
5. Мизинцева М.Ф., Королева Л.М., Бондарь В.В. Информационная экология. М.: Россельхозакадемия, 2000. 231 с.
6. Парахонский А.П., Еремин А.Л. Проблемы информационной экологии в ноосфере // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2009. № 7. С. 8.
7. Починова Т.В. Основы экологии человека. Взаимосвязь экологии человека и здоровья // Научный вестник Технологического института - филиала ФГБОУ ВПО Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина. 2015. № 14. С. 162-166.
8. Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. - М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. 320 с.
9. Селедец В.П., Коженкова С.И. Социальная экология. Учеб. пособие. Ч. 1. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 128 с.
10. Сизова М.Г. Социальная экология и экология человека в свете современных экологических проблем // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 5 (24). С. 138-139.
11. Шапцев В.А. Информационная экология информационного общества // Информационная экология. Сборник статей. Материалы семинара «Информационная кампания по пропаганде экологических знаний в информационном обществе». – М.: Высший химический колледж РАН, 2003. С. 33–44.
12. Capurro Rafael. Towards an Information Ecology // Irene Wormell (Ed.): Information and Quality. - London: Taylor Graham, 1990. P.122–139.

РАЗДЕЛ X. ИСТОРИЯ

Галашова Е.С., Пашкова А.А.

Благотворительность в Сортавала в XIX начале XX века

*Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-101

idsp: 000001:lj-10-2018-101

Аннотация

С начала XIX века в Северном Приладожье действовала особая форма оказания помощи бедным слоям населения. Источниками благотворительности была церковь и городской муниципалитет. Центром оказания помощи бедным была Сортавала, куда обращались жители всех близлежащих общин. В годы великого голода 1866-1868 гг. умерших от голода и эпидемий в Сортавала было гораздо меньше, чем в соседней сельской местности. С конца XIX века инициатива помощи бедным стала постепенно становиться прерогативой городских властей, влияние церкви со временем ослабевало.

Ключевые слова: Сортавала, уездный город, Ништадский мирный договор, церковь, благотворительность, киршпиль, голод

Сортавала была основана по эдикту шведского короля Густава II Адольфа от 17 июня 1632 года. Однако гибель короля в сражении задержала реализацию этого эдикта, и он был выполнен только в 1643 году. В 1646 году Сортавала получила статус города. В ходе Северной войны, в конце января 1705 года, Сортавала была разорена русскими войсками, а население угнано в плен в Россию. Поэтому когда по Ништадтскому мирному договору 1721 года Северное Приладожье перешло под власть России Сортавала потеряла статус города и стала обычным селением. В ходе русско-шведской войны 1741-1743 гг. в июне 1742 года Сортавала была сожжена в результате набега отряда финских партизан. Только в июле 1783 года Екатерина II присвоила Сортавале статус уездного города Выборгской губернии. С 1721 по 1809 год город находился в составе Российской империи, а с 1809 по 1917 город перешел в состав Великого княжества Финляндского, которое также входило в состав российской империи.

Развитие благотворительности являлось важным фактором увеличения численности населения Сортавалы. В целом, Выборгская губерния и Северное Приладожье, как ее составная часть, существенно отставали в области развития благотворительности от других губерний Финляндии. Так, в Турку, Оулу, Пори система оказания помощи нуждающимся сложилась еще в конце XVIII века. В Выборге система благотворительной деятельности начала складываться под влиянием местных властей только в 1830-х годах.

В Северном Приладожье уже с начала XIX века сложилась сложная система оказания помощи нуждающимся. В городах благотворительная деятельность исходила со стороны церкви и городского муниципалитета. В сельской местности источником благотворительной деятельности являлась местная церковь во главе с пастором, которая координировала сбор пожертвований среди прихожан. Так, по существовавшим в Финляндии законам, каждый киршпиль или приход был обязан «иметь попечение, призрение своих бедных, и надзор за ними поручает приходскому пастору».

Первоначально источником благотворительности в городе была церковь. По традиции, при церквях существовали кассы для бедных, так, к примеру, в 1815 году в сортавальской церковной кассе хранилось 198 рублей.

В Сортавале при православной церкви по крайней мере с 1807 года действовал приют общественного призрения для бедных, оказывавший финансовую помощь беднейшим слоям населения.

Судя по проекту устава опекунского комитета, организованного при Сортавальском православном приходе во второй половине XIX века (точная дата основания в документе не указана), в деятельность комитета входил широкий спектр вопросов. Помимо традиционной заботы о нравственном православном воспитании и образовании, имеются статьи о лечении заболевших детей и оказании финансовой помощи нуждавшимся. Помимо взносов членов опекунского совета, существовали пожертвования со стороны разных благотворителей.

Вторым источником благотворительной деятельности был городской муниципалитет, чьи доходы пополнялись поступлениями от сбора налогов, процентов, взимаемых с описи имущества и ренты. В 1829 году благотворительный городской фонд составил 122 рубля. В целом средства, выделяемые на благотворительность городскими властями, были гораздо более значительными, чем церковные.

Во время великого голода в Финляндии 1866-1868 годов в Сортавале в 1866 году был открыт приют для беднейших слоев населения, который оказывал необходимую медицинскую помощь не только горожанам, но и всем тем, кто находился на территории города и обратился за помощью. В 1867 году в городе был основан детский дом, куда попадали не только сироты из самой Сортавалы, но и из окрестных деревень Салминского и Сортавальского уездов. Таким образом, город являлся центром благотворительности во всем Северном Приладожье.

Сортавала в меньшей степени пострадала от голодных лет (1866-1868 гг.) и сопутствовавших им эпидемий, чем жители сельских местностей Салминского и Сортавальского уездов. В 1866 году в Сортавале погибли от голода всего 24 человека, в 1867 году 11 человек, а в 1868 году 32 человека. Жители Сортавалы имели приоритетное право получать медицинскую помощь в городской больнице, действовавшей с 1843 года. Кроме того, муниципальные власти и церковь обеспечивали нуждающихся горожан продовольствием и медикаментами, что спасало их от голодной смерти и истощения. В целом ситуация в Северном Приладожье была такой же, что и по всей Финляндии, где в 1866-1870 годах уровень смертности в городах Финляндии составил 30,8 %, а в сельской местности 39,2 %.

С 1875 года произошло кардинальное изменение в сфере благотворительности: забота о бедных практически полностью стала обязанностью и прерогативой городских властей, а инициативы, исходившие от церкви, существенно ослабли. Причина этого кроется в большей мере в активизации культурной жизни города и возникновении организаций, имевших практическую гуманитарную направленность. Это привело к тому, что источником благотворительности стали не только религиозные, но и светские организации. Второй же причиной, которая повлекла за собой усиление активности светских организаций и ослабление церкви как организатора благотворительности, была экономическая неспособность церкви оказывать помощь все более возрастающему числу обездоленных.

В последней трети XIX века в связи с форсированным развитием сортавальской экономики и активизацией культурной жизни в город хлынул поток крестьян из приладожских общин, главным образом, из сельской общины Сортавала, которые прибывали в город в поисках лучшей жизни. Многие оставались в городе навсегда и пополняли собой все более возрастающую прослойку неимущих слоев населения. Это стало настолько серьезной проблемой, что в 1886 году городские власти создали совет по вопросу, как поступить со всеми пребывающими в город переселенцами. Меры, принятые на этом совете, были довольно жесткими: все прибывшие из Сортавальской волости крестьяне должны были быть отправлены в места проживания, те же, кто проживал в Сортавале и получал деньги из кассы для бедных, обязывались трудиться, выполняя ремесленные работы на территории самого города. Главная цель данного решения состояла в том, чтобы не допустить оскудения городского бюджета за счет содержания трудоспособного, но нежелающего работать населения, местного или приезжего.

Тем не менее, из-за постоянного прибытия в город крестьян-бедняков, а также естественного увеличения численности горожан, численность населения, нуждающегося в

помощи властей, все возрастала. Так, в 1880-е годы (1881, 1883, 1885, 1887 гг.) на содержание беднейших горожан тратилось 1457 марок в год. В 1893-1902 годах годовой расход по данной статье составил 5739 марок в год. В 1903-1912 годах расход вырос в два раза и составил 10410 марок ежегодно. Интересно отметить, что получаемые пособия по бедности были нескольких категорий и существенно разделялись по выдаваемой сумме. Так, существовали как единовременные пособия по случаю какого-либо внезапно случившегося несчастья, ежегодные и ежемесячные пособия.

Необходимо также отметить, что непосредственное участие в снабжении и заботе о нуждах беднейшего населения проявляли Сортавальское евангелическое общество, а также Женское общество, ориентированное именно на благотворительные цели.

Развитие благотворительности, выражавшееся в заботе о бедных, явилось важным показателем ментального роста населения Северного Приладожья в XIX - начале XX веках. Данная тенденция продолжилась и в последующий период, когда с 1917 года изучаемая территория вошла в состав независимого финского национального государства.

1. Подробнее об истории Сортавалы см.: Краснолуцкий А.Ю. Сортавала. СПб., 2012.
2. Louhivuori O.W. Kunnallinen köyhäinhuoltosetus Suomen suurimmissa kaupungissa. Helsinki, 1915. S. 25.
3. Любеcker Е.Е. Выборгская губерния. С. 40.
4. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungien historia. S. 153.
5. Ведомость прихода и расхода средств на содержание детей, находящимся под присмотром приюта общественного призрения // НАРК. Ф. 813, оп. 2, д. 126, л.
6. Проект устава общинного комитета в Сортавальском православном приходе // НАРК. Ф. 885, оп. 1, д. 3, л. 5.
7. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Op. cit. S. 153, 202.
8. Turpeinen O. Nälkä vai tauti tappoi? Kauhunvuodet 1866-1868. Helsinki, 1986. S. 34.
9. Sortavalan maalaiskunta. Muistojenkirja. Jyväskylä, 1954. S. 83.
10. Turpeinen O. Op. cit. S. 264.
11. Rauhala K.N. Isänmaan kirja. Osa 1-2. Porvoo, 1926. S. 148.
12. Sortavalan maalaiskunta. Muistojenkirja. S.83.

Пашкова А.А., Галашова Е.С.

Роль общественных организаций в развитии сельского хозяйства на территории Северного Приладожья во второй половине XIX- начале XX века

*Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-102

idsp: 000001:lj-10-2018-102

Аннотация

Статья посвящена изучению истории функционирования в Северном Приладожье различных общественных организаций, которые возникли на данной территории под влиянием финского национального самосознания и необходимости модернизации экономики страны. Деятельность обществ заключалась в оказании консультационных услуг местным крестьянам, организации выставок, выплате поощрительных премий. Благодаря правильно организованной работе данных обществ удалось достичь существенного прогресса в развитии аграрного комплекса, а именно, увеличилось поголовье крупного рогатого скота и повсеместно сократилось подсечно-огневое земледелие.

Ключевые слова: Ладожская Карелия, экономика, земледелие, животноводство, Земледельческое общество

Се́верное Прила́дожье, или Ладожская Карелия (фин. Laatokan Karjala, Лаатокан Карьяла) — природно-исторический регион, в настоящее время ограниченный с юга берегом Ладожского озера, административной границей Ленинградской области и

Республики Карелии на западе, российско-финляндской границей на севере, и условной линией старой советско-финской границы 1939 года на востоке.

В средневековье эти территории принадлежали Великому Новгороду.

С XVII века Северное Приладожье отходит во владение Шведского королевства и на сто лет становится частью Кексгольмского лена. Россия возвращает эти земли только по итогам Северной войны. На протяжении большей части XIX века Северное Приладожье входит в состав Выборгской губернии, а с 1811 года в составе Великого Княжества Финляндского Российской империи. В 1917 году Финляндия получает независимость, и Северное Приладожье становится для Советской России заграничной территорией.

После страшного голода конца 1860-х годов экономика Финляндии и Северного Приладожья как его составной части, стала трансформироваться. Финляндская экономика, прежде базировавшаяся на земледелии, стала все больше опираться на животноводство, которое не было так зависимо от погодно-климатических условий и тем самым давало населению стабильное пропитание.

Определенную роль сыграла активная консультационная работа, которую проводили в Приграничной Карелии общественные организации. Уже с 1860-х годов в Приграничной Карелии действовало Земледельческое общество Выборгской губернии. В 1870-1880-е годы общество стало организовывать в Импилахти собрания земледельцев для обучения их способам интенсификации сельского хозяйства, а также проводить выставки лучших достижений в области сельского хозяйства. В 1887 году общество назначило в Приграничную Карелию агронома, в обязанности которого входила организация консультативной работы в помощь местному населению.

В 1893 году преподаватель Сортавальской семинарии Арвид Генец составил план создания Земледельческого общества Восточной Карелии. В 1894 году такое общество было основано на территории Салминского уезда, однако фактически оно стало действовать только с 1897 года. С 1899 года правительство Финляндии оказывало финансовую помощь крестьянам Салминского уезда, проявлявшуюся в выдаче денежных премий тем, кто стремился реализовывать в жизнь новейшие достижения в ведении сельского хозяйства. При этом, единовременные пособия достигали 200 марок в год (для сравнения жалование учителей как в русских, так и в финских школах Приграничной Карелии в эти же годы составляла 300 марок в месяц). В 1907 г. членами общества было 29 % всех жителей Приграничной Карелии. Проявлениями деятельности Земледельческого общества Восточной Карелии можно считать организацию сельскохозяйственных выставок и различных земледельческих состязаний и поездок на более развитые в земледельческом плане территории. Известно также, что государство предоставляло специальные денежные премии тем земледельцам, которые использовали прогрессивные методы и получали большие урожаи. Если рядовые члены общества получали небольшие, символические премии, то победители сельскохозяйственных выставок премировались крупными суммами. Индивидуальные консультации стали предоставляться жителям Приграничной Карелии с 1898 года. Так, только в одном Салминском уезде работали 2-3 агронома. Правда, эти консультации осуществлялись в общинах Корписелька, Суоярви и Суйстамо и не охватывали всей территории Приграничной Карелии.

С 1895 года Земледельческое общество стало активно действовать и на территории Сортавальского уезда. Целью данного общества было развитие национального сельского хозяйства, причем начинать они планировали именно с Сортавалы, чтобы превратить ее в сельскохозяйственный район. Производя посадки вокруг Сортавалы, общество продавало молодые саженцы и цветы по всей Северной Карелии. Одной из специфических черт данного общества было активное привлечение к своей работе молодежи. Кроме решения практических целей общество выступало и за сохранение традиционных моральных ценностей за нравственную чистоту, любовь к учебе, трудолюбие.

Помимо Сортавалы в Сортавальском уезде консультации проводились и в Укуниemi. Интересно отметить, что земледелию на этих организуемых обществом

курсах уделялось только 3 % учебного времени, остальное время было отдано животноводству и лесному хозяйству.

В основном, деятельность общества финансировалась государством. Так, в 1905 году финансовая поддержка государства составила 88 % от всех доходов общества.

В сфере земледелия деятельность агрономов-консультантов была направлена на усовершенствование методов ведения сельского хозяйства, а именно, на осушение болот и использование болотистых почв в земледелии, на создание искусственных лугов с целью выращивания травы как кормовой культуры, сокращение подсечного земледелия, на выращивание корнеплодов, дренаж почвы. Крестьян обучали и подготовке документов на получение займов на усовершенствование собственных земельных угодий и применение новейших методик в обработке земли. Одной из важнейших задач обучения считалась механизация сельского хозяйства по примеру Северной Америки. Одной из задач провозглашалось создание на всей территории Салминского и Сортавальского уездов садоводческих ферм, где бы выращивались не только типичные для Финляндии овощи, но и такие экзотические для этих мест культуры как виноград и персики.

На рубеже XIX-XX веков животноводство развивалось во многих общинах Сортавальского и Салминского уездов. Однако наибольших успехов оно достигло в общинах Соанлахти, Импилахти и Суйстамо. Результатом этой деятельности стали животноводческие выставки, организованные в 1906 году в Импилахти и в 1907 году в Соанлахти. Помимо того, почти в каждой общине уезда Салми, а именно в Суйстамо, Соанлахти, Салми действовали кружки «друзей лошадей», а также организовывались выставки местных достижений в области животноводства. Кроме того, в Салминском уезде были организованы и курсы по развитию крестьянского маслобойного промысла. Особенное внимание уделялось разведению птицы, свиноводству и овцеводству, как наименее развитым в данном регионе отраслям.

С 1898 года в Соанлахти при поддержке Земледельческого общества Восточной Карелии действовала постоянная двухгодичная школа земледелия, а в 1900 года была основана школа скотоводства. Учащиеся, главным образом, выходцы из уезда Салми и ближайших частей Выборгской губернии, на время обучения даже получали небольшие стипендии. Всего за 1901-1905 годы правительство субсидировало на эти нужды 2800 марок. Кроме того, передвижные двухмесячные курсы земледелия действовали вплоть до их закрытия в 1909 году во всех общинах Приграничной Карелии.

По мнению финского ученого Т. Хямюнена, роль этих организаций в совершенствовании методов ведения сельского хозяйства была незначительна. Гораздо большее влияние на внутреннюю потребность приладожского крестьянина менять традиционный уклад оказывали именно внешние условия, главным образом, конъюнктура рынка, а впоследствии и необходимость выживать без экономической помощи России после 1917 года. По мнению же современников авторов сборника «*Salmin kihlakunta*», напротив, главным источником прогресса выступали именно эти общественные организации. Первоначально они привлекали крестьян денежными субсидиями, затем, когда финансирование консультативных проектов прекратилось, крестьяне использовали полученные ими навыки и опыт в реальной жизни. Так, осушение и дальнейшее возделывание болотистых почв в Приладжье стало итогом этой консультативной работы и значительно расширило посевные площади Салминского и Сортавальского уездов.

Прогресс в развитии сельского хозяйства проявлялся к концу XIX века в обоих изучаемых уездах. Там повсеместно сокращалась подсека и увеличивались площади искусственных лугов. В 1864 году площадь лугов в Приграничной Карелии (Салминском уезде) составляла 6118 гектаров, в 1905 году 10305 гектаров, в 1910 году – уже 11781 гектар. В Рускеальской волости Сортавальского уезда в 1910 году площадь лугов составляла 2407 гектара, а в 1920 году 2843 гектара. Повсеместно увеличивалось поголовье крупного рогатого скота и овец. Сокращение подсечно-огневого земледелия также можно рассматривать как одно из проявлений прогресса сельского хозяйства. Так, в Салминском уезде в 1910-1920 годах площади, занятые подсечно-огневым земледелием

сократились с 967 гектаров до 492 гектаров. Таким образом, консультационная роль общественных организаций привела к реальному улучшению состояния сельского хозяйства на территории Северного Приладожья и превращению данных территорий в один из самых развитых в аграрном отношении регионов Финляндии.

1. Линтунен П., Хютенен М., Иконен К., Кивимяки С. Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Финское культурное наследие в ландшафте северного побережья Ладожского озера. Хельсинки, 1998. С.
2. Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. S. 108.
3. Salmin kihlakunta. Helsinki, 1908. S. 57.
4. Ibid.
5. Basilier H. Kansakoulujen kehityksestä Itä-Suomessa ja erittäin kouluoloista Salmin kihlakunnassa // Karjalan kirja. Osa 2. Porvoo, 1910. S. 230.
6. Kertomus Itä-Karjalan maanviljelysseuran vaikutuksesta. Sortavala, 1898. S. 24.
7. Salmin kihlakunta. Helsinki, 1908. S. 57.
8. Karttunen U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. S. 336.
9. Kertomus Itä-Karjalan maanviljelysseuran vaikutuksesta. Sortavala, 1898. S. 66.
10. Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. S. 110.
11. Kertomus Itä-Karjalan maanviljelysseuran vaikutuksesta. S. 66.
12. Ibid. S. 11.
13. Ibid. S. 14.
14. Salmin kihlakunta. Helsinki, 1908. S. 58; Kertomus Itä-Karjalan maanviljelysseuran vaikutuksesta. S. 56.
15. Kertomus Itä-Karjalan maanviljelysseuran vaikutuksesta. S. 14.
16. Salmin kihlakunta. S. 60.
17. Ibid. S. 67.
18. Salmin kihlakunta. S. 61.
19. Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. S. 122.
20. Ruskeala. Ruskealan pitäjän muistokirja. Joensuu, 1966. S. 62.
21. Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. S. 115.

Саманцов А.П., Трофимова В.С.

Развитие делопроизводства в Российской Федерации: этапы автоматизации

*Таврическая академия (СП) ФГАОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-103

idsp: 000001:lj-10-2018-103

Аннотация

Принятие управленческого решения выступает как результат осознанной управленческой деятельности. В совокупности факторов, влияющих на его качество, особое место занимает организация документооборота в актуальных для своего времени видах и формах. Современное производство, ориентирование на дальнейшую автоматизацию и компьютеризацию требует перехода к современным технологиям обеспечения и обработки документационной информации. Одним из таких направлений в настоящее время выступает автоматизация делопроизводства. Авторы рассматривают основные этапы становления процесса автоматизации делопроизводства и их характерные черты, ориентируясь на перспективу его развития.

Ключевые слова: делопроизводство, управленческое решение, документооборот, электронный документооборот

Основная задача, которая стоит перед любой организацией - это повышение эффективности труда. Применение бумажного документооборота не позволяет решить эту задачу в полной мере, так как такой документооборот имеет множество недостатков (риск утери информации, неудобный поиск, сложность редактирования). На сегодняшний день повсеместно внедряется электронный документооборот. Он

обеспечивает согласованную работу всех сотрудников, призван избавить организацию от нерационального расходования средств и времени.

Электронным называется документооборот с использованием автоматизированной информационной системы (системы электронного документооборота) [1].

Система электронного документооборота (СЭД) – это организационно-техническая система, с помощью которой происходит процесс создания, управления доступом и распространения электронных документов в компьютерных сетях, а также осуществляется контроль над потоками документов в организации. СЭД появились не так давно, однако уже прочно закрепились в информационной структуре организаций. Первоначально СЭД создавали для упрощения делопроизводства, автоматизации документооборота. На данный момент количество функций СЭД значительно увеличилось. Основная задача, которая стоит перед современными системами электронного документооборота – это управление всеми документными потоками в организации, они охватывают все сферы деятельности работы предприятий. СЭД применяется в различных сферах: от общего делопроизводства до управления связями с клиентами (CRM customer relationship management).

В развитии систем электронного документооборота можно выделить несколько этапов:

1. Первый этап охватывает период с начала 80-х годов XX века до начала 90-х годов. Этот период характеризуется стремительным ростом документации на предприятиях и в организациях. Возникает необходимость автоматизации некоторых управленческих процессов для повышения эффективности работы организаций. Первые системы электронного документооборота разрабатывались для решения индивидуальных процессов, конкретных задач, чтобы сократить временные затраты на обработку документов. Системы создавались самими организациями и были ориентированы на решение задач конкретного предприятия. Такой подход имел следующие достоинства: полное соответствие созданной СЭД фактическим регламентированным процессам документооборота, интеграция в информационную инфраструктуру организации. Однако, такая система имела один существенный недостаток: данная система была не масштабируемой, изменить структуру автоматизируемых процессов было практически невозможно. Это приводило к невозможности дальнейшего развития такой системы, ее гибкой перестройки под изменяющиеся запросы организации.

2. Следующий этап охватывает период начала 90-х годов XX века и продолжается до конца XX века. Для этого периода характерно появление нового подхода в решении проблемы автоматизации делопроизводства. В середине 90-х годов было создано несколько компаний, которые начали создавать универсальные СЭД, они могли подстроиться под запросы любой организации. Такие системы легко масштабировались под нужды заказчиков. Технология создания конечного решения СЭД состояла из двух этапов: на первом создавалось унифицированное ядро СЭД, на втором – происходила настройка процессов под запросы конкретной организации (предприятия). Это было достаточно прогрессивное решение на тот момент.

3. Третий этап начался в конце XX века. В этот период полностью изменился подход к автоматизации документооборота. Стали разрабатываться системы с применением технологий workflow (управление потоками). Это позволило разработчикам СЭД обеспечить непрерывное изменение автоматизируемого процесса в целях его максимального соответствия процессам предприятия. В данный период сформировался рынок основных разработчиков СЭД. В современных системах электронного документооборота применяются различные технологии (электронная подпись, штрих-кодирование, оптическое распознавание документов, поточное сканирование). Создаются системы, которые можно подстроить под любую организацию, независимо от ее масштабов, структуры, сферы деятельности.

В России проблема автоматизации делопроизводства возникла ещё в советский период. В 1980-х гг. началась автоматизация делопроизводства в государственной сфере, прежде всего, в Центральном комитете КПСС. Первоначально была автоматизирована работа Общего отдела, а позже ряда секретариатов. Общий отдел занимался канцелярской деятельностью. Через этот отдел проходил весь документооборот ЦК КПСС, в том числе и материалы КГБ СССР. В обязанности Общего отдела ЦК КПСС входило делопроизводство и учёт деятельности аппарата ЦК, а также надзор за соблюдением режима секретности в государственных органах, хранение личной информации о партийных и государственных деятелях СССР [2]. Затем была автоматизирована вся система работы с документами в ЦК и Политбюро. Разработанная электронная система документооборота Секретариата и Политбюро ЦК далее стала использоваться в Аппарате Президента СССР и затем в Администрации Президента РФ.

Первые системы делопроизводства представляли собой одно автоматизированное рабочее место секретаря. Функциональность первых систем была существенно ограничена, вся работа заключалась в вводе регистрационно-контрольных карточек (РКК) в систему, ведении журналов (входящих/исходящих и внутренних) документов, а также обращений граждан, поиске РКК по атрибутам, подготовке отчетов.

Российский рынок систем электронного документооборота зародился только в 1990-х гг., когда начали создавать универсальные СЭД. На сегодняшний день разработано большое количество СЭД, использован зарубежный опыт передовых стран в области автоматизации. Наиболее популярными СЭД в Российской Федерации являются: СЭД «ДЕЛО», ЕВФРАТ, DIRECTUM. Основными разработчиками являются компания ЭОС (Электронные офисные системы), которая является признанным лидером на рынке систем автоматизации документооборота и управления корпоративным контентом и компания DIRECTUM – ведущий разработчик программного обеспечения в области электронного документооборота.

Современные СЭД должны соответствовать предъявляемым требованиям. Это не только безопасность системы, гибкость управления, в них также должны быть заложены дополнительные технологии для решения новых задач в дальнейшем.

В Российской Федерации на сегодняшний день сформировалась и существует хорошо разработанная нормативная база в области делопроизводства. Она представлена федеральными законами, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, государственными стандартами. В законодательных актах регламентируется работа с бумажными документами. Однако, в связи с возрастающей ролью информационных технологий в сфере делопроизводства, в законодательство вносятся изменения, касающиеся организации работы с электронными документами, издаются новые акты, в которых установлены требования к электронным документам, порядок их создания, исполнения, хранения, передачи [3]. Востребованность систем электронного документооборота вызвана объективными причинами, среди которых рост объема документов, и динамичность информационной среды. Особую роль играет автоматизация делопроизводства в государственном секторе.

1. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. – Взамен ГОСТ Р 51141-98; введ. 2014-03-01. – М.: Стандартинформ, 2014. – 11 с.)
2. Компьютерные истоки Старой площади // Альманах "Восток". Коммерсант.-2005. – N 1/2 (25/26) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_arfp_782.htm
3. Алексенцев, А. И. Автоматизация делопроизводства / А. И. Алексенцев. – М.: ЗАО Бизнес-школа «Интел-синтез», 2004. – 234 с.

РАЗДЕЛ XI. СОЦИОЛОГИЯ

Губанова А. А. Титова Д. Ю.

Семья и брак в представлении современной молодежи

Тульский Государственный Университет
(Россия, Тула)

doi: 10.18411/lj-10-2018-104

idsp: 000001:lj-10-2018-104

Аннотация

В современной России можно заметить, как изменяются отношения к традиционным идеалам, моральным и нравственным ценностям, также это касается и брачно-семейных отношений.

Семья по-прежнему является для молодежи важнейшей ценностью, несмотря на существенные изменения, которые претерпевает семейно-брачный институт в современном обществе в результате экономических, социальных, культурных и других процессов, происходящих в обществе.

Ключевые слова: семейные отношения, семейные ценности, брак, семья, гражданский брак, фактический брак.

Семья, как важнейший институт общества, обладает довольно сильным механизмом выживания и социально-психологической адаптации к новым условиям. Сущность изменений, затронувших российскую семью, связана более всего с утратой формальных институциональных признаков в том виде, в котором они были присущи семье ранее, при усилении позиций неформальных.

Семья и семейные ценности – основа жизни и благополучия человека. Между тем эта неотъемлемая жизненная ценность сегодня подвергается кардинальным изменениям и полной трансформации.

Для начала, рассмотрим понятия «брак» и «семья». Семья – это общность людей, связанная узами брака, основанная на совместной общесемейной деятельности и осуществляющая воспроизводство населения, преемственность семейных поколений и социализацию детей [2]. Семья одновременно представляет собой и малую группу (ячейку общества) и социальный институт.

Брак – семейный союз мужчины и женщины, который порождает их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям. Молодые люди, которые решили создать семью, должны иметь ясное представление о том, зачем вступают в брак, что ожидают от семейной жизни, какие семейные отношения стремятся построить, какие обязанности на них налагает супружество, родительство.

В настоящее время молодежь стремится повысить уровень образования, осуществить профессиональный рост, достичь материальной независимости, что в лучшем случае приводит к откладыванию момента вступления в брак. В современной ситуации изменились ценностные ориентации и сама система добрачного поведения. Подготовка молодежи к браку носит стихийный характер, так как утрачивается роль семьи. Добрачное поведение молодых людей кардинально изменилось, а именно в области в распространившейся тенденции сожительства, появляются новые формы знакомств, также особое место занимает толерантное отношение к семейным ценностям и обязанностям.

Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что все большее число современной молодежи полагает необязательным вступление в официальный брак, а предпочитают фактический брак. Фактический брак может выступать с одной стороны

пробной версией гражданского брака. В сознании молодых людей сформировалось представление, что прежде чем создать семью, необходимо «проверить свои отношения на прочность». А с другой стороны, фактический брак является формой семейно-брачных отношений, которую выбирает определенная часть населения. Неофициальный брак приводит к таким проблемам, как: малое количество заключения брака, малое деторождение, неполная семья, трансформация брачно-семейных отношений у последующего поколения и многое другое.

Таким образом, несмотря на то, что семья выступает одной из значимых ценностей, семейно-брачный институт в современном российском обществе претерпевает изменения, одним из направлений которых является рост популярности фактических браком в молодежной среде.

1. Воронцова Е. А. Социология социализации: проблемы и перспективы развития науки в современной России // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2011. – № 12 (70). – С. 36-41.
2. Винокурова А. В. Трансформация института семьи: функциональный подход // Труды Дальневосточного государственного технического университета. – 2006. – № 142. – С. 28-37.
3. Попова И. В. Гражданский брак как социальная проблема // Вестник Костромского государственного университета. – 2013. – С. 207-209.
4. Чурсина В. Н. Современная модель российской семьи: особенности социально-психологической адаптации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 6. – стр. 300.

Губанова А.А., Титова Д.Ю.

Фактический брак как социально значимая проблема

*Тульский Государственный Университет
(Россия, Тула)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-105

idsp: 000001:lj-10-2018-105

Аннотация

Фактический брак в современном российском обществе является актуальной социальной проблемой в настоящее время. Молодые пары не спешат создавать семью и регистрировать свой брак, а предпочитают сожительство. Данный факт впоследствии приводит к таким проблемам как: трансформация института семьи, деторождение в неполной семье, неуплату алиментов, трансформация брачно-семейного поведения подрастающего поколения, изменение моральных ценностей. Следовательно, для того что бы искоренить эту проблему, нужно ее досконально изучить.

Ключевые слова: фактический брак, неполная семья, трансформация института семьи, брачно-семейное поведение

Современный мир очень динамичен и происходящие в нем изменения не всегда можно отследить. Это так же касается трансформации социальных институтов, общественного поведения и моральных норм. Особое внимание следует уделить институту семьи.

Институт семьи предполагает юридическое заключение брака и выполнение множества функций, таких как: репродуктивная, экономическая, воспитательная, духовная, социальная и пр. Но современные молодые пары пренебрегают истинным понятием брак и склоняются к такой форме сожительства как фактический брак.

Фактический брак подразумевает совместное проживание и «псевдо» выполнение функций института семьи. Рассмотрим, какие функции выполняет

фактический брак на самом деле. Начнем с репродуктивной, в данном случае очевидно, что люди, просто проживающие вместе не стремятся заводить детей, в следствии чего, демографическая ситуация становится более острой. Конечно, бывают исключения и люди все-таки ставятся родителями, что так же не всегда является хорошим знаком, ведь, официально ребенок растет в неполной семье, к тому же, такие семьи чаще распадаются. Экономическая функция так же раскрывается не в полной мере, т.к. фактический брак является сожительством, то явной хозяйственно-экономической функции он не несет. Что касается воспитательной функции, они не в полной мере выполняются родителями, но ребенок растет с пониманием того, что фактический брак - это нормальное общественное явление, тем самым трансформируется его представление о семье. Так же прочность данных отношений не велика, что может увеличить число неполных семей в будущем. Далее духовная функция, это, пожалуй, единственная функция, которая выполняется так же, как и в гражданском браке, «супруги» психоэмоционально взаимодействуют друг на друга. И завершающей функцией будет социальная, так как фактический брак не является полноправной ячейкой общества, не взаимодействует с обществом как единое целое, то можно сказать, что социальная функция не выполняется.

Следовательно, можно отметить, что фактический брак не выполняет в полной мере всех функций института семьи, что негативно сказывается на социальном обществе проявляя не только демографические проблемы, но и социальные, экономические. Посредством трансформации института семьи происходит трансформации и других институтов,

Среди молодых пар, так же широкое распространение имеет такой термин как пробный брак, в их понимание он равен фактическому браку. Молодежь объясняет свой выбор тем, что прежде чем вступить в гражданский брак, необходимо ближе узнать партнера в процессе совместного проживания, вести хозяйство и выполнять функции семьи. И исходя из «пробного периода» принимать решение о дальнейшем развитии пары. Ученые отмечают, что у данного феномена наблюдается положительное действие, т.к. молодые люди подготавливаются к созданию полноценной семьи. Но так же, есть и множество минусов, возраст вступления в брак повышается, детородный возраст так же повышается, число детей в семье уменьшается и количество зарегистрированных браков падает.

Таким образом, можно отметить, что фактический брак является социально проблемой. Во-первых, трансформируется понятие семьи и семейных ценностей. Во-вторых, провоцирует появление и усугубление социальных проблем, таких как: неполная семья, сиротство и т.д. В-третьих, самой масштабной проблемой может стать демографическая, т.к. в настоящее время даже в гражданском браке репродуктивная функция покинула свои лидирующие позиции. Возможно, в будущем ситуация изменится, но на данный момент наблюдается тенденция увеличение числа фактических браков.

1. Кваша Б.Ф., Спицнадель В.Б., Минко Н.И. Ценностные основы семьи. – СПб.: Изд-во СПб. юридич. института МВД России, 1997. – 168 с.
2. Логвинович А.В., Логвинович В.С. Соотношение понятий «брак» и «соительство» в семейном праве // Вестник Российской академии естественных наук. 2015. № 19 (1). С. 73–74.
3. Мосиенко Т.А. Эволюция брачных отношений. – Социально-политические науки 6'2017. С. 74 – 76.
4. Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 23.10.2018).

Иванова В.С.**Возможности оценивания эффектов smart-технологий в системе образования***Томский государственный университет
(Россия, Томск)**doi: 10.18411/lj-10-2018-106**idsp: 000001:lj-10-2018-106*

В современном обществе важность информационных технологий, Интернет коммуникации и мобильной связи трудно переоценить. По отношению к индивиду Smart-технологии имеют колоссальный потенциал: от коммуникативных возможностей, до благополучия и безопасности. Но остаются открытыми вопросы о значении и перспективах умных технологий в системе образования. Уже десятилетие «умные технологии» являются необходимостью в различных отраслях и сферах, но определенного ответа на вопрос: что такое Smart-технологии пока не получено. Появляются статьи о том, что: «на смену «классическому» электронному обучению постепенно приходит смарт-образование» [1]. Термин «умное обучение» входит в лексикон учебных заведений и других структур, но однозначного толкования нет. Одна из интерпретаций смарт-обучения такова: «... это самоуправляемая, мотивированная, гибкая, обогащенная передовыми информационными технологиями образовательная система, объединяющая смарт обучающихся, смарт-преподавателей и смарт-среду, включающая в себя различные формы обучения из неформальных каналов (социальные сети, интернет, массовые открытые дистанционные курсы и др.), а также индивидуальный подход к обучающимся с целью приобретения ими необходимых знаний, навыков, умений и компетенций» [2, с. 2-3].

Вышесказанное позволяет сформулировать проблемное поле для исследования возможностей смарт-технологий в системе образования и актуализировать следующие вопросы: Каково отношение к смарт-технологиям социальных акторов (стейкхолдеров), связанных на прямую или косвенно с образовательной системой и готовы ли они к их интенсивному использованию в своих практиках? Каковы их оценки возможностей или ограничений умных технологий в образовании? Для ответа на перечисленные вопросы было проведено социологическое обследование.

Эмпирической основой послужил социологический опрос, проведенный в марте-июне 2018 г. Применялась качественная методология, позволяющая уловить нюансы мнений и смыслов целевых групп, использовалась техника полуструктурированного интервью. Объем выборочной совокупности составил 37 человек. Панель стейкхолдеров представлена пятью различными группами: представители власти, руководители организаций, преподаватели, студенты и научные сотрудники томских вузов. Фокус внимания был сосредоточен на выявлении осведомленности стейкхолдеров о смарт-технологиях и описании дискурсивного поля возможностей, эффектов смарт-технологий в образовательном процессе. Для анализа данных использовался дискурс-анализ текстов интервью опрошенных лиц. В ходе систематизации высказываний участников обследования было выявлено следующее.

Во-первых, относительно базовых представлений, опрошенных сформировано три вектора рассуждений. Первый дискурс - «особенности, нечто нового, необходимого», характеризующийся большей отстраненностью от образовательного процесса, поскольку наделяется уникальностью. В него включены представители власти, руководители и часть преподавателей: - «...актуальный, интересный очень-очень вопрос...» (представитель власти, жен.); «...продвинутая тема...для нас это ново...» (преподаватель, муж, тех.). Второй дискурс - «настороженного неприятия», граничащего с отказом использования технологий: «... сам термин вводит в ступор...» (преподаватель, жен, гум.); «не понимаю, о чем речь» (преподаватель, муж.); «...не

слышала такого определения» (студент, жен, гум.). Подобным образом рассуждает самая многочисленная и гетерогенная группа по статусу, возрасту и полу. Это не только лица, далекие от процесса образования, но и преподавательский состав, с различной специализацией. Третий – дискурс «будничности», приближен к обыденности, поэтому имеет больше шансов на включенность в обучение:

«...это современные изобретения: ноутбуки, приложения... мудл, порталы и т.д.» (студент, муж, тех.); «...используются и в повседневной жизни» (преподаватель, муж, гум.); «...все что угодно – смарт: обучение в Интернете, вебинары и т.д. (студент, жен, гум.); «...каждый сталкивается. Это и доступ в Интернет и электронные курсы» (науч. сотр., жен, тех.). Но так рассуждает самая немногочисленная группа, где преобладают студенты и научные сотрудники.

Во-вторых, в оценках стейкхолдеров преимуществ новых способов обучения однозначных толкований нет. Выделено три группы мнений. Первая – неоправданный пессимизм, в основном представлена преподавателями: *«...электронное обучение от безвыходности, взаимодействие с преподавателем – не заменит ни один онлайн курс» (преподаватель, муж.); «...если работаешь на уникальность, то вряд ли смарт-технологии сработают» (преподаватель, муж, тех.); «...уровень развития смарт-технологий в нашей стране очень низкий» (преподаватель, жен, гум.).* Базируются мнения на выделении моментов, связанных с невозможностью заменить личное общение студента с преподавателем на формальные взаимодействия, которые заложены в смарт-технологиях. Ключевой тезис данной группы: утрачивается аутентичность образовательного процесса. Вторая группа характеризуется как «неоправданный оптимизм»: *«...однозначно есть преимущества. Изменились технологии, а образование опаздывает – надо меняться» (представитель власти, жен.); «...все доступно...комфорт в обучении, творчество» (преподаватель, муж, тех.).* Представители этого типа акцентируют внимание на самостоятельности, независимости обучающегося от других, комфорте временном и пространственном: *«когда хочу, тогда и учусь»*. Данная группа отказывается замечать или не хочет видеть плюсы традиционного обучения. Третья группа оценочных суждений отражает «адекватные возможности» смарт-технологий:

«...технологии конечно нужны, это удобно, ... но не нужно забывать и старые подходы к образованию» (руководитель, жен.); - «...оперативность не заменяет личное общение» (науч. сотр, муж, гум.); «...все что можно перевести в цифру, формализовать – это смарт-технологии. Но есть аспект, который не формализуется: понимание - это только через живое общение» (преподаватель, жен, гум.); «...минимизируют затраты, но нивелируют человеческое взаимодействие» (студент, жен, гум.).

Представленные типы оценочных суждений информантов относительно возможностей смарт-технологий в обучении позволяют сделать вывод. Одни стейкхолдеры инициативны в освоении и применении смарт-технологий, они позиционируют себя как активных агентов, которые стремятся к изменениям, принимают новые формы и интегрированы в них; другие – неоправданно опасаются, что новые технологии вытеснят преподавателя из образовательной среды, третьи занимают выжидательную или нейтральную позицию. Наиболее инициативны и в основном видящие массу преимуществ в новых способах обучения – студенты. Далее, отсутствие консенсуса в оценочных суждениях основных пользователей умных технологий свидетельствует о неверии в улучшение или об отсутствии надежды на улучшение в системе образования в целом. Часть стейкхолдеров слабо включены в инновационную среду, поэтому у них нет возможности для сравнения потенциала, эффектов «умных технологий» в процессе подготовки специалиста.

Таким образом, можно наблюдать различия в информированности основных групп стейкхолдеров. Их представления находятся в континууме от пафосной

значимости до настороженности и нежелания что-то менять в своих образовательных практиках. Включенность респондентов в тот или иной дискурс позволяет сделать предварительное замечание: во многом и зачастую люди, пользуясь теми или иными инновациями, не обращают внимания на название и тем более не ставят задачу полной интерпретации. Анализ мнений респондентов показал, что современные субъекты образовательного процесса в лучшем случае Смарт-технологии пытаются транскрибировать с английского как «умное обучение», «как широкое использование Интернет-ресурсов», могут признавать преимущества этих технологий перед традиционными, но об их использования на том же уровне, что в повседневной практике, заявлять не приходится.

Хотя о значимости и преимуществах смарт-технологий в образовании высказываются все группы информантов, но оценивают эти преимущества по-разному. Требовательность чиновников возможно возникает не на пустом месте, т.к. они, с одной стороны, в целом в большей степени информированы о потенциале экономики и государства для реализации проектов, связанных с развитием смарт-технологий в системе образования, а, с другой, - не являются непосредственными участниками образовательного процесса и слабо интегрированы в его инновационное пространство. Лояльность и необоснованность студентов и преподавателей происходит из-за не посвященности в круг финансовых проблем, которые могут сопровождать внедрение умных технологий в обучении.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-013-00192.

1. Днепрова Н.В., Янковская Е.А., Шевцова И.В. Понятийные основы концепции смарт-образования // Открытое образование. - 2015. - № 6. - С. 43–51.
2. Мироненко Е.С. Задачи и перспективы внедрения смарт-технологий в образовательный процесс // Социальное пространство. - 2018. - № 1 - (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.5

Кудинова О.Д.

Актуальные проблемы молодой семьи в России

*Тульский государственный университет
(Россия, Тула)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-107

idsp: 000001:lj-10-2018-107

Аннотация

В данной статье проведен анализ состояния современной молодой семьи и выявлены ее основные тенденции. Рассмотрены основные проблемы молодой семьи и определены главные причины их возникновения.

Ключевые слова: современная семья, молодая семья, российское общество, молодежь.

Одной из социальных проблем современного российского общества является вопрос о сохранении и укреплении семьи. В настоящее время отмечается тенденция распада семей на начальном этапе ее формирования, что является подтверждением кризиса молодой семьи.

Для начала стоит дать определение молодой семье для более точного понимания данного понятия. Е. А. Ветрова считает, что молодая семья – малая социальная группа общества, основанная на брачном союзе и родственных связях, на совместном ведении общего хозяйства и моральной ответственности, с возрастом до 30 лет, имеющие первый брак [1]. Некоторые ученые, кроме этого, отмечают, что молодой семьей является та, которая состоит в браке менее трех лет.

Российская молодая семья имеет ряд проблем: большое количество разводов, и вследствие этого неполных семей; снижение здоровья молодежи; насилие в семье; уменьшение рождаемости; рост нетипичных форм и стилей жизни, например, добровольное одиночество и бездетность, распространение альтернативных форм семейной жизни – нерегистрируемые, материнские, гостевые. Данные преобразования можно рассматривать или как кризис современной семьи, или как эволюцию семьи [2]. Но стоит более подробно остановиться на некоторых особенностях современной семьи.

Членам молодой семьи, которые еще обучаются в вузах или выпускаются, необходима работа по специальности. Молодые люди не имеют опыт работы, они заняты учебной и семейной деятельностью, поэтому далеко не все могут устроиться из-за своей неконкурентоспособности. Молодой семье необходимо отдельное жилье, но, из-за недостатка денежных средств вследствие отсутствия постоянного заработка или постоянного места работы, это желание далеко не всегда является доступным.

Важной особенностью современной молодой семьи является тенденция к малодетности, откладывание рождения первого ребенка или даже к отсутствию детей в принципе. Причинами этого могут быть как материальные трудности и отсутствие собственного жилья, так и желание реализовать себя в карьере, достичь определенного роста в трудовой деятельности. В настоящее время дети не являются главным условием функционирования молодой семьи [3]. Выдвигаются новые механизмы формирования и устойчивости брака, такие как потребность в любви, счастье, возможности для реализации личностного потенциала.

Сегодня брак перестал быть пожизненным, заметно увеличение числа разводов, особенно на ранних этапах формирования новой семьи, образование большого количества неполных семей [4]. Также отмечается тенденция снижения брачности и рождаемости, но вместе с тем увеличения разводимости, увеличение числа детей, которые растут вне брака, большое число людей, которые вступать в брак не хотят в принципе. К последней категории людей можно отнести тех, кто живет ради удовольствия, не утруждающих себя ни работой, ни семьей, а также «карьеристов», которых в основном интересует самореализация и карьерный рост.

Нельзя не отметить психологические проблемы, которые возникают у молодых семей. Это могут быть и недопонимая с родителями, проблемы при рождении ребенка, совмещение домашних и семейных обязанностей, психологическая совместимость супругов.

Со временем меняется и экономическая функция молодой семьи. Материальное благополучие становится одним из важнейших факторов для успешного формирования и благополучия семьи. Действительно, низкая заработная плата, отсутствие жилья и уверенности в завтрашнем дне могут очень сильно сказаться на взаимоотношениях в молодой семье. Для поддержки молодых семей необходима экономическая помощь и социальная защита со стороны государства. В России эти процедуры проводятся, но в недостаточном количестве.

Таким образом, у молодой семьи в России существует множество проблем, таких как отсутствие собственного жилья, материальное неблагополучие, сложность в трудоустройстве. Обострение данных проблем связано с тем, что со стороны государства слабо развита поддержка данной социальной группы. Поэтому необходимо модернизировать государственную политику, касающуюся молодых семей и развивать систему подготовки молодежи к семейной жизни.

1. Ветрова Екатерина Александровна Проблемы молодых семей в российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2015. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-molodyh-semey-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 26.10.2018).
2. Верещагина Анна Владимировна, Самыгин Сергей Иванович, Кикоть Анастасия Сергеевна МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ И СПЕЦИФИКА ЕЕ АДАПТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №11. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/molodaya-semya-v-rossii-i-spetsifika-ee-adaptatsii-problemy-sotsiologicheskogo-diskursa> (дата обращения: 26.10.2018).
3. Абдрахманова Лилия Вилловна Молодая семья в условиях трансформации российского общества // ВЭПС. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodaya-semya-v-usloviyah-transformatsii-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 26.10.2018).
 4. Бибик Лариса Николаевна, Барбаков Григорий Олегович Проблемы современной молодой семьи // Вестник ЧелГУ. 2015. №26 (381). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-molodoy-semi> (дата обращения: 26.10.2018).

Мазуркова К.А.

**Роль концепции внутрикорпоративного СМИ в формировании
имиджа организации**

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Россия, Томск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-108

idsp: 000001:lj-10-2018-108

Аннотация

Статья посвящена особенностям формирования имиджа организации посредством внутрикорпоративных СМИ. Ключевую роль в этом отношении автор отдает концепции издания, отвечающей стратегическим задачам компании. Предпринята попытка определить, как отдельные структурные элементы концепции формируют основание для управления корпоративным имиджем.

Ключевые слова: корпоративные издания, имидж, концептуальная модель СМИ, корпоративные коммуникации, связи с общественностью.

Корпоративные коммуникации являются важнейшим инструментом для формирования имиджа организации и управления им. Особое место среди них занимают корпоративные СМИ, которые с течением времени перенимают все больше черт традиционных масс-медиа и все дальше уходят от своего прообраза — «заводских многотиражек».

Типоформирующим признаком корпоративных медиа является целеполагание: если традиционные СМИ выполняют социальный заказ и отвечают в первую очередь читательским интересам, то корпоративные СМИ созданы для реализации управленческих задач компании-учредителя.

Вслед за Л. М. Семеновой под корпоративным изданием мы понимаем «периодическое издание (печатное или электронное), выражающее секторные интересы базисного субъекта PR и отвечающее целям создания его позитивного имиджа и увеличения публичного капитала» [7].

Функции, алгоритм разработки концепции корпоративного издания, а также особенности редактирования в своих работах рассмотрели Л. М. Семенова, Ю. А. Петропавловская. Развитие обратной связи в процессе внутренних электронных коммуникаций описывает в своей статье Д.И. Спичева. Процессу формирования имиджа компании посвящены труды М. В. Вишняковой, М.О. Обуховой.

Проблема исследования заключается в недостаточности знания о роли внутреннего корпоративного СМИ в формировании имиджа организации.

Цель исследования заключается в поиске взаимосвязи между концепцией внутреннего корпоративного СМИ и процессом формирования имиджа организации.

По мнению исследователя М. О. Обуховой, «корпоративный имидж предприятия – это образ, который формируется и развивается предприятием и который соответствует нормам, ценностям и требованиям, предъявляемым к предприятию» [4].

Сегодня для крупных компаний стало нормой привлекать к подготовке корпоративных изданий профессиональных журналистов, а также использовать методы, функции и жанровые формы журналистики. При этом «материалы корпоративных СМИ содержат фактическую информацию, призванную создать не просто благоприятный, а тщательно спроектированный имидж компании – некий «образ будущего», желаемую картину» [6].

Основными современными видами печатных и электронных корпоративных СМИ можно считать: печатные периодические издания (информационный бюллетень, газета, журнал и пр.) и электронные корпоративные издания (интернет-сайт, интранет-портал, электронные версии газет и журналов, корпоративное радио, телевидение, блоги и др.)

По данным исследования Ассоциации директоров по Коммуникациям и корпоративным Медиа России в 2016 году корпоративные медиа использовали 93% опрошенных компаний, при этом 47,2% использовали как печатные, так и цифровые медиа [2].

Не смотря на развитие современных информационных технологий (уменьшение размеров гаджетов, увеличение зоны Интернет-покрытия, снижение стоимости мобильного интернета и рост распространения вай-фая) — корпоративные печатные периодические издания по-прежнему сохраняют свое доминирующее положение. Это связано с развитием информационной безопасности, существующими режимами охраны коммерческой и государственной тайны, техникой безопасности.

Современный этап развития корпоративных СМИ характеризуется не только качественными изменениями — привлечением к изданию профессиональных специалистов и агентств, разнообразием рынка корпоративных СМИ, но и его количественным ростом [3].

В основе любого типа корпоративного медиа лежит концепция, иными словами, стратегия по выстраиванию коммуникации с целевой аудиторией. «Целостная концепция СМИ — целенаправленная, многогранная, динамическая система ведущих идей, закономерностей, принципов, знаний, всесторонне раскрывающих ее сущность, структуру, функции, содержание, специфику, характеристику, а также технологию изготовления с учетом конкретных условий» [7]. Концепция включает в себя видо-типологические характеристики, содержательную и композиционно-графическую модель, организационно-управленческий уровень подготовки и выпуска издания.

На наш взгляд, именно концепция издания является отправной точкой для использования внутренних корпоративных СМИ в процессе формирования имиджа организации.

Функции таких изданий достаточно широки: управленческая; информационная; коммуникативная (обеспечение взаимосвязи между различными подразделениями, группами персонала, руководителями и подчиненными); организационная (агитационная, мотивационная, консолидирующая, влияние на сплоченность коллектива, корпоративную культуру); образовательная (просветительская, объяснение сложных производственных, технических и стратегических вопросов); рекреационная и, наконец, имиджевая.

Тем не менее, в основе любого корпоративного издания лежит целеполагание, которое стоит определять в тесной взаимосвязи с управленческими задачами организации — базисного субъекта PR. В то же время имидж компании должен соответствовать стратегии ее развития [1].

Поскольку «управление людьми — это не только управление их рациональными установками, но и их настроениями» [8], не достаточно ставить перед корпоративным СМИ задачу «информировать» о событиях из жизни компании. Необходимо информировать с конкретной целью и определенным способом.

Издание может быть направлено на распространение корпоративной культуры, философии идеологии организации (важно понимать каких). Оно может выступать инструментом решения конфликтных ситуаций и коммуникационных проблем компании; способствовать формированию среды для просветительской деятельности, обучения сотрудников и обмена опытом; способствовать повышению лояльности персонала и т.д. Однако, на наш взгляд, основная цель корпоративного медиа — выступать инструментом управления (создания и корректировки) корпоративного имиджа и репутации, в том числе способствовать увеличению публичного капитала.

Еще одним структурным элементом концептуальной модели СМИ является определение целевой аудитории (ЦА). Для внутрикорпоративного СМИ часто используют достаточно широкое понятие — персонал. В некоторых случаях к этой категории добавляют членов семей сотрудников организации, партнеров, общественность.

На наш взгляд, такой подход ошибочен. Во-первых, для категорий «персонал», «члены семей сотрудников», «внешняя общественность» корректней применять термин «аудитория покрытия». У этих категорий потенциально могут оказаться в руках выпуски внутреннего корпоративного СМИ, но не все они в данном случае являются объектом управления со стороны организации. Такой широкий подход приводит к размыванию целей и задач издания. Более того, имидж организации для различных групп может содержать различные характеристики, ключевые формулировки и т.д.

Во-вторых, определение ЦА категорией «сотрудники компании» также недостаточно, поскольку эта категория неоднородна. Например, функциональная структура персонала производственного предприятия может делиться на административно-управленческий персонал, специалистов/ разработчиков, рабочих. Такие вариации могут быть самыми разнообразными и находиться в прямой зависимости от типа организации, отрасли, в которой она функционирует.

Очевидно одно: даже внутри персонала может быть от двух и более различных групп, которые отличаются в своих половозрастных, социальных, поведенческих характеристиках и даже читательских привычках. Важно определить, какая из этих групп в наибольшей степени интересна компании с точки зрения управления внутренним имиджем организации? Какая из них ключевая: самая многочисленная; оказывает наибольшее влияние на выполнение бизнес-задач, экономические показатели; представляет собой ценность с точки зрения кадрового обеспечения и т.д.?

Концепцию издания следует выстраивать в тесной взаимосвязи с характеристиками ЦА. Какой тип издания будет для нее наиболее удобным? Какие темы интересными и значимыми? Какие формы подачи материала желаемыми? Допускается ли заигрывание с этой читательской аудиторией? Как выстроить обратную связь и т.д.?

Другим структурным элементом концептуальной модели СМИ является содержательная модель, которая включает тематическое наполнение и систему рубрикации. Основными темами, используемыми в изданиях для персонала являются новости компании, профильной отрасли и рынка; достижения, заслуги, награды сотрудников и компании; обмен профессиональным опытом; развитие трудового, интеллектуального и творческого потенциала сотрудников компании; корпоративная социальная ответственность; корпоративная политика, кадровая политика, идеология, корпоративная культура; стратегические планы и перспективы компании; поддержка компанией развития спорта и ЗОЖ среди сотрудников и т.д.

Систему рубрикации логично выстраивать исходя из задач конкретного СМИ. Например, если важно информировать работников о политике компании, необходимо разработать соответствующую рубрику. Это может быть рубрика «От первого лица», посвященная интервью с топ-менеджером о достижениях, планах компании или

рубрика «Перспективы» — стратегические программные информационно-аналитические материалы о перспективных направлениях деятельности компании.

Особое место в системе рубрикации с позиции формирования имиджа организации занимает колонка главного редактора. Она может быть посвящена основному материалу номера или выступать в качестве отдельного комментария по теме выпуска. Чаще всего ее задача — выразить официальную позицию руководства компании по тому или иному вопросу. Реже — подчеркнуть экспертность и вовлеченность первого лица или топ-менеджера (тому, кому она принадлежит) в актуальные профессиональные и социальные вопросы.

Подчеркнем, что тип рубрики и форму подачи материала необходимо выбирать, опираясь на концепцию издания в целом. Поскольку мы движемся «через форму послания — к настроению, через настроение — к отношению к содержанию послания, событию и самой организации» [8].

Таким образом, процесс формирования имиджа организации с помощью корпоративных СМИ начинается с разработки концепции издания. Такие ее структурные элементы, как цель и задачи, функции, целевая аудитория, а также тематическая модель и система рубрикации, формируют задел для использования корпоративного СМИ в процессе формирования имиджа организации.

1. Вишнякова М. В. Концепция формирования имиджа компании (общий подход и рекомендации) // Маркетинг. – 2013. – С. 45.
2. Корпоративные СМИ в России. Обзор рынка по данным АКМР // Ассоциация директоров по Коммуникациям и корпоративным Медиа России. - май 2016. - URL: http://corpmedia.ru/analytics/statistika_issledovaniya (дата обращения: 20.05.2017).
3. Корпоративные СМИ показывают устойчивый рост, несмотря на сложную ситуацию // Аргументы недели. - 2017. - URL: <http://argumenti.ru/society/2017/04/530245> (дата обращения: 1.06.2017).
4. Обухова М. О. Методы анализа механизма развития корпоративного имиджа: теоретический подход // NovaInfo.Ru. - 2016. - №56. - URL: <http://docplayer.ru/36694271-Metody-analiza-mehanizma-razvitiya-korporativnogo-imidzha-teoreticheskiy-podhod.html> (дата обращения: 22.06.2018).
5. Петропавловская Ю.А. Типологические характеристики и особенности редактирования корпоративной прессы: дис. на соиск. степ. канд. фил. наук. - М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2015. - 198 с.
6. Петропавловская Ю.А. Особенности создания концепции корпоративного издания // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2015. - №2 (62) Т.4. - С.162-168.
7. Семенова Л.М. Понятие целостной концепции корпоративного издания // Знак: проблемное поле образования. - 2017. - С. 99-105.
8. Спичева Д.И. Развитие обратной связи в процессе внутренних электронных коммуникаций // Человеческое измерение университета и корпоративные практики управления персоналом. Материалы Международной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации. - Томский государственный университет. – 2017. – С. 27-29.

РАЗДЕЛ XII. ФИЛОЛОГИЯ

Буров А.А.¹, Бурова Г.П.²

Речь современной российской молодежи: от жаргонизации – к экологии

¹ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»²Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»
(Россия, Пятигорск)

doi: 10.18411/lj-10-2018-109

idsp: 000001:lj-10-2018-109

Аннотация

Статья посвящена анализу молодежной речи, которая сегодня действительно очень жаргонизирована. Ортодоксальная борьба за «оздоровление» речи молодежи на базе литературно-кодифицированной нормативности (это тревожит и педагогическое сообщество, и средства массовой информации, и отдельных деятелей культуры и искусства) носит скорее риторический характер. Тем более что некоторые лингвисты-профессионалы предлагают воспринимать ситуацию философски и даже видят в жаргонном «обновлении» некую объективную данность, свидетельствующую о естественном развитии языка Пушкина в новых исторических условиях. Между тем очевидно, что традиционное употребление термин «молодежный жаргон» (он же «молодежный сленг») применительно к речи современной российской молодежи становится слишком узким, а потому и неточным. Представляется актуальным рассматривать жаргонизацию речи молодежи уже на уровне *молодежного языка*, и именно его экологическое состояние является одной из проблемных позиций современной языковой ситуации в России.

Ключевые слова: молодежная речь, языковая картина мира, антропогенный ракурс, кодификация, жаргон, сленг, экология речи.

Антропогенный ракурс современной русской языковой картины мира в последнее время рассматривается в самых различных областях языкознания. Это лингвоперсонология и когниолингвистика, дискурсология и стилистика художественного текста, социолингвистика и экология речи, лингвосинергетика и многие другие направления, так или иначе связанные с исследованием вербализации индивидуально ощущаемого образа действительности [см., например: 1; 3; 4; 8; 13; 14; 15; 16; 17; 19 и др.]. Наша коммуникация во многом определяется человеческим фактором как свободным, естественным и имманентным выбором моделей речевого поведения, соответствующих выражению интенций языковой личности. Однако при этом нередко происходит нарушение динамического равновесия между языковыми нормами, регламентирующими социальные рамки языковой деятельности, и субъективным мировосприятием, формирующим вектор индивидуального речевого поведения. В частности, имеется в виду область молодежной коммуникации.

По справедливому утверждению Ю.Е. Милютина, «современный язык молодежного общения представляет причудливую смесь естественной лексики и ненормативных выражений, своеобразного молодежного сленга и заимствований из жаргонной речи различных маргинальных групп, наконец, популярны иностранные заимствования и в особенности англоязычные заимствования (например, имен, названий фирм, музыкальных ансамблей и пр.)» [11, с. 165]. Сегодня это – феноменальный конгломерат, напоминающий сложную речевую полифонию, в которой

доминирует одно фоновое основание - «остинатный бас» (*basso ostinato*), выражаясь музыковедческой терминологией. Мы имеем в виду *жаргонизацию*, пронизывающую русский молодежный язык начала XXI века на всех уровнях и во всех направлениях и являющуюся самой серьезной альтернативой тому, что принято считать *экологией* речи.

Жаргонизация молодежной речи - объективное, активно развивающееся явление, затрагивающее большинство сфер речевого общения [9], а потому и представляющее собой факт речевой динамики современной языковой картины мира [19, с. 63]. Статический аспект этой картины мира уже неоднократно подвергался лексикографической обработке и описанию [см.12 и др]. Вместе с тем, именно статический, а не динамический ракурс анализа молодежной речи вызывает вопросы при ее анализе.

Так, в наиболее полном словаре современного русского молодежного сленга Т.Г. Никитиной в «общемолодежный жаргон» как особую разновидность языка входят элементы «из речи» авиаторов, арестантов, служащих в армии, аспирантов, воинов-афганцев, туристов-байдарочников, носителей бизнес-сленга и т.д. – таких категорий насчитывается, следуя списку сокращений в словаре, равным счетом 45. Все названные социально-профессиональные категории, судя по всему, имеют непосредственное отношение к нашей современной молодежи и ее речевому поведению. В том числе, к примеру, это не только хиппи, байкеры, студенты, школьники, исполнители брейк-данса и диджеи, но и кришнаиты, проститутки, осужденные, бухгалтеры, моряки, торговцы-индивидуалы и «представители реконструкторского движения (военно-историческая реконструкция и моделирование)» [12, с. 11]. Интересно и то, что лексиконы данных жаргонных подкатегорий молодежного сленга в пространстве словаря как парадигматической – чисто словарной, несинтагматической, текстовой, языковой картины мира статического характера - соседствуют с общеупотребительной и активно используемой лексикой и фразеологией русского языка [12, с. 9 - 12]. Следовательно, уже не просто сленг, он же жаргон, а весь молодежный язык становится неотъемлемой частью русской языковой картины мира, и его трактовки в пределах понятия «жаргон» уже не удовлетворяют ни статическому ее ракурсу, когда молодежный жаргон рассматривается на уровне словаря, ни динамическому [18], когда реализация осуществляется в тексте на уровне молодежно-жаргонного дискурса.

В рассматриваемом словаре [12] отсутствует ряд активно употребляющихся сегодня молодежных жаргонизмов. Так, в нем не представлен часто встречающийся сегодня в молодежном общении сленгизм *OMG* (аббревиатура *англ. Oh My God!*), что предположительно говорит о том, что этот элемент, отражая жаргонно-речевую динамику, начинает употребляться не так давно, уже после выхода в свет названного словаря в 2009 году.

Отсутствие единого подхода к терминологической квалификации неcodифицированной социально-оценочной лексики приводит к значительным трудностям в изучении данных явлений (сравним, например, смешение таких понятий, как «жаргон» и «сленг»). Другая проблема заключается в том, что применительно к молодежной речи нередко приравняются друг к другу терминологические понятия «жаргон» и «язык», и молодежный жаргон понимается как *молодежный язык*, а это далеко не одно и то же.

Что же собой представляет речь современной российской молодежи: язык или жаргон? Динамика языковой картины мира, рассматриваемая в пространстве русского языка начала XXI века, свидетельствует о происходящих изменениях как экстралингвистического, так и интралингвистического характера. «Коллективный импульс говорящих» в определенных условиях коммуникации способен трансформировать «традиционные стилеобразующие факторы» [8]. С одной стороны это меняет наше представление о сложившейся социолингвистической организации

речевого пространства, а с другой - дает возможность предположить возможность новой пространственной стратификации, в частности – с учетом того, что можно назвать процессом активного коммуникативного освоения норм языка – на всех уровнях их проявления, формирования сознательного отношения к ним, овладения активной речью с учетом возрастных этапов жизнедеятельности говорящего индивида и его возрастного «среза». Далее, возникает необходимость задуматься над возможным параллелизмом в историческом развитии языка в целом (этапы нормализации речевого поведения) и аналогичной картиной в речи отдельного носителя – по мере его взросления и изменения социального статуса – как в положительную, так и отрицательную сторону.

В целом, если любое арго, назовем его жаргоном, сленгом или социолектом, - это пласт языка, который загрязняет общение того, кто им пользуется, то молодежная речь - это естественное состояние национального языка, имеющее единственную альтернативу в виде строгой кодификации. Но весь парадокс заключается в том, что говорит на этом языке в основном образованная молодежь, знакомая с нормами литературного языка, однако предпочитающая иной, жаргонизированный, словарь, и иной синтаксис, открытый и раскрепощенный, пусть и вступающий в конфликт с письменной традицией. В большинстве своем исследователи отмечают, что, при всех нарушениях привычного речевого стандарта, употребление жаргонизмов в молодежной речи, когда происходит общение, особой опасности в плане языковой «коррозии» не несет [9], тем более что само жаргонное «заболевание», как правило, постепенно проходит и исчезает из речи по мере взросления носителя языка.

Региональная языковая картина мира отражает общую тенденцию к жаргонизации речи молодежи как естественной «болезни роста». Однако как степень, так и характер – количество и качество – этой жаргонизации в регионе значительно меньше, а также специфичнее, прежде всего – в плане этно-ментальном. Замечено, что чем отдаленней от столичного центра регион, чем сильнее в речи его жителей, в том числе молодых, проявляются народные традиции, те же фольклорные, связанные с реноминированием исчезающих территориальных диалектов, чем активнее там поликультурные языковые связи, - соответственно, тем слабее там проявление жаргонного «заражения» речи российской молодежи. Подтверждением сказанному является ситуация в хорошо знакомом нам регионе Северного Кавказа [10; см. также: 3, с. 323-329].

Действительно, применительно к речевому молодежному общению в современном социуме, урбанизированном на российский манер, маркер «региональный» приобретает позитивную окраску, связанную с сохранением культурно-речевых традиций (в том числе – недавнего советского периода истории), с пуристическим отношением к соблюдению литературных норм, с препятствиями на пути деструкции речевого поведения в виде профилактической работы с молодежью, в том числе - мпероприятий нравственно-этического, воспитательного, порядка, предупреждающих деструкцию речевого поведения. Полиэтническая и территориально-диалектная окраска регионального варианта молодежного языка также становится весьма важным позитивным фактором эколого-речевой стабилизации коммуникации молодых носителей русского языка начала XXI века как представителей постписьменной эпохи интернета. Последняя же, осуществив колоссальный прогрессивный прорыв в область экономии сил и ресурсов коммуникации, ознаменовалась и регрессом, плодя жаргонные девиации и превращая в архаику чтение бумажных книг и создание классического эпистолярия, что, поддерживаемое «тестизацией» по родному языку и литературе на экзаменах в школе, сразу же вызвало

резкое падение общего уровня культуры, в том числе – речевой, и прежде всего в столичной метрополии.

Думается, со временем социальная и экономическая стабилизация России должна способствовать и лингвоэкологическому оздоровлению нашей коммуникации, в том числе и молодежной. Молодежный язык интересен тем, что в нем, в силу известной неопределенности границ, свободы и открытости словоупотребления, словоизменения, словообразования и словосочетания, могут проявиться черты будущего, если говорить о русском национальном языке в целом.

Кроме того, те явления, которые свидетельствуют о жаргонизации, в том числе и на уровне варваризации, засорения молодежного языка иноязычиями и производными от них дериватами, свидетельствуют скорее о языковой игре «со словом» и «в слово», что связано со свойственным молодости стремлением, которое исследователи характеризуют как временное возрастное «самовыражение и самоутверждение» [10]. Подобным образом, безобидным, на первый взгляд, с социальной точки зрения, молодежь стремится встать в оппозицию к тому миру, который в последние десятилетия, в связи с капитализацией общества и с утерей нравственных ценностей советского периода, в том числе и культурно-речевого плана, меняется у нас на глазах – и, к сожалению, далеко не в лучшую сторону.

Современная молодежная речь свидетельствует о том, что, по сути дела, социальное и культурное созревание языковой личности определяется, если пользоваться терминологией В.Г. Костомарова, взаимодействием двух конструктивно-стилевых векторов (КСВ) [Костомаров 2005: 66 и след.], представляющих новую принципиальную для современного русского языка речевую корреляцию – *литературно-книжного КСВ и разговорно-жаргонного КСВ*, и основным пространством их взаимодействия оказывается, естественно, речь молодежи – независимо от социального положения и культурного «контекста» общения носителей языка.

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – М., 1996. – №3. – С. 32-41.
3. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 361 с.
4. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – 305 с.
5. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке/ Под ред. проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2012. – 400 с.
6. Ермакова О.П., Земская Е.А. и др. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX в. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
7. Колесников А. А. Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 158 с.
8. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики. 2005. – 287 с.
9. Иванова Н. С. Молодежный жаргон в лингвокультурологическом освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.
10. Любичкая Е.В. Сленг: региональные черты и процессы англизации :На материале речи молодежи г. Ставрополя и Красногвардейского района Ставропольского края. Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 282 с.
11. Милютин Ю.Е. Размышление о вербальном языке молодежной культуры // Введение в культурологию/ Под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С.160-166
12. Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. – М.: Аст-Астрель, 2009. – 1104 с.
13. Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 216 с.
14. Редкозубова Е.А. Сленг в современном коммуникативном пространстве: дискурсивные практики. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2014. – 31 с.

15. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
16. Сосновская А.А. Языковая картина мира носителей «мобильного» жаргона (на материале метафор) // Известия Саратовского ун-та. - 2008. - Т.8. - Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. - С. 20—22.
17. Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке/ В.Н. Телия // Сущность, развитие и функции языка. - М.: Наука, 1987. - С.67-75.
18. Чесноков П.В. О двух картинах мира – статической и динамической // Известия СКНЦ ВШ, Общественные науки. - Ростов-на-Дону. - 1989. - № 3. - С. 63-69.
19. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык. - Белгород, 2009. - 407 с.

Малыарчук-Прошина У.О., Крапалёва У. Е.
Стилистически сниженная лексика в текстах печатных СМИ

*КФУ ТА имени В. И. Вернадского
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-110

idsp: 000001:lj-10-2018-110

Аннотация

В данной статье рассматривается наличие стилистически сниженных единиц в печатных изданиях, обозначается их роль, функции и оценивается лингвоэкологическая безопасность языка.

Ключевые слова: СМИ, сниженная лексика, роль, функции, лингвоэкологическая безопасность языка.

Живая речь обладает исключительным свойством – она всегда экспрессивно окрашена, т.к. передает эмоциональное состояние говорящего. Однако существует достаточное количество ограничений к использованию выразительных слов, так называемых экспрессивов. Так, повествование в строго-научной и официально-деловой речи, особенно в их письменных формах и жанрах, строится с помощью нейтральных слов и выражений, стандартизированных оборотов, общенаучной и специальной терминологии и не приемлет использование экспрессивных единиц и сниженных слов и оборотов. Некоторые ограничения предполагает публичная речь, которая, прежде всего, представлена устными и письменными формами средств массовой информации. Согласно традиционной русской культуре публичная печать и речь требуют сдержанного и умеренного словоупотребления. Тем не менее, в последние десятилетия ситуация несколько изменилась. Люди, работающие со словом (писатели, журналисты, политики и т.д.), решили использовать это слово в качестве оружия и, отбросив привычные нормативные, стилистические и этические ограничения, максимально приблизились к обыденной речи со свойственными ей функциональными особенностями. «Более того, разговорные, а то и сниженные единицы языка стали использоваться даже в деловой и научной речи. Произошло глобальное снижение, массовая «экспрессивация» публичного общения, официальной коммуникации, в которых совсем не редкими стали не только экспрессивы разговорной речи, но даже и прежде невозможные за пределами обыденной речи грубые, бранные, вульгарные речевые единицы» [7, С. 4].

В XXI веке ключевую позицию в языковой культуре стала играть устная публичная речь СМИ, подстроившаяся под многообразие новых форм и жанров. Динамичная, зачастую спонтанная, преимущественно диалогичная, экспрессивная речь стала превалировать в телевизионных и радиопрограммах. Помимо привычных нейтральных и публицистических слов и оборотов в ней стали активно использоваться различные «субстандартные единицы» [7, С. 6], в следствие подхваченные газетно-журнальной публицистикой, также подвергшейся стилистическому снижению и экспрессивному окрашиванию. А так как, зачастую, пресса, телевидение, радио и Интернет являются единственной речевой средой обитания подавляющего большинства населения страны, то именно СМИ принадлежит роль средства формирования

мыслительного уровня общества в целом, именно СМИ задают речевые «эталоны» носителям языка. Помимо СМИ языковую культуру формируют и другие представители профессий, связанных со словом. Это политики, режиссеры, актеры, писатели и т.д., другими словами публичные люди. Какова же специфика и функции разговорности в публичной речи? Как отмечает И. А. Иванчук, главным отличием употребления всей ненормативной лексики является сознательность и целенаправленность использования. Данная функция характерна для всех сниженных единиц, употребляемых в публичной речи. Остальные функции можно назвать дополнительными:

- Номинативная. В данном случае говорящий стремится к языковой экономии, когда в языке нет однословного наименования понятия, либо желает употребить более эффективную форму воздействия.
- Экспрессивно–характеризующая. Экспрессия служит для выразительной характеристики предмета речи с целью воздействия на адресата. При этом дается оценка явлению, процессу, поведению, проблеме и т.д., а также отражается субъективный взгляд на ситуацию;
- Эмотивная. В данном случае слово несет эмоциональную информацию, придавая публичной речи оттенки чувств и человеческие страсти. Особенно активно данная функция проявляется в политическом дискурсе (в частности на митингах, в предвыборных дебатах и т.п.), где главной задачей является налаживание доверительных отношений со слушателями, их воодушевление, побуждение принять свою сторону.
- Стилизация. Подразумевает подражание тому или иному стилю, создание речевой маски или придание речевому облику несвойственных для него в действительности черт, служащих для передачи желаемых представлений о своей личности.
- Эстетическая. В данном случае использование экспрессивов – проявление авторской индивидуальности, творческого отношения к языку.

Разговорность зависит от типа дискурса и его жанра, ситуации, при которой происходит употребление сниженных единиц, прагматических целей, личностных и социальных качеств говорящего, его творческого начала. Закон «О государственном языке», принятый в 2005 году, в какой-то мере уже повлиял на речь в СМИ (степень ее снижения заметно уменьшилась), в некоторой степени улучшилась и речь правящей элиты, но, «хотя литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры постепенно отступил, до полнофункционального типа речевой культуры тем, с кого молодежь берет пример, еще очень далеко» [6, С. 80].

Основной функцией СМИ является воздействие на аудиторию, внедрение определенных идей и формирование общественного мнения. Данное обстоятельство характеризует СМИ в качестве главенствующего института, оказывающего решающее влияние на закрепление взглядов, поведенческих моделей членов общества, в том числе речевого поведения. СМИ формируют нормы морали, задают ценностные ориентиры, прививают эстетические вкусы и оценки, и в то же время зачастую навязывают аудитории социально-политические, исторические и другие истины. Информирова и оценивая, СМИ тем самым влияют на качественную составляющую публичного дискурса, на конструирование у общества его собственного образа и на формирование языкового сознания людей. СМИ оперативно реагируют на все изменения в языке и отражают их. Е. Н. Петрова выделяет основные тенденции, характерные для современных медийных текстов: **«демократизация, интеллектуализация, субъективизация, усиление личностного и диалогического начал, креативной и оценочной составляющей текстов, стилевая контаминация»** [4, С. 4]. На фоне данных процессов происходит усиление использования сниженной лексики. *Тенденция к демократизации* имеет прямую связь с демократическими преобразованиями в общественной жизни и влиянием устной речи на письменную. Усиление демократических тенденций в обществе и языке привело к увеличению разговорной составляющей вербальной коммуникации, это в свою очередь расширило границы

нормативности языка СМИ. «Прямой эфир вывел на официальный экран телевизора спонтанную устную речь с неизбежными для нее ошибками речи <...>, что привело не только к их распространению среди населения, но и их санкционированию... Такая «свобода» русской речи, снятие всех речевых табу, намеренная (под флагом борьбы с советским официозом) замена (в этих же целях) литературных слов нелитературными превратила письменную речь газет в зеркало неграмотной речи» [5, С. 6].

Еще одним важным процессом, происходящим в российских СМИ, является *субъективизация медийных текстов*, что означает выход на первый план личности журналиста. Субъективизация в тексте проявляется выраженными оценочными элементами, которые усиливают эффект воздействия и проясняют авторскую позицию по тому или иному вопросу. Эмоциональность текста – важная составляющая *авторской позиции*. Она обладает такими характеристиками как заданность, управляемость, контролируемость и намеренность, т.е., другими словами, автор целенаправленно выражает эмоциональное отношение к кому-либо, чему-либо с целью социального воздействия на читателя. К сожалению, отличительной чертой времени является «лексика современных СМИ, заряженная отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях, рожденных текущими событиями слов, коррелирует с определенной категориальной ситуацией российского социума» [8, С. 41]. Еще одним способом актуализации авторского «я» является *диалогизация*, которая усиливает взаимодействие разговорной речи и публицистики, кодифицированной и некодифицированной лексики. «Благодаря диалогичности, коммуникация предстает как взаимонаправленная речевая связь субъектов» [1, С. 33]. Это приводит к активному самовыражению авторской позиции, которая нередко сопровождается манипулированием и навязыванием своего мнения. Современное состояние русского языка характеризуется тенденцией к *интеллектуализации*. Журналист стремится не просто передать информацию, но интерпретировать ее, вложить в нее некий смысл, который должен быть распознан аудиторией. Это требует и от автора, и от аудитории определенных знаний и умственных действий. Распространенное средство интеллектуализации – ирония. Она предполагает критическое осмысление действительности и, нередко, содержит элементы сниженной речи. *Стремление к оценочности и креативности* также приводит к выбору свободных языковых форм, а спектр оцениваемых явлений и фактов постоянно расширяется. Следует отметить еще одну тенденцию в современных СМИ – *интерактивность*, которая предполагает обратную связь с читателем, демонстрацию близости и заинтересованности в общении с ним. Использование средств разговорности является одним из приемов создания интерактивности. «Назовем только некоторые синтаксические сигналы разговорности, распространенные в аналитических статьях и колонках современной прессы. Это и короткие, неполные предложения, реже прерванные конструкции; и характерный только для разговорной речи порядок слов; и использование в качестве текстообразующих средств разговорных частиц и стереотипных разговорных клише-реакций» [2, С. 306]. *Стилевая контаминация* публицистического стиля связана с повышенным влиянием разговорной речи, актуализацией просторечной, жаргонной лексики. Крайняя форма «газетно-журнального» дискурса – речевая агрессия, проявляющаяся в жестком, ярко-выраженном негативном эмоционально-оценочном отношении к кому-, чему-либо, а все «формы активной вербальной агрессии реализуются лексическими, синтаксическими, интонационными и иными средствами языка» [4, С. 10]. Лексика является наиболее подвижным уровнем языковой системы. Она быстро реагирует на общественные перемены и подстраивается под них. А через СМИ необходимая «лексика и фразеология внедряется в языковое сознание миллионов, воздействуя таким образом (прежде всего через подсознание) на языковую картину мира и изменяя ее в определенном направлении» [3, С. 133].

Использование стилистически сниженной лексики в СМИ не может оцениваться однозначно. Употребление стилистически сниженных элементов признается

нормативным, когда они выполняют особые прагматические функции. Если сниженность уместна, то тексты получаются яркими и творческими. Но в некоторых случаях мы наблюдаем чрезмерность снижения, перебор экспрессии, проявление плохого языкового вкуса автора, что не лучшим образом характеризует использование сниженной лексики. Отдельно стоит сказать об обценной лексике (сквернословии), которая вообще не должна присутствовать в СМИ, так как ее использование нарушает правила речевой коммуникации. Обценная лексика делает речь непристойной, и при частном употреблении теряет статус табуированной в сознании людей. Это в свою очередь усиливает общественную агрессию, оскорбляет адресатов брани и наблюдателей. Поэтому крайне важно, чтоб сниженная лексика, привнося в текст необходимую экспрессивно–оценочную тональность, вместе с тем не влекла за собой нарушение этических норм. Также важно отметить, что СМИ формируют состав активного словарного запаса социума, формируют его картину мира. Таким образом, употребление сниженной лексики требует от журналиста ответственного отношения к языку, высокого профессионализма, знания и поддержания этических и эстетических норм.

В культуре речи и лингвоэкологии проблеме появления в СМИ лексики разной степени сниженности уделяется особое внимание. Ввиду этого исследователи постоянно проводят мониторинг изданий на наличие в них сниженной лексики и дают оценку допустимости или недопустимости, а также сбалансированности использования данных единиц. Исследуемые издания – газеты «Вечерний Крым» и «Крымская газета». Хронологические рамки исследования – январь 2017 - январь 2018 года.

«Вечерний Крым», №15 от 21 марта 2017 года

- Приятель **обворовал** друга (разг.). Совершить кражу где-н., у кого-н. Минимальная степень сниженности, экспрессивно–характеризующая функция.

«Вечерний Крым», №20 от 23 мая 2017 года

- Для погружения в прорубь следует запастись **тапочками**, ковриком, полотенцем, сухим бельем и теплой одеждой (разг.) Тапки. Минимальная степень сниженности, номинативная функция.

«Вечерний Крым», №11 от 21 марта 2017 года

- А тем временем жители столицы ежедневно наблюдают конфликты между водителями маршруток и гражданами льготных категорий. Порой словесная перепалка достигает такого накала, что нецензурная брань просто льется рекой, несмотря на присутствие детей, женщин (разг.) Крикливый спор; перебранка, ссора. Минимальная степень сниженности, экспрессивно–характеризующая функция.

«Вечерний Крым», №4 от 30 января 2018 года

- Женщины, чрезмерно увлекающиеся фитнесом и регулярно тягающие железо в тренажерном зале, ставят под удар свою эндокринную и даже нервную систему (спортивный сленг) Железо – Тренажеры в спортивном зале, связанные с физическими нагрузками. Тягать железо – проводить тренировки с использованием таких тренажеров. Умеренная степень сниженности, номинативная функция.

«Крымская газета», №16 от 31 января 2017 года

- Вспомним свежий скандал в новом ростовском аэропорту Платов, где, по информации СМИ, бомбилы мешают работе официальных такси, блокируя приложения в Интернете (жарг.) Водитель, оказывающий неофициально услуги по перевозке пассажиров. Грубая степень сниженности, номинативная функция.

«Крымская газета», №55 от 31 марта 2017 года

- Пациенты же бывают разные и из разных районов Крыма, которые на самом деле копили свои болячки десятилетиями (разг.) О чьих–то

болезнях, горестях и т.п. Минимальная степень сниженности, эстетическая функция.

«Крымская газета», №205 от 10 ноября 2017 года

- Нет здесь и открытого камерного туалета, именуемого «парашей» (сленг) Туалет. Грубая степень сниженности, номинативная функция.

«Крымская газета», №14 от 29 января 2018 года

- Причём в лицензированной рознице не выявили ни одного серьёзного нарушения или «палёнки» (сленг.) Некачественный спиртной напиток. Умеренная степень сниженности, номинативная функция.

Итак, стилистически сниженная лексика в материалах «Крымской газеты» используется стабильно, и всегда по существу. Экспрессия «оживляет» официальные публикации и делает газету более «народной». Газета «Вечерний Крым» также не злоупотребляет использованием стилистически сниженной лексики в своих материалах. Каждое слово имеет определенную прагматическую функцию и не обладает отталкивающим эффектом.

1. Данилевская Н. В. Деструкция литературной нормы в современной массовой коммуникации // Медиалингвистика. Вып. 2. Речевая коммуникация в средствах массовой информации: сборник статей / под ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. – В. В. Васильева, В. И. Коньков. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высш. шк. журн. и масс.коммуникаций», 2013. – 265 с.
2. Кормилицына М. А. Активные процессы в языке современной российской прессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011. – №6. – С. 304-308.
3. Михеев А. В. Язык тоталитарного общества // Вестник АН СССР, 1991. – №8 – С. 130-137.
4. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. Пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.
5. Сиротинина О. Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации, 2008. – №8. – С. 5-13.
6. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.
7. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 708 с.
8. Шаховский В. И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Мир русского слова, 2007. – №1–2 – С. 40-44.

Роббек Л.В.

Основные отличия и сходства аллитерационных систем олонхо и эхирит-булагатских улигер

*отдел якутского языка ИГиИПМНС СО РАН
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-111

idsp: 000001:lj-10-2018-111

Аннотация

В настоящее время разносторонние исследования языка героического эпоса народа саха весьма актуальны, т.к. в 2005 г. ЮНЕСКО провозгласил олонхо шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества. Целью работы является выявление отличий и сходства аллитерационно-ассонансных звуковых систем якутского и бурятского эпосов. Используются методы сравнения, сопоставления, обобщения и типологизации. Выводы: аллитерационно-ассонансные звуковые системы якутского эпоса и эхирит-булагатского улигера в основном схожи друг с другом. К отличиям можно отнести своеобразие фонетических особенностей бурятского и якутского языков.

Ключевые слова: Якутский эпос олонхо, бурятские улигеры, аллитерация, ассонанс.

В данной статье мы провели сравнительно-сопоставительный анализ аллитерационно-ассонансных звуковых систем якутского эпоса олонхо (на материале текста «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур» И.Г. Тимофеева-Теплоухова) и эхирит-булгарского улигера (на материале текста «Аламжи Бэргэн» Елбона Шалбыкова). Целью работы является выявление отличий и сходства аллитерационно-ассонансных звуковых систем якутского и бурятского эпосов.

Известный исследователь тюркского героического эпоса В.М. Жирмунский писал: «Сходство между произведениями героического эпоса у разных народов не ограничивается внешним совпадением тех или иных элементов повествования. ... Оно имеет гораздо более глубокий и всесторонний характер и охватывает общие жанровые признаки эпоса, его идейное содержание, круг эпических мотивов и сюжетов, ... особенности эпического стиля с его типическими формулами, повторениями, постоянными «украшающими» эпитетами или сравнениями» [2, с. 64].

Проведённый нами анализ показал, что язык и стиль якутского эпоса олонхо и бурятского улигера очень похожи друг на друга. Возможно, языковое и стилистическое сходство этих эпосов определяется родственностью наших народов, хотя бурятский язык относится к группе монгольских языков, а якутский – к тюркской группе языков.

Вначале рассмотрим схожие признаки звуковой гармонии в якутском олонхо и эхирит-булагатских улигерах:

1. В бурятском эпосе аллитерационно-ассонансная звуковая гармония – довольно распространённое явление, как и в якутском олонхо. Из всего количества проанализированного материала текст эхирит-булагатского улигера, созданного с помощью аллитерации, составил 67%. В якутском олонхо этот показатель равен 71%.

2. Звуковая гармония, как и в олонхо, расположена внутри эпических периодов и формул. Эпические периоды и формулы, образованные с помощью аллитерационно-ассонансной звуковой гармонии, составляют 39% в эхирит-булагатских улигерах и 42% в якутском олонхо.

Пример из олонхо:

1. Үөһэ Сибииргэ ааттаммыт аата
Төбөтүнэн оонньуур
Чимэчи кугас аттаах,
2. Аллараа дойдуга ааттаммыт аата
Атабынан оонньуур
Айдаар кугас аттаах,
3. Орто дойдуга ааттаммыт аата
Кутуругунан оонньуур

[Кунньалык] Куйаар кугас аттаах [4, с. 8]

В Верхней Сибири названным:

Огненный Рыжий конь,

Который, резвясь, мотает головой;

В Нижнем мире названным:

Буйный Рыжий конь,

Который, резвясь, перебирает ногами;

В Среднем же мире названным:

Вихревой Рыжий конь,

Который, резвясь, помахивает хвостом [4, с. 286].

В 1-й части формулы наблюдается созвучие гласных переднего ряда, верхнего и среднего подъёма, лабиализованными: [ү/ө] и гласных переднего ряда, высокого и среднего подъёма, нелабиализованными: [и/э]. Во 2-й части формулы наблюдается созвучие гласных заднего ряда, нижнего подъёма, нелабиализованными: [а]. В 3-й части формулы наблюдается созвучие лабиализованных гласных [о/у].

Пример из бурятского улигера:

Урайнай уриндо-ло,
 Урин сагай түрүүндө-лө;
 Сагай юүнэй сараюнда,
 Саархан юүнэй нимэгэндү
 Түрэн гэхэн юүмэ-лэ,
 Гаран гэхэн юүмэ-лэ.
 Бэхэ үгэй бэлэндэ,
 Бээлэй үгэй дулаанда
 Түрэн гэхэн юүмэ-лэ,
 Гаран гэхэн юүмэ-лэ [3, с. 262]

*Он родился, говорят,
 В стародавние времена,
 В пору славного времени,
 Когда бумага была [совсем] тонкой,
 Тогда родился он, говорят,
 Тогда появился на свет, говорят.
 Когда без поясов было легко,
 Когда без рукавиц было тепло,
 Тогда родился он, говорят,
 Тогда появился на свет, говорят [3, с. 263].*

В этом примере аллитерационно-ассонансное созвучие охватывает по 2 строки: 1-2 строка – фонемы [у/а/и/р/н], 3-4 строка – фонемы [с/а/р/н], 5-6 строка – фонемы [ү/э/г], 7-8 строка – фонемы [б/э/л], 9-10 строка – фонемы [ү/э/г].

3. Эпические периоды, в которых наблюдается аллитерационно-ассонансное созвучие, в большинстве случаев образованы при помощи ритмико-синтаксического параллелизма.

4. В эхирит-булагатских улигерах, как и в олонхо, наблюдаем словесные повторы, которые образуют дополнительную звуковую гармонию. Звуковая гармония, образованная при помощи словесных повторов больше в бурятском эпосе, чем в олонхо: 15% в эхирит-булагатских улигерах, и 13% в якутском эпосе.

В олонхо:

Кутуу көмүс куолайдаах,	[Птичка золотая]
Тардыы көмүс дабыдаллаах,	Из кованого золота гортань у неё,
Эрийии көмүс эттээх,	Из витого золота тело,
Хатыы көмүс харахтаах,	Из калёного золота глаза,
Тутуу көмүс тумустаах	Из листового золота клюв
[Чыычаах] [4, с. 18]	[4, с. 295].

В бурятском улигере:

Хорин гурбан тологойтой	У этого ядовитого змея
Хорото шоротой могойе	Двадцатитрёхголового
Хорин гурбан толгойеын	Снеси подряд
Хуу татан дайражи	Все двадцать три головы
[3, с. 438]	[3, с. 439].

5. Также здесь, как и в якутских олонхо, есть и рифма, образующая дополнительное звуковое созвучие.

Пример срединных рифм в олонхо:

Тобура**ҕы** тохто**птох** добун халлаан
 Үөһээ өттүгэр,
 Кырпа**ҕы** сыһыар**батах** кылбагыр халлаан
 Анараа кырытыгар [4, с. 73]

На верхней стороне вихревого неба,

*Не дающего осесть градинам,
На той окраине сверкающего неба,
Не удерживающего крупинки снега [4, с. 346].*

В улигере:

Хойто байһан тэнгэрье	<i>Вскрыв облачный слой</i>
Хуриһүйеын хүндүбэл,	<i>Неба северной стороны,</i>
Хара һалхи буулгабал,	<i>[Аламжи] напустил сильный ветер,</i>
Шара забха унаагабал	<i>Вызвав ненастье</i>
[3, с. 476]	[3, с. 477].

Теперь рассмотрим основные отличия, наблюдаемые в аллитерационно-ассонансных звуковых системах якутского олонхо и эхирит-булагатских улигерах:

1. Если в олонхо последовательный повтор целых слов встречается достаточно часто, а перекрёстное повторение слов – нечасто, то в бурятских улигерах это явление имеет почти равное соотношение. Это иногда создаёт ощущение, что язык бурятского эпоса более красочен чем язык олонхо. Но такое ощущение создаётся только в тех местах, где мы наблюдаем перекрёстное повторение целых слов.

2. Кроме того, мы заметили, что аллитерация бурятского улигера «Аламжи Бэргэн» отличается от аллитерации якутского олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур» тем, что в некоторых словах сочетаются несочетаемые в якутском языке гласные звуки. Например:

Боориһоон -ло бурьяма	<i>Он родился хозяином</i>
Булаганай бусархгүй	<i>Широкой, привольной земли</i>
Булган хиитхүүр дайдада	<i>С бурливыми горными [реками]</i>
Эжилэжий түрүбэ-даа	<i>С несчётными выдрами</i>
[3, с. 268]	[3, с. 268].

К примеру, в слове **боориһоон** в бурятском языке мы наблюдаем, что в одном слове сочетаются губная фонема *о* и ртовая фонема *и*. В якутском языке закон гармонии гласных очень строгий: «Если в предыдущем слоге стоят гласные *о, oo* или *ө, өө*, то в следующем слоге должны следовать соответственно только губные гласные *о, oo, уо* или *ө, өө, үө*» [1, с. 49]. То же самое мы наблюдаем в слове **бусархгүй**. Здесь после ртовых фонем *у* и *а* последовала губная фонема *ү*. Данное отличие объясняется отличиями фонетических систем и законов бурятского и якутского языков.

Итак, проведя анализ текстов олонхо, мы пришли к заключению, что аллитерационно-ассонансные звуковые системы якутского эпоса олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур» И.Г. Тимофеева-Теплоухова и эхирит-булагатского улигера «Аламжи Бэргэн» Елбона Шалбыкова в основном схожи друг с другом. Причиной выявленных отличий можно назвать лишь своеобразие фонетических особенностей бурятского и якутского языков. Поэтому можно сделать вывод о том, что олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллуштуур» И.Г. Тимофеева-Теплоухова и эхирит-булагатский улигер «Аламжи Бэргэн» Елбона Шалбыкова – это эпические произведения, очень ярко и красочно демонстрирующие всю красоту и богатство языка якутского и бурятского народов, своеобразие фонетического строя этих языков.

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика, морфология. – М.: Наука, 1982. – 490 с.
2. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. – М.-Л.: Наука, 1962. – 434 с.
3. Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). – Н.: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
4. Строптивый Кулун Куллуштуур. / Отв. ред. А.С. Мирдабалиева. – М.: Главная ред. Восточной лит-ры, 1985. – 606 с.

Филичева О.С.**Научно-учебный текст в современном образовательном пространстве***ФГБОУ ВО "Российский университет транспорта (МИИТ)"
(Россия, Москва)**doi: 10.18411/lj-10-2018-112**idsp: 000001:lj-10-2018-112*

В современных условиях процесс обучения регулируется государственными стандартами, которые нормируют объем и форму учебного материала. Ни одна образовательная программа по академической дисциплине не может обойтись без перечня научно-учебной литературы, используемой при подготовке специалистов.

Содержание и структура учебных пособий – это первое, на что обращают внимание преподаватели при выборе учебника. Но не менее важным аспектом в работе с учебным пособием является его текстовая организация и язык изложения материала, поскольку именно от этого во многом зависит понимание научной информации обучающимися.

Тексты учебной речи выступают как план выражения научного стиля — особого способа когнитивных и коммуникативных действий автора учебника или лекции, направленных на передачу системы знаний. Научный стиль как речевая репрезентация логического мышления характеризуется объективностью, категоричностью, обобщенностью, подчеркнутой последовательностью, ясностью и диалогичностью (коммуникативной направленностью на адресата) изложения.

Научно-учебный текст представляет собой структурное образование с целым рядом конвенций по использованию лексических и грамматических средств языка, а также с особыми композиционными, жанровыми, видовыми и прочими признаками. Н.А. Буре отмечает, что стилистические свойства учебных текстов « ... подчинены главным типовым составляющим текста: адресанту (автору учебного пособия) научного сообщения, объекту описания и адресату (обучающимся) научного сообщения» [1, с. 6].

Научно-учебная коммуникация осуществляется как в виде лекционных занятий, где адресант имеет прямое вербальное взаимодействие с адресатами, так и в виде текстовых сообщений, где адресант опосредовано, иногда с большими временными интервалами, передает систему знаний адресатам. Объект описания, как правило, представляет готовую систему знаний, т. е. факты не требующие доказательства и принятые научным сообществом. Однако, учебное пособие — это средство информирования аудитории не только об общеизвестных данных, но и о собственных разработках, изобретениях или способах исследовательской деятельности, что представляет собой новое знание, требующее обсуждения и встраивания в общенаучную картину мира. Адресантами научно-учебной речи являются признанные ученые, известные исследователи и специалисты в какой-либо сфере деятельности, а также преподаватели учебных заведений, которые представляют неоспоримый авторитет для адресантов — обучающихся и студентов.

Задача учебных пособий объяснять, иллюстрировать и убеждать примерами обучающихся. Доступность, ясность и однозначность объяснения достигается при помощи речевой организации и структурного построения текста.

М. Халлидей отмечает, что «форма научного сообщения, в которой текстовая организация предложения выражает движение от фоновой информации - "где мы сейчас" - к новому знанию - "куда мы движемся", стала мощным источником для построения и передачи знания» [7, с. 155]. Для создания сообщений, описывающих пошаговое развитие логики познания, ученые используют ресурсы, которые уже присутствуют в языке. М. Халлидей говорит о том, что в англоязычном научном дискурсе структура и выбор языковых средств для выражения результатов научного поиска претерпели значительные изменения за несколько десятков лет: «Научный

дискурс стал деперсонализированным, личные предложения имеют тенденцию к ограничению: "Smith suggested that ..." на "Smith's suggestion was that ..." » [Там же, с. 155].

Изменения в научном англоязычном дискурсе во времени, предложенные М. Халлидеем, представлены на Рисунке 1:

1) внешне:

от **a happens, so x happens**

because a happens, x happens

that a happens causes x to happen

happening a causes happening x

до

happening a is the cause of happening x

2) внутренне:

от **a happens, so we know x happens**

because a happens, we know x happens

that a happens proves x to happen

happening a proves happening x

до

happening a is the proof of happening x

Рис. 1. Деперсонализация научной информации (М. Халлидей)[7, с. 155].

Существующий в настоящее время английский научный язык - это семиотическая система, которой пользуются не только члены научного сообщества, но любые индивиды, испытывающих потребность в научных сведениях. Поэтому языку науки, а именно способам структурной и системной организации грамматических и лексических средств вербализации научной картины мира, необходимо обучать. Знание особенностей функционирования языка науки во многом облегчит взаимодействие между участниками научно-учебной коммуникации, повысит уровень понимания и усвоения информации, снизит возможность возникновения разночтения и неоднозначности в восприятии данных.

По мнению М. Халлидея [Halliday 2004], неоднозначность возникает в двух случаях: 1) у существительных, оставляющих не выраженные семантические отношения; 2) родственные глаголы, зачастую неопределенные и передающие два значения.

Примером лексической неоднозначности могут служить следующие слова:

1) существительное **"service"** – сервис, обслуживание. В железнодорожной терминологии оно имеет значение "перевозки": *a locomotive suitable for service, the passenger and freight service* [3, с. 12].

2) существительное **"car"** – машина, автомобиль. В железнодорожной терминологии оно имеет значение "вагон": *We will have more powerful locomotive and more comfortable cars* [Там же, с. 9]

3) глагол **"run"**- бегать, управлять. В железнодорожной терминологии оно имеет значение "осуществлять, производить": *run the service* [Там же, с. 23]

Научно-учебному стилю свойственны универсальные текстовые категории такие, как: связность, структурность, цельность и модальность [2, с. 37], которые придают изложению объективность, обобщенность, интенциональность и интертекстуальность.

Мы приведем примеры синтаксических средств, при помощи которых реализуется семантическая связность, обобщенность, интенциональность и интертекстуальность в англоязычных технических учебных текстах:

1) *неопределенно-личные предложениями с указательными местоимениями this или these:*

This can cause electrolytic damage and even arcing if the tunnel segments are not electrically bonded together [6, с. 13].

2) *предложения с неопределенным местоимением any в коллокации с субъектом действия:*

Any commercial organisation aims to maximise the profit it makes [9, с. 132].

3) синтаксическая компрессия с деепричастными оборотами, выраженными неличной формой глагола *Participle II (Ved/V3)*:

A steeply inclined weak layer, ***when etched out by erosion***, produces a straight shallow depression [8, с. 96].

2) синтаксическая компрессия с вводными словами, выраженными наречиями:

Structurally walls carry out the same function as columns, that is, they transmit loads downwards [9, с. 10].

Выше перечисленные синтаксические средства структурируют лексическое наполнение высказывания, что придает всему тексту логичность, четкость, связность и интенциональность.

Таким образом, научно-учебный текст, являясь текстом-сообщением, призван вызывать изменения в системе знаний адресата. Любая трансформация ментальных структур происходит через использование языковой системы, поскольку результаты мыслительной деятельности нуждаются в вербализации и сообщении целевой аудитории. Способы и средства речевого выражения информации влияют на восприятие адресата. Правильное понимание информации ведет к ее усвоению, т. е. к выполнению целей и задач процесса обучения.

1. Буре Н. А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. Основы научной речи: учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; Под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. – 144с.
3. Курбасова И.А. Английский язык для технических вузов (транспорт, строительство, связь): учеб. / И.А. Курбасова, Е.И. Силантьева, И.Н. Слободская. – М.: Высшая шк., 1988. – 304 с.
4. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. – М., 1985. – 128 с.
5. Свойкин К.Б. Диалогика научного текста: курс лекций // К.Б. Свойкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 146с.
6. Frey S. Railway electrification systems and engineering. – White Word Publications, 2012. – 145 p.
7. Halliday M.A.K. The language of science. Volume 5 in the Collected Works of M.A.K. Halliday. Ed. by Jonathan J. Webster. – London. New York: Continuum, 2004. – 268 p.
8. McLean A.C., Gribble C.D. Geology for civil engineers. – 2-d ed., E & FN Spon, 1985. – 333 p.
9. Narayanan R.S., Beeby A.W. Introduction to design for civil engineers. – Spon Press, London and New York, 2001. – 196 p.
10. Steven D. Understanding the language of science. Austin: The University of Texas Press, 2003. – 262 p.

Хашиева П.А.

Нравственно-экологический ракурс мотива будущего в творчестве Б.Л.

Пастернака 20-30-х годов

*ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
(Россия, Магас)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-113

idsp: 000001:lj-10-2018-113

Аннотация

В статье рассматриваются литературные и биографические факторы, оказавшие влияние на формирование в творчестве Б.Л. Пастернака 1920–1930-х годов мотива будущего. Прослеживание того, как Пастернак следовал традиции русской литературной классики, демонстрирует особенности творческой эволюции великого художника и помогают более четко определить его эстетическую и гражданскую позицию в непростое для истории отечественной культуры время. Большой художник не мог смириться с большевистским пустословием, фразерством и выпендривом

риторикой советских лозунгов о строительстве «нового, светлого будущего». Мысль о необходимости нравственно-экологической защиты грядущего своей Родины пронизывает творчество Б.Л. Пастернака в рассматриваемый период.

Ключевые слова: художественно-литературный дискурс, литературная традиция, Пастернак, мотив будущего, нравственная экология.

Творческие искания Б.Л. Пастернака являются вершиной культурно-эстетического русского художественно-литературного дискурса, занимая в его культурно-эстетическом пространстве одно из ведущих мест [13]. Для отечественной художественной картины мира [2; 3; 4 и др.] первых послереволюционных десятилетий XX века характерен повышенный интерес к будущему тех нравственных ценностей, которые всегда определяли и определяют *экологию человеческой души*. Между тем в это время, в очередной раз, будущее отечественной культуры, духовности, нравственной экологии оказалось под угрозой уничтожения беспощадного и слепого Молоха революции. Современная российская история убедительно доказала, что художественно-просветительская деятельность Б.Л. Пастернака представляется необычайно ценной для потомков именно благодаря принципиальной эстетической позиции художника, оказавшегося в одиночестве, окруженного фарисейством и ложью, но мужественно защищающего высшие – от Бога! – нравственные ценности, наследующего гуманистические традиции великой русской классики.

Следование заветам классиков (в частности, Пушкина, Бальзака, Диккенса, Достоевского и др.) становится у Пастернака уже начиная с середины 1920-х мощным средством противодействия идеологизации культуры и литературы, потере ею статуса высокого искусства, подчинения утилитарным вульгарно-социологическим установкам новой власти (он – как и А.А. Ахматова: «Не с теми я, кто бросил землю// На растерзание врагам...»). Этический императив Пастернака очевиден и полностью определяется заветом Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровище на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» [Мф. 6: 19–21]. Это своеобразная этическая программа жизни в настоящем, обращенной к будущему. Всегда «живущий не тем, что сделано, а тем, что предстоит сделать, Борис Пастернак не собирал архива и уничтожал свои черновики (в частности, и романа «Спекторский» – П.Х.). Свое отношение к бумагам он основывал на вере в бессмертие человеческого духа» [9, 7, с. 206].

Раздумывая о будущем и требованиях, предъявляемых временем, Пастернак обращался к опыту и ценностям истории, чтобы через их понимание и усвоение органично продолжить культурную традицию. Самоопределением объективно обозначались сила и расстояние отталкивания от советских литературных и политических нравов. Пастернак писал 13 мая 1929 года В.С. Познеру, что «не искусство, но *время* выкатило <...> дилемму: страдать ли без иллюзий или преуспевать, обманываясь и обманывая других» [8, VIII, с. 326]. Лицемерие времени и то, как преподносились результаты революционной ломки («воспитания временем» – так «закаляется сталь»), вызывали у поэта во многих произведениях конца 1920-х годов глубокие и меткие характеристики, запечатлевавшие происходившее. См. комментарии к этим произведениям в книгах: [11; 12].

Уже в 1921 году поэт имел «обвинения времени формулятивные, продуманные» (из письма, написанного летом 1921 года к В.П. Полонскому) [8, VII, с. 371]. Позже, в романе «Доктор Живаго» заглавный герой выскажет в варыкинском дневнике одно из главных обвинений послереволюционному времени: «Что же мешает мне служить, лечить и писать? Я думаю, не лишения и скитания, не неустойчивость и частые

перемены, а господствующий в наши дни дух трескучей фразы, получивший такое распространение, – вот это самое: заря грядущего, построение нового мира, светочи человечества. Послушать это, и поначалу кажется, – какая широта фантазии, какое богатство! А на деле оно именно и высокопарно по недостатку дарования» [8, IV, с. 284]. В.П. Полонский в статье «Б. Пастернак. 4-я книга стихов» писал: «Он значителен еще тем, что весь в будущем, но его нельзя ни в коем случае назвать классиком, и каждое новое стихотворение его – новый шаг вперед» [7, с. 687]. Разрыв с временем был мучителен для Пастернака, и он искал сближения, свидетельством чему книга стихов «Второе рождение» (1932), в которой поэт стремился, в частности, понять психологию «нового», идеологизированного человека, найти точки соприкосновения с новым социальным строем, желал «... труда со всеми сообща / И заодно с праворядком» [9, II, с. 86]. «Общение с Полонским и Черняком – “людьми революции”, как называл их Пастернак, глубоко сказалось на формировании его отношения к действительности того времени», – отмечают Е.Б. и Е.В. Пастернаки [7, с. 684].

История в представлении Пастернака не может твориться путем отмены «старой» и введения «новой». Она органически и неотменяемо продолжается, оставляя в прошлом «быль», «предание» и вновь актуализируя их. «Быль» у Пастернака – не механическое событие. Это – отпечаток и проявление в жизни духа времени. И только причастность к нему приобщает художника к истории, и он что-то значит для будущих поколений наряду с его предшественниками. Отпечаток духа времени появляется во мгновении, которое является парадоксально тождественным вечности, и которым время испытывается на историческую значимость. Мотив будущего, формировавшийся в творчестве Пастернака на протяжении конца 1910-х – 1920-х годов, можно охарактеризовать несколькими смысловыми комплексами или представлениями, регулярно проявляющимися в художественном мире поэта. Это: 1) мера органического соответствия человека или события – «были», состоявшейся в христиански понимаемой истории, отношение к преданию; 2) счеты с «эпохой роковой»; 3) отношение к традиции – предшествующей и современной литературе. Раздумья поэта о будущем были связаны с поиском устойчивой культурной почвы, которая позволила бы, укрепившись в притяжениях и отталкиваниях, реализоваться, как написал он в стихотворении «Во всем мне хочется дойти» (1956), «До оснований, до корней, / До сердцевины» [8, II, с.148]. Но на уровне объективации Пастернаком собственного внутреннего мира это было подытожено раньше, в первом стихотворении цикла «Художник» (1936): «С кем протекли его боренья? / С самим собой, с самим собой» [8, II, с.90].

В первые же послереволюционные годы, во время гражданской войны, как резюмировал повествователь (= заглавный герой) «Доктора Живаго», «время оправдало старинное изречение: человек человеку волк» [8, IV, с.375]. К 1930-м годам Пастернак столкнулся с необходимостью решать вопрос выбора языка для общения с эпохой. Как писал он 29 сентября 1930 года С.Д. Спасскому, ранее «этот выбор направлялся жизнью, а теперь он произволен. Ни общего языка, ни чего бы то ни было другого современная жизнь лирику не подсказывает. Она его только терпит, он как-то экстерриториален в ней. <...> Общий тон выраженья вытекает теперь не из *восприимчивости* лирика, не из преобладанья одного рода *реальных* впечатлений над каким-нибудь другим, а решается им самим почти как нравственный вопрос» [8, VIII, с. 450–451].

Взаимоотношения с эпохой для Пастернака на протяжении его жизни находились в корреляции с межличностными отношениями в социуме и с его отношениями с женщинами – И.Д. Высоцкой, Е.А. Виноград, Е.В. Лурье, З.Н. Нейгауз, О.В. Ивинской. Эти планы – социально-исторический и личностный почти всегда

взаимосвязаны и тождественны по силе накала страсти и важности разрешаемых проблем. Одной из самых ярких иллюстраций может послужить заключительное, девятое стихотворение из цикла «Разрыв» (1919) «Рояль дрожащий пену с губ оближет», полное глубокого трагизма и внутреннего надрыва. Его подробный разбор предпринят А.К. Жолковским в статье «При музыке: “Разрыв. 9” и его интертекстуальный аккомпанемент» [5, 425–442]. Главная буря происходит в душе, которая расстается с иллюзиями и предстает как будто ослабленной и беззащитной, но очищенной и способной к быстрому самосовершенствованию, потенциально сильной, готовой к самопожертвованию и тем самым – побеждающей мир дисгармонии, с которым шла борьба. Выход из «разрыва» – к познанию объективной истины в соответствии с природой собственной личности. Преодоление инородной духовной сущности с трудом, но происходит, поскольку лирический субъект осознает свою систему ценностей и находит – во избежание внутреннего нежелательного перерождения – силы к сохранению своего духовного мира. Внимание устремляется на рубеж, до которого спасение и полноценная жизнь еще возможны. Решающий аргумент содержат последние строки стихотворения: «А в наши дни воздух пахнет смертью: / Открыть окно, что жилы отворить» [8, I, с.186]. Слова героини, к которой обращено стихотворение, вызывают у лирического субъекта ответ «аккордами», подразумевающими, что все давно уже сказано, слова излишни.

Важно проследить механизм порыва Пастернака в будущее. Как пишет Д.С. Лихачев, у Пастернака в паре «объект и сравнение» выступает сначала сравнение в роле объекта, а затем объект в роли сравнения. При этом действие вторых смыслов (обычно многозначного) слова идет первым планом, за счет чего происходит рывок в будущее, и лишь для удержания смысловой включенности в понятную читателю настоящего действительность происходит постоянное его возвращение к сравниваемому. Это возвращение, тем не менее, гораздо слабее силового порыва, спешки захвата еще до конца не установившихся новых отношений с миром.

Формирование к концу 1920-х – началу 1930-х годов (времени написания стихотворений, вошедших во «Второе рождение») устойчивого мотива будущего, а также конструктивной функции, которую он принимал на себя, требовали подчинения логике своего движения всего поэтического мира, отношений с прошлым и настоящим и, следовательно, отражались на его внутренней структуре. В этой связи М.М. Бахтин писал: «Смысловое будущее враждебно настоящему и прошлому как бессмысленному, враждебно, как задание не-выполнению-еще, долженствование бытию, искупление греху. Ни один момент уже-наличности для меня самого не может стать самодовольным, уже оправданным; мое оправдание всегда в будущем, и это вечно противостоящее мне оправдание отменяет мое для меня прошлое и настоящее в их претензии на уже-наличность продолжительную... <...> Будущее осуществление не является для меня самого органическим продолжением, ростом моего прошлого и настоящего, венцом их, но существенным упразднением, отменой их, как нисходящая благодать не есть органический рост греховной природы человека. В другом – совершенствование (эстетическая категория), во мне – новое рождение» [1, с. 114].

Эти наблюдения способствуют более точному и полному пониманию того, почему Пастернак именно так – «Второе рождение» – назвал новую книгу. У поэта произошло осознание требования к себе: «вновь родиться», что означало одухотворяемость мира в настоящем и порыв в будущее.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества/ Сост. С.Г. Бочаров. Прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. - 361 с.

3. Буров А.А. Речевая номинация и языковая картина мира (статья 1-я) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2007. - № 1-2. - С. 57-66.
4. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. - 305 с.
5. Жолковский А.К. Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.
6. Литературное наследство. Том 93. Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования / Литературное наследство (коллектив авторов). – М.: Наука, 1983. – 760 с.
7. Пастернак Б.Л. Избранное в двух томах. Составление, подготовка текста и комментарии Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака. Вступительная статья Д.С. Лихачева. – М.: Художественная литература, 1985.
8. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В одиннадцати томах. Составление и комментарии Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2003–2005.
9. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Предисловие к переписке Б.Л. Пастернака и О.М. Фрейденберг // «Дружба народов». - 1988. – № 7–10.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание четвертое. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977–1979.
11. Сергеева-Кляitis А.Ю., Лекманов О.А. «Высокая болезнь» Бориса Пастернака. Две редакции поэмы. Комментарий. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 172 с.
12. «Спекторский» Бориса Пастернака: Замысел и реализация. Составление, вступительная статья и комментарии А.Ю. Сергеевой-Кляitis. – М.: Совпадение, 2007. – 231 с.
13. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык. - Белгород, 2009. - 407 с.

Царева Н.А.

Декомпрессия номинация в идиостиле Б.Л. Пастернака: от слова – к фразе

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
(Россия, Пятигорск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-114

idsp: 000001:lj-10-2018-114

Аннотация

Статья посвящена анализу одного из ярких свойств идиостиля великого русского поэта Б. Пастернака – употреблению синтаксических наименований, способствующих выражению индивидуально ощущаемых фрагментов авторской картины мира. Включение в описательное обозначение придаточных нерасчлененного типа сложноподчиненного предложения позволяет поэту за счет декомпрессии лексического наименования решать задачи эстетического осмысления номинации индивидуально ощущаемых образов, рождающихся в сознании.

Ключевые слова: когнитивная семантика, номинация, внутренняя форма, декомпрессия лексического обозначения, синтаксическое наименование.

Для русской художественной языковой картины мира XX века характерна яркая тенденция к антропогенности – проявлению ярких творческих языковых личностей, в произведениях которых отчетливо прослеживается стремление к когниолингвистической индивидуализации [3, с. 58]. Прежде всего это Б.Л. Пастернак, чей идиостиль – явление поистине уникальное. Феномен этого великого художника слова заключается, на наш взгляд, в том, что он, утверждая вслед за Пушкиным высокий статус Искусства как Пророчества, обладал уникальной способностью к восприятию времени как Вечности, заключенной в субстанции конкретного мгновения земного бытия, насыщенного всем, что дарует человеку реальный мир. Диалог «Художник – Время», ставший ведущим в классической русской поэзии XIX – XX веков, у Пастернака обретает форму глобального вселенского пророческого полилога со Временем и Пространством, обнажающего, вскрывающего не просто суть вещей, но и динамику их связи с человеком. В центре идиостиля поэта – семантика познания

мира как Божественного Явления, когнитивная семантика мироздания и мироустройства.

Если у большого современного поэта «стихи не пишутся - случаются» (А. Вознесенский. Не отрекусь...), то у Пастернака они – *являются*. Ему было дано Свыше право стать художественным Мессией нашего времени, который *per aspera ad astra* напомнил своим творчеством о единственном пути к спасению: это путь страдания, прощения и любви. Такова концепция лирического героя пастернаковской поэзии, - в нем *явлен* автор как языковая личность, с ее своеобразным, по мнению Н.А. Фатеевой, подходом к структуризации художественного мира посредством «ассоциативно-выразительных комплексов», или «метатропов». Суть последних - в определении «границ, в которых некое значение (например, приблизительность – Н.Ц.) допускает все новые и новые замещения, совершающиеся под эгидой одного и того же общего смысла, вписанные в один и тот же большой интенционал» [9, с. 5].

Сказанное относится прежде всего к области номинации фрагментов авторской картины мира – того сложного динамического образа мироздания, который предстает в творчестве Пастернака во всей своей сложности и разноплановости и смысл которого – посредством конкретики деталей - поэт стремится постичь: *«Во всем мне хочется дойти// До самой сути. // В работе, в поисках пути, // В сердечной смуте. // До сущности протекших дней, // До их причины, // До оснований, до корней, // До сердцевины. // Всё время схватывая нить // Судеб, событий, // Жить, думать, чувствовать, любить, //Свершать открытия»*. (Во всем мне хочется дойти...) [7, с. 422-423]. Творческая работа пастернаковского интеллекта обеспечивает постоянный поиск речевых средств русского языка, позволяющих обнажить эту «суть». В первую очередь она заключена во внутренней форме наименования, репрезентация которой связана с эксплицированием атрибутивных свойств денотата в тексте – «путем раздельного обозначения» признака наименования и самого наименования [2, с. 39].

Обнажение смыслового содержания вещей – главная задача любой номинации, заключающаяся в атрибуции, вскрытии внутренней формы имени [2, с. 41 и след.; см. также: 8; 6; 4; 3]. Это, в частности, позволяет осуществить в тексте употребление уникального средства синтаксической номинации – фразового наименования [2, с. 40]. В самом деле, когда мы встречаем у Пастернака контекст, в котором надо не только назвать сложный, обобщенный денотат, но и сделать метакомментарий к этому обобщению, употребляется именно данная расчлененная предикативная форма обозначения, ср.:

*Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд,
Где вас, как вещь, со всех сторон покажут
И золото судьбы посеребрят,
И, может, серебрить в ответ обяжут.* (Брюсову) [7, с. 170]

В подобных случаях денотат, фиксируемый опорным словом описательного обозначения (имя существительное, местоимение или их заместители; здесь это слово «*обряд*») за счет придаточной части получает возможность атрибутивного развертывания своих наиболее характерных или представляющихся важными автору признаков. Тем самым вскрывается внутренняя форма номинации и познается обозначаемое.

Употребление подобного рода описательных наименований, являющееся не прихотью авторской риторичности, а коммуникативной и эстетической необходимостью, вступает в известное противоречие со сложившейся исторически привычкой закрепления фрагментов картины мира в словаре как «лексико-фразеологическом сообществе» (выражение Н.М.Шанского). Как показывают исследования, в случае с фразовой номинацией, выражаемой местоименно-соотносительными придаточными сложноподчиненного предложения [6], речь идет о восполнении словарной недостаточности [1, с. 9; 2, с. 45]. Если же взглянуть на фразовую номинацию более широко, с позиций всего нерасчлененного типа сложноподчиненных предложений, то можно прийти к заключению: употребление

придаточного как конкретизатора семантики опорного слова, называющего денотат, вызвано именно авторскими интенциями, характерными для идиостиля художника слова, который стремится к постижению сокровенных, подчас скрытых смыслов, «сути» вещей за счет перехода «от слова к фразе». Именно таким поэтом является Пастернак, в тексте которого очень часто встречается то, что мы назовем декомпрессией номинации.

Под *декомпрессией* (от лат. *de* – «отмена». *compressio* – «сжимаю») *номинации* мы понимаем употребление автором синтаксического отрезка в качестве наименования денотата, за которым в авторском представлении стоит целый фрагмент картины мира, требующий обобщения и пространственной вербализации в силу своей сложности, глубинности, семантической «вертикальности». Словарная лексическая номинация, при всей своей универсальности и способности к компрессии семантики и сопутствующих коннотаций, не удовлетворяет авторским интенциям, заключающимся в том, чтобы выразить субъективное представление об обозначаемом. Русский синтаксис позволяет конкретизировать семантику опорной лексической номинации – слова, выраженного именем существительным или местоимением, за счет того, что к описательному обозначению автор подключает пространство придаточной части сложноподчиненных предложений. Как правило, это продуктивные и способные насыщаться типизированной лексикой нерасчлененные модели, строящиеся по принципу «коррелят + релят и вводимая им придаточная часть» [2, с. 33; 6; 1 и др.]. Приведем примеры:

а/ присубстантивно-атрибутивная декомпрессия:

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,

Где даль пугается, где дом упасть боится,

Где воздух синь, как узелок с бельем

У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,

Оставленный звездой без продолженья

К недоуменью тысяч шумных глаз,

Бездонных и лишенных выраженья. (Весна) [7, с. 147]

В данном контексте в декомпрессии участвует целый ряд однородных придаточных (местоименный релят «где»), формирующих обозначение образного пространства значительного фрагмента мира. Когда же автору необходимо включить в метахарактеристику денотата элемент уточнения, конкретизации атрибутики, при декомпрессируемом существительном (опорная лексема) употребляется местоименный коррелят, ср.:

И в рифмах дышит та любовь,

Что тут с трудом выносятся,

Перед которой хмурят бровь

И морщат переносицу. (Красавица моя) [7, с. 322];

б/ местоименно-соотносительная декомпрессия:

И всем, чем дышалось оврагам века,

Всей тьмой ботанической ризницы

Пахнёт по тифозной тоске тюфяка,

И хаосом зарослей брызнется. (Когда любит поэт) [7, с. 110]

Фразовая номинация «все, чем дышалось оврагам века» строится на расширении местоименного коррелята («всем»), наполняемого семантикой «правого текста», и предваряет развернутую метафору «вся тьма ботанической ризницы»;

в/местоименно-союзная декомпрессия:

Здесь и высохших старых коряг,

И лоскутницы осени жалко,

Все сметающей в этот овраг.

И того, что вселенная проще,

Чем иной полагает хитреца,

*Что как в воду опущена роца,
 Что приходит всему свой конец.
 Что глазами бессмысленно хлопать,
 Когда все пред тобой сожжено,
 И осенняя белая копоть
 Паутиною тянет в окно. (Бабье лето) [7, с. 399]*

Придаточные, употребленные здесь в позиции парцеллята, осуществляют пространственное развертывание атрибуции, формируя ряд развернутых дескрипций за счет включения косвенных характеристик (подчинительный союз «*что*», коррелирующий с местоимением «*того*»). Декомпрессия лексического наименования выступает при этом сугубо индивидуальным актом авторского порядка, субъективно ощущаемым и требующим опоры на контекст. Задействование синтаксического отрезка в качестве обозначения связано с проявлением *языковой энтропии* и способствует созданию индивидуально-авторской картины мира. В.Г. Гак выделяет активность двух основных способов энтропической номинации - дефиниционный (определение) и дескрипционный (описание) [4]. В пастернаковском тексте оба эти способа могут выступать контаминированно:

*Ты — благо гибельного шага,
 Когда житье тошней недуга,
 А корень красоты — отвага,
 И это тянет нас друг к другу. (Осень) [7, с. 401]*

В данном случае развернутое метафорическое предиктивное «*благо гибельного шага*» формирует базовую дефиницию, которая за счет декомпрессии получает авторское расширение в косвенно-дескрипционной форме фразового обозначения – двух атрибутивных придаточных: «*когда житье тошней недуга*» и «(когда) *корень красоты — отвага*».

В поэтическом дискурсе, по словам И.И. Чумак-Жунь, каждая личность имеет индивидуальную образную стратегию и формирует свой «механизм понимания и структурирования действительности» [10, с. 12]. Декомпрессия номинации, характерная для идиостиля Б.Л. Пастернака, свидетельствует о том, что великий русский поэт в своем субъективном познании мира и создании его авторской (антропогенной) картины опирался на структурно-семиотический потенциал русского языка и его гибкий синтаксический строй. Динамика номинации предопределяет богатейшие коммуникативные и изобразительно-эстетические возможности обозначения, которое осуществляется единицами любой структуры, участвующими в решении когнитивно-эстетических задач.

1. Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте: автореф. дис. ...канд. филолог. наук. - М., 1979.- 17 с.
2. Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте: дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1979. - 193 с.
3. Буров А.А. Речевая номинация и языковая картина мира (статья 1-я) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.- 2007. - № 1-2. - С. 57-66.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Языки русской культуры, 1998. - 768 с.
5. Лосев А.Ф. Философия имени / Самое само. - М.: ЭКСМО-пресс, 1999. - 1024 с.
6. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): автореф. дис. ... доктора филолог. наук. - М., 1971. - 29 с.
7. Пастернак Б.Л. Сочинения в 2-х т. - Т. I: Стихотворения и поэмы. - М.: ХЛ, 1985. – 623 с.
8. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. - М.: ВШ, 1990. - 344 с.
9. Фатеева Н.А. Поэт и проза: книга о Пастернаке / Предисловие И.П. Смирнова. - М.: Новое литературное обозрение, 2003. - 399 с.
10. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: дис. ... доктора филолог. наук. - Белгород, 2009. - 407 с.

РАЗДЕЛ XIII. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Белякова С.В.

Глобальное и локальное в культурном ландшафте Крыма

*Таврическая академия (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-115

idsp: 000001:lj-10-2018-115

Введение. Объективным явлением современной действительности является глобализация. Это многоаспектный процесс, который охватывает все сферы современного общества и определяется тенденцией к интеграции мировых процессов. Истоки глобализации уходят в период Великих Географических Открытий. В современном социокультурном пространстве она является основным вектором. К главным чертам глобализации относятся вестернизация и общее усреднение ценностей. Современные учёные рассматривают глобализацию как процесс, направленный на создание целостного культурного, информационного, политического и экономического пространства. К примеру, исследователи П. Малиновский и С. Хоффман определяют феномен глобализации как многоуровневый пространственно-временной процесс, который сказывается на функционировании и развитии многих локальных культур. Мировое сообщество разрабатывает механизмы, противостоящие негативным влияниям глобализации. Примером может служить теория глокализации британского социолога и теоретика глобализации Ролана Робертсона. Основными понятиями которой являются «глобальное» и «локальное»: глобальное влияет на локальное в культуре, но и, в свою очередь, преобразуется под влиянием локального контекста, и таким образом отрицательное влияние глобализационных процессов сглаживается.

Поликультурное пространство Крыма также подвержено влияниям глобализации. Культурная унификация, является серьёзным испытанием для локальных культур Крыма, поскольку угрожает стиранием границ между ними, что может привести к растворению их культурной идентичности и национальных особенностей. Перед современными исследователями культуры стоит задача определения культурных механизмов сохранения локальных культур в Крыму, а также выявление роли диалога в формировании культурного ландшафта полуострова.

Данное исследование посвящено актуальной проблеме изучения соотношения глобального и локального в культурном ландшафте Крыма, поиску механизмов противостояния негативным влияниям глобализации на поликультурное пространство Крыма, определению факторов сохранения мира и процветания культур на полуострове.

Множество этнических групп оседало на крымской земле веками, вплетая свои национальные особенности в венок культур. На небольшой, но уникальной и разнообразной территории сформировалось особое мультикультурное, полиэтническое пространство, которое и можно назвать «культурным ландшафтом Крыма». У термина «культурный ландшафт» множество определений. Наиболее точным в данном контексте по нашему мнению является определение великого крымчанина, ученого и философа В. И. Вернадского: «культурный ландшафт – это целостная и территориально-локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединённого влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей» [1].

Для противостояния негативному влиянию глобализации в Крыму сформировалась и опробована во времени эффективная модель межкультурного взаимодействия – диалогическая культурная традиция, которая способствует сохранению культурного многообразия в Крыму. Диалог культур – это такая особая практика межкультурного взаимодействия, которая состоит в активном взаимообогащении культурными ценностями при сохранении участниками диалога своей самобытности. Диалог культур выражается в разных феноменах культуры: народном костюме, национальных кухнях, в праздничной культуре, искусстве и архитектуре. Но именно равноправный и дружественный диалог позволяет локальным культурам не терять своеобразие, не изменять культурным традициям, сохранять свою культурную идентичность. Таким образом, процессы глокализации в Крыму противостоят явлениям глобализации.

Выводы.

Таким образом, можно утверждать, что крымский культурный ландшафт – это весь Крым в его культурном и природном многообразии, а условием его сохранения и развития является выработанный веками совместного проживания локальных культур механизм защиты от негативного воздействия глобализации – кросс-культурный диалог.

1. Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. / Владимир Иванович Вернадский – М. : Наука, 2000. – 504с.
2. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. / И.Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – С. 477.
3. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
4. Лебедев, С. «Крым и его народы», Русская народная линия [Электронный ресурс] / С. Лебедев. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2014/02/24/krym_i_ego_narody.
5. Липич,Т.И. Диалог как форма взаимодействия культур / Т. И. Липич // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. - 2014. - Т.1, №1(1). - С. 63-69, с.65.

РАЗДЕЛ XIV. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кинякина Л.В.

Фольклоризм: вопросы типологии и классификации

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», институт национальной культуры, кафедра народной музыки
(Россия, Саранск)

doi: 10.18411/lj-10-2018-116

idsp: 000001:lj-10-2018-116

Аннотация

В статье рассматриваются типологии и классификации фольклоризма. В науке не существует единого подхода к дифференциации основных понятий, относящихся к явлению фольклоризма. Понятия «типы» и «виды» употребляются как синонимы, а под видами часто подразумеваются методы. Сравнительный анализ авторских классификаций способствует определению общих позиций и формированию четкого понятийного аппарата.

Ключевые слова: фольклоризм, типы фольклоризма, виды фольклоризма, методы фольклоризма.

XX век был отмечен бурным развитием такого культурного явления, как фольклоризм. Этот процесс закономерно вызвал интерес музыковедов и этномузыкологов к данной проблеме, интенсивность которого не снизилась, а лишь усилилась в начале XXI века. Первые попытки сформировать теоретическую базу фольклоризма относятся к середине прошлого столетия, и на сегодняшний день в научной литературе имеется большое количество статей и монографий, посвященных методологическим аспектам фольклоризма, его типологиям и классификациям. Несмотря на это, фольклоризм как музыкальный феномен изучен недостаточно глубоко, и, как отмечал в 80-х гг. Г.Л. Головинский, до сих пор это «проблема столь же актуальная, сколь и недостаточно разработанная» [2, с. 4]. Мнение ученого подтверждается, в частности, отсутствием четких дифференцирующих понятий, позволяющих разграничить типы и виды фольклоризма, а также его методы.

Авторы научных работ, посвященных фольклоризму, предлагают разнообразные классификации этого явления по различным основаниям. Так, И.И. Земцовский классифицирует фольклоризм в зависимости от областей науки и культуры, в рамках которых он существует и развивается. Ученый выделяет пять областей проявления фольклоризма: 1) профессиональное художественное творчество; 2) наука и педагогика; 3) сценические формы искусства; 4) праздники, фестивали; 5) средства массовой информации [7, с. 7]. Каждая из перечисленных областей характеризуется той или иной степенью вторжения в фольклор. По мнению ученого, сценический фольклоризм можно считать наиболее сложным для воплощения, и, в то же время, самым продуктивным в плане трансляции фольклорных образцов. Взгляд на фольклоризм как на эстетическое явление позволяет, как считает Л.П. Иванова, выделить три основных типа: 1) этнографический, предполагающий воссоздание и одновременное сохранение народной песни; 2) адаптированный, который стремится популяризировать народную песню, укрепить ее позиции в общественном сознании; 3) творчески свободный, в рамках которого, помимо музыкальных выразительных средств, используются фольклорные сюжеты, идеи, образы [9, с. 52]. Видовая принадлежность фольклоризма послужила основой для следующей классификации Ивановой, где автор предлагает различать авторский, национальный, социальный, исторический фольклоризм, а также «фольклоризм по видам искусства» [10, с. 36].

Разветвленная схема классификации фольклоризма присутствует в работах искусствоведа Ю.Л. Фиденко. Исследователь предлагает общее разделение этого феномена на два направления – композиторский фольклоризм, использующий фольклорный материал в качестве основы для авторских произведений, и исполнительский, реализующийся в концертной практике различных фольклорных коллективов. Выделяются также две сферы реализации исполнительского фольклоризма: аутентичный и стилизованный фольклоризм. Аутентичный исполнительский фольклоризм реализуется в деятельности ансамблей, которые стремятся к глубокому постижению фольклорных традиций и организуют свои выступления «в принципиально несценической форме» [13, с. 26]. Стилизованный фольклоризм воплощается коллективами, чья концертная практика осуществляется по законам профессионального искусства. Фольклорные ансамбли или хоры используют сценические площадки и «артикулируют в академической народной манере авторские сочинения или обработки» [там же]. Фиденко подчеркивает, что выделенные сферы реализации исполнительского фольклоризма можно рассматривать как два самостоятельных исполнительских жанра, так как каждый из них, несмотря на общность своей основы, характеризуется собственной эстетической системой и манерой исполнения, тенденциями развития и местом в культуре. На наш взгляд, такие направления, как композиторский и исполнительский фольклоризм, можно определить как типы фольклоризма. В данном случае мы учитываем, что понятие «тип» обозначает верхний уровень систематики или категорию, объединенную общими свойствами. Что же касается дальнейшей классификации типов фольклоризма, то в данном случае логично употреблять понятие «вид», которое имеет значение «часть целого».

Так, ряд классификаций касается исполнительского фольклоризма. К примеру, В.Е. Гусев говорит о существовании трех видов сценического воспроизведения фольклора: 1) выступления сельских исполнителей с аутентичным фольклорным репертуаром; 2) воспроизведение жанров фольклора, которые прекратили свое бытование; 3) исполнение профессиональных обработок народных песен [4, с. 199]. Исследователь подчеркивает, что в реальной исполнительской практике эти виды фольклоризма существуют в смешанных вариантах, поэтому классифицировать исполнителей народных песен необходимо по принципу преобладания того или иного вида в их репертуаре.

А.И. Гурченко также выделяет три вида исполнительского фольклоризма: 1) трансляционный, в рамках которого фольклорные образцы воспроизводятся в максимально близком к традиции виде; 2) адаптированный, привносящий элементы нефольклорных или несвойственных для данного этноса стилей в народно-песенные образцы; 3) авторскую интерпретацию, предполагающую переосмысление конкретной народной песни «в рамках средств выразительности, не свойственных традиционному фольклорному исполнительству» [3, с. 171]. Земцовский дифференцирует сценический фольклоризм по наличию или отсутствию обработок в репертуаре народных коллективов. К первой группе относится необработанный фольклор в исполнении сельских ансамблей или ансамблей с аутентичным репертуаром; во вторую группу попадает обработанный фольклор, исполняемый народными хорами или ансамблями песни и пляски. Ученый отмечает, что «каждый тип вынесения фольклора на эстраду имеет свои подтипы, различную меру связи с подлинным фольклором, по-своему решает вопросы репертуара, исполнительского стиля, костюмов, соблюдения элементов народного синкретизма» [7, с. 14].

Рассмотрим классификации композиторского фольклоризма. Земцовский в монографии «Фольклор и композитор» [8] выделяет такие его виды, как цитирование фольклорных мелодий, применение структурных элементов народно-песенной мелодики и создание произведений, народных по духу, без использования цитат. Не употребляя понятие «методы», Г.Л. Головинский говорит о двух подходах к авторской работе с фольклорным материалом – воссоздание и присвоение. Если композитор стремится воссоздать народный образец в максимально близком к традиции виде, он

детально воспроизводит определенный фольклорный жанр. В случае присвоения композитор подчиняет выбранные структурные элементы «индивидуальному художественному замыслу» и использует их «при создании образа, содержание которого удалено, иногда значительно, от фольклорного» [2, с. 51].

В научных работах, посвященных исследованию различных аспектов фольклоризма, можно встретить также классификации методов композиторского фольклоризма. Эти классификации достаточно разнообразны, в некоторых дано общее схематичное деление методов, другие представляют собой объемные разветвленные схемы. К примеру, С.В. Евсеев выделяет три метода претворения фольклора в авторских сочинениях, подчеркивая тот факт, что в композиторской практике применяется большее количество вариантов работы с фольклорным материалом. Основными методами, по мнению ученого, являются цитирование, не предполагающее изменений в заимствованной мелодии, обработка в виде гармонизации и полифонизации, и творческая переработка, при которой происходит «глубокое претворение народно-песенных черт» [5, с. 16]. Похожая классификация принадлежит Б. Бартоку [1]. Композитор и музыковед также указывает на три основных метода – обработку, имитацию народных мелодий и создание произведений в народном стиле без применения предыдущих методов.

Классификация, отличная от предыдущих, принадлежит О.И. Кулапиной [11], которая предлагает разделить способы работы с фольклором на две формы – непосредственную и опосредованную. Первая форма (которую, на наш взгляд, можно охарактеризовать как группу методов) подразумевает прямые фольклорные заимствования в виде обработок, вариаций и коллажей. Вторая форма подразумевает стилизацию народной музыки посредством использования особенностей народного музыкального мышления (характерные лады и гармонические обороты, структура многоголосия). Согласно В.Н. Холоповой [14], в течение длительного времени среди методов фольклоризма первое место занимала обработка, но период новой фольклорной волны привнес такие методы, как стилизация, свободная обработка и создание композиции на фольклорные тексты. Таким образом, Холопова останавливается на четырех методах. Пять методов выделяет в диссертационной работе А.К. Петров [12]. Помимо встречавшихся в других классификациях методов обработки, стилизации и цитирования, автор включает сюда жанровое реконструирование и свободный подход к образцам народной музыки.

Детальная классификация методов работы с фольклором принадлежит Л.П. Ивановой [10]. Исследователь применяет трехуровневое деление от простых способов к наиболее сложным, и каждый уровень подразумевает группу конкретных методов. Первый уровень связан с целостным заимствованием материала и включает широко применяемые в композиторской практике методы обработки, стилизации и цитирования. На втором уровне осуществляется работа с фольклорными жанрами, в эту группу входят методы жанрового синтеза, а также воссоздания, трансформации и переориентации жанра. Третий, наиболее сложный уровень, предполагает использование характерных особенностей народного музыкального мышления, в частности, песенных, частушечных и плачевых принципов. Иванова подчеркивает, что «в каждой культуре складывались свои нормы и способы работы с фольклорным материалом» [10, с. 40]. Н.Ю. Жоссан [6] предлагает классификацию методов работы с фольклорными жанрами, аналогичную второму уровню по Ивановой. Жоссан выделяет пять методов: 1) цитирование жанра; 2) синтез различных жанров; 3) деформация жанра; 4) сочетание жанров фольклора и различных видов музыкального искусства; 5) авторский подход к жанру.

Таким образом, при всех различиях в подходах ученых к дифференциации фольклоризма, они имеют общие черты. Общепринято деление фольклоризма на композиторский и исполнительский. Разграничение видов исполнительского фольклоризма осуществляется по принципу близости к аутентичному народному пению – от максимально возможного соответствия традиции до исполнения обработок

и стилизаций в академизированной манере. Среди методов композиторского фольклоризма лидируют обработка, стилизация и цитирование, о которых упоминают большинство исследователей, а также авторское переосмысление народной музыки. Развитие и усложнение фольклористических методов позволяет выделить работу с жанровыми признаками, их воссоздание, синтез, трансформацию. В заключении подчеркнем, что дальнейшее изучение данного вопроса будет способствовать выработке единого подхода к типологизации и классификации фольклоризма.

1. Барток Б. О влиянии крестьянской музыки на музыку нашего времени / Б. Барток // Бела Барток: сб. ст. / сост. Е.И. Чигарева. – М., 1977. – С. 245–249.
2. Головинский Г.Л. Композитор и фольклор: Из опыта мастеров XIX–XX веков: очерки / Г.Л. Головинский. – М.: Музыка, 1981. – 279 с.
3. Гурченко А.И. Фольклор в концертно-сценической практике Беларуси / А.И. Гурченко. – Томский журнал ЛИНГ и АНТР. – 2015. – № 3. – С. 171–179.
4. Гусев В.Е. Фольклорные ансамбли как форма современного фольклоризма / В.Е. Гусев // Традиции и современность в фольклоре. – М., 1988. – С. 199–212.
5. Евсеев С.В. Римский-Корсаков и русская народная песня / С.В. Евсеев. – М.: Музыка, 1970. – 176 с.
6. Жоссан Н.Ю. К проблеме претворения русских фольклорных жанров в отечественной хоровой музыке / Н.Ю. Жоссан // Проблемы жанра в отечественной музыке: сб. тр. – М., 1998. – Вып. 143. – С. 74–93.
7. Земцовский И.И. О современном фольклоризме / И.И. Земцовский // Традиционный фольклор в современной художественной жизни (Фольклор и фольклоризм): сб. науч. тр. / сост. И. И. Земцовский. – Л., 1984. – С. 4–15.
8. Земцовский И.И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды / И.И. Земцовский. – Л.: Сов. композитор, 1977. – 176 с.
9. Иванова Л.П. Некоторые аспекты теории музыкального фольклоризма / Л.П. Иванова // Музыка и время, 2004. – № 7. – С. 51–53.
10. Иванова Л.П. Фольклоризм в русской музыке XX века: монография / Л.П. Иванова. – Астрахань: Изд-во ФГОУ ВПО «АГТУ», 2004. – 224 с.
11. Кулапина О.И. Приемы обработки русского народно-песенного материала (анализ техники композиции) / О.И. Кулапина. – СПб: Композитор, 2008. – 108 с.
12. Петров А.К. Претворение русского фольклора в современной хоровой музыке (1980–2005): основные тенденции, новые композиторские подходы: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. – М., 2007. – 27 с. – М., 2007. – 27 с.
13. Фиденко Ю.Л. Специфика фольклора как особого типа культуры / Ю.Л. Фиденко. – Владивосток: РИО ДВГАИ, 2014. – 30 с.
14. Холопова В.Н. Родион Щедрин / В.Н. Холопова // История отечественной музыки второй половины XX века. – СПб: Композитор, 2005. – С. 120–138.

Эгизова Э.Д.

Изучение и преподавание музыки

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
(Россия, Симферополь)

doi: 10.18411/lj-10-2018-117

idsp: 000001:lj-10-2018-117

Аннотация

В статье в обзорном формате рассматривается становление фортепианной педагогики, ее структура, что важно для воспитания будущих музыкантов и просто широко образованных личностей, умеющих хорошо разбираться в огромном потоке современной не всегда качественной музыки.

Ключевые слова: Фортепианная педагогика, музыкальная одаренность, слух, память, самостоятельность в занятиях фортепиано.

Abstract

The article in the review format examines the formation of piano pedagogy, its structure, which is important for the education of future musicians and simply well-educated personalities who can understand well the huge stream of modern, not always high-quality music.

Keywords: Piano pedagogy, musical talent, hearing, memory, independence in piano lessons.

Введение

В середине XIX века были созданы первые консерватории – Петербургская и Московская, после чего началось быстрое развитие профессионального музыкального образования, а чуть позже возникли и музыкальные училища.

В первые десятилетия Петербургская и Московская консерватории стали крупными музыкальными центрами мирового значения, однако в них мало обращалось внимание на подготовку учащихся к последующей практической деятельности. Многие выпускники становились педагогами, но при этом не получали в достаточной мере соответствующих знаний и должны были их впоследствии самостоятельно приобретать в процессе практической работы. В Парижской консерватории, отличавшейся высоким уровнем профессионального обучения, музыкально-педагогические дисциплины были введены лишь после 40-х годов.

Со временем, в процессе становления и развития музыкальной педагогики складывается и структура образования. Низшим звеном становится детская музыкальная школа, ее назначение – музыкальное воспитание широкого круга детей и подростков, где наряду с систематическим повышением уровня общего развития требовалось выявление наиболее способных и талантливых учеников для подготовки их к поступлению в училища.

Среднее звено музыкального образования – училища, имеют профессиональный профиль и готовят исполнителей-ансамблистов, педагогов музыкальных школ, поэтому в программы училищ введен ряд специальных дисциплин.

Высшее звено – консерватории, готовят исполнителей высшей квалификации – солистов, ансамблистов, педагогов училищ. Также высшим музыкальным учебным заведением со специальным педагогическим профилем являются музыкально-педагогические институты.

Цель исследования

Музыкальное обучение – сложный, многогранный и творческий процесс, включающий в себя широкую воспитательную работу. Заметки известного советского физика Е. Фейнберга об этике: «...В перечислении... не было одного — того, что учено называется этикой, а попросту — совестью... Наука внутри себя не содержит этического критерия... Сейчас нет никакой опасности, что молодежь отвернется от науки. Есть, однако, опасность, что она гиперболизирует значение науки и отвернется от искусства или принизит его до роли украшателя жизни. Поэтому роль искусства и литературы сейчас особенно важна». [1] Существует еще одна важная проблема – это воспитание любви к народной музыке и понимания роли народного начала в искусстве. Об этом писал Л. Баренбойм: «...родной музыкальный фольклор, его различные пласты и, само собой разумеется, его разнообразное инструментальное и вокальное претворение, сделанное рукой стилистически чуткого и талантливого мастера». [2] Важной формой воспитательной работы является проведение музыкальных вечеров и концертов. Для полноценной воспитательной работы крайне необходимо посещение концертов, театров, музеев, экскурсии к памятникам культуры в исторические места.

Великий пианист Ф. Лист говорил, что Рафаэль и Микеланджело помогли ему понять Моцарта и Бетховена. Эстетическое воспитание неразрывно связано с развитием любви к хорошей, высокохудожественной музыке и умением отличить и воспитать

отрицательное отношение к плохим сочинениям. Задача педагога – пробудить длительный и глубокий интерес к музыке. Дети, занимающиеся интересным делом, преобразуются, проявляют инициативу и сосредоточенность. Но на пути к этой цели стоит одна очень важная и трудная задача – привитие любви к занятиям за инструментом. Трудиться надо напористо, страстно с крепкой волей, выдержкой и энергично. Талантливые ученики встречаются не так часто, и тут приходится сталкиваться с неожиданными проявлениями их индивидуальности, дети хотят попробовать и испытать все сами, проявляя при этом удивительное упорство. Педагогу важно поддержать эту пытливость ума и воспитать интерес к самостоятельной творческой работе и навыкам самоконтроля.

Музыкальная одаренность – это целый комплекс способностей: мышление художественными образами, творческая фантазия, музыкальная память, слух и ритм, исполнительская способность. Музыкальный слух включает в себя ряд компонентов – звуковысотный, ладовый, тембровый, динамический, также бывают абсолютный и относительный слух. Музыканту необходимо иметь хороший относительный слух, умение различать соотношение звуков по высоте, слышать звуки воображаемые и записанные, оперируя звуковыми представлениями, т.е. внутренний слух. Одна из важнейших задач музыканта связана с качеством звука, прикосновением к клавишам – звукоизвлечением, ритмом – выразительным элементом музыкальной речи, надо сказать, что это одна из самых сложных задач педагога, т.к. чувство ритма должно быть врожденным. Весьма важно слушать живой оркестр и играть в ансамбле – это развивает тембровый слух и обогащает звуковую палитру ученика. Музыкальная память понятие синтетическое и включает в себя слуховую, двигательную – моторику, логическую, т.е. понимание содержания произведения, зрительную и она поддается значительному развитию. У двигательного-активных детей главным образом запоминают пальцы, а слух и логика при этом не участвуют. Важно заострять внимание на проблеме рационального запоминания, при рабочих трех видах памяти – слуховой, логической, двигательной, опасность забыть на сцене не угрожает. В вопросах запоминания музыки всегда надо учитывать индивидуальность ученика. Исполнительские качества проявляются в способности заиграться на сцене, умением ярко раскрывать художественный замысел средством инструментально-исполнительского искусства. Творческие задатки развиваются пробой самим сочинять музыку, подбор к мелодии фортепианного сопровождения.

Заключение

Систематическая работа за инструментом и исполнительская деятельность – качество хорошего педагога, пополнять свой педагогический репертуар произведениями современных композиторов, расширять свой кругозор, быть открытым к новым методам преподавания, достижениям звукозаписывающих средств, использовать возможности Интернета.

1. Фейнберг Е. Обыкновенное и необыкновенное. — «Новый мир», 1965, № 8, с. 228, 229
2. Баренбойм Л. Путь к музицированию. – Л. – М., 1973, с. 16.

РАЗДЕЛ XV. АРХИТЕКТУРА

Дергунов С.А., Феоктистова К.Б.

Подходы к оптимизации пропускной способности улично-дорожной сети

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

(Россия, Оренбург)

doi: 10.18411/lj-10-2018-118

idsp: 000001:lj-10-2018-118

Аннотация

Показана необходимость повышения пропускной способности (ПС) улично-дорожной сети (УДС). Систематизированы подходы к повышению ПС УДС конструкционного и регулирующего характера. В качестве конструкционных решений рассмотрены – выделенные полосы, реверсивное движение, полосы разгона и др. В качестве регулирующих отмечены – ограничения скорости, «зеленая волна», цифровые технологии. Рассмотрены возможности оптимизации ПС УДС с помощью интеллектуальных систем.

Ключевые слова: пропускная способность, улично-дорожная сеть, оптимизация, цифровые технологии, интеллектуальные системы

Современная транспортная ситуация в крупных городах России характеризуется рядом проблем, связанных с недостаточной пропускной способностью (ПС) дорог. Изначальная планировка городской улично-дорожной сети (УДС) не предполагала стремительного повышения числа используемых личных транспортных средств, что, с ростом плотности потока, привело к формированию пробок, затрудненному движению общественного транспорта, специальных автомобилей и техники. Недостаточная ПС негативно сказывается на безопасности движения и экологической обстановке и приводит к снижению качества жизни населения в целом.

В этой связи актуальными являются исследования, направленные на регулирование ПС УДС в зависимости от интенсивности движения, плотности потока и др. факторов, а также при их изменении во времени. Целью данного исследования являлась систематизация подходов к повышению ПС УДС и возможностей ее оптимизации с применением цифровых технологий.

Набор подходов к повышению ПС УДС следует формировать на основе обобщения основных проблем ПС, к которым в сегодняшних условиях можно отнести: отсутствие изначально проектирования УДС и невозможность ее пропорционального развития в соответствии с динамикой прироста единиц автотранспорта и дорожной техники; недостаточно эффективное программирование светофоров; нехватку полос разгона; использование преимущественно не кольцевого, а перпендикулярного оформления перекрестков; изношенное дорожное покрытие; ненадлежащую парковку; длительность ожидания дорожных инспекторов в случае аварий; низкий уровень культуры водителей и т.д. [1].

Все перечисленные проблемы приводят к нарушению динамики движения, к возникновению пробок и заторов. В этой связи для повышения ПС УДС возможно использование ряда подходов, способствующих бесперебойности и безопасности движения, основные из которых систематизированы на рисунках 1 и 2.

Рисунок 1 – Конструктивные мероприятия по повышению ПС УДС (составлено автором на основе Копытовой Ю.В. [2]).

Рисунок 2 – Регулирующие мероприятия по повышению ПС УДС (составлено автором на основе Копытовой Ю.В. [2]).

Так, в настоящее время в составе УДС выделены полосы для общественного транспорта, что способствует повышению скорости и качества пассажирских перевозок и снижает необходимость в личном автотранспорте. С другой стороны, в условиях России, с низкой культурой вождения и пренебрежением правилами движения, происходит недопустимое заполнение выделенных полос личным автотранспортом и обнаруживается избыточное нахождение пассажирского транспорта на остальных полосах, что приводит к локальным заторам.

Аналогично, эффективный, например, в Вашингтоне, подход с использованием реверсивного движения (смена направлений движения в утренние и вечерние часы), зачастую приводит в российских мегаполисах к росту числа аварий вследствие недисциплинированности водителей. Также высокий потенциал повышения ПС УДС имеет выборочный запрет на парковку вдоль дорог, с организацией платных парковок, либо с ограничением времени парковки, что также требует контроля исполнения правил

парковки водителями с быстрым реагированием эвакуационных служб, для выработки у водителей норм надлежащего поведения.

Перспективной является организация перехватывающих парковок, для повышения эффективности которых, необходимо соблюдать принципы дешевизны, надежности, удобства временного содержания автотранспорта, в сочетании с доступностью дальнейших пассажирских маршрутов. Также очевидны преимущества организации одностороннего движения, при соблюдении правил всеми его участниками, однако, в данном случае требуется тщательная планировка подъездов к прилегающим территориям, во избежание нарушений со стороны жителей кварталов с затрудненным доступом.

Ряд эффективных мер, например – внедрение велосипедного транспорта, по примеру Японии, Китая, Европы, ограничен климатическими особенностями большинства российских регионов. Возможность законодательного стимулирования покупки малолитражек, электромобилей, по аналогии с зарубежными странами, имеет потенциал для средних городов России, однако, менталитет жителей столицы и основных мегаполисов не позволяет в полной мере произвести замену внедорожников на малогабаритные машины.

Положительный опыт Сеула и Лондона по введению квот (лицензий) на вождение личного транспорта, особенно в центральных районах, позволяет понизить число пробок. Также эффективно ограничение въезда транспорта – либо в конкретные районы, либо в определенные часы. Однако зачастую, меры, связанные с внедрением новшеств в порядок и правила движения, в российской действительности первоначально воспринимаются с сопротивлением со стороны водителей, что требует мероприятий по контролю и приведению движения к надлежащему порядку представителями дорожной инспекции.

Одним из перспективных направлений повышения ПС УДС является детерминация, регулирование и оптимизация движения транспорта с использованием различных датчиков, автоматизированных и цифровых технологий, интеллектуальных систем и пр. Например, для оценки перспектив конструктивных решений по изменению ПС УДС используется агент-ориентированная модель, позволяющая спрогнозировать последствия введения радиального/кольцевого движения, временного закрытия/ликвидации транспортного участка, введения платы за проезд по магистрали и пр. Действие модели основывается на статистических данных о движении с прогнозированием последствий изменений [1].

Для сбора статистических данных о ходе движения используются различные методы идентификации транспорта. Так, для получения достоверной информации о грузовых автомобилях используется электронная идентификация, позволяющая быстро получать информацию о транспорте и грузе и процессе доставке в режиме реального времени. Это позволяет спланировать пути перемещения грузового транспорта и разгрузить дороги центральных районов для личного и пассажирского движения, переведя режимы следования грузового транспорта на окружные/кольцевые дороги.

В целом для идентификации движущихся объектов и сбора данных об условиях их перемещения могут использоваться методы: акустико-магнитные - с записью данных на магнитные карты; радиочастотные - с размещением радиопередатчика и считывающего устройства; оптические – с использованием штрих-кодирования и буквенно-цифровых транспортных этикеток.

Регулирование и оптимизация ПС УДС основывается на входной информации, получаемой с различных устройств, регистрирующих динамику трассы и режимы передвижения транспорта. Для этой цели используют различные датчики (трассировщики) оценки пройденного машиной расстояния, которые крепятся на приводе (электромагнитные/датчики Холла) или колесах (постоянного тока/импульсные), в общем виде регистрирующие обороты вала или колеса. В современных системах сбора информации о ПС УДС с помощью датчиков, закрепляемых к транспорту, развивается дифференциальный принцип измерений, когда на передней или задней оси на левом и правом колесах устанавливаются два импульсных датчика, по усредненным данным которых оценивают расстояние, а по разности частот импульсов – направление пути.

Кроме датчиков, устанавливаемых на транспорте, для оптимизации ПС УДС эффективны датчики и записывающие устройства, размещаемые в полотне дороги (электромагнитные/индуктивные). Например, индуктивный датчик с высокой надежностью и низкой стоимостью, располагают в канавке дороги. Датчик имеет петлю, находящуюся под действием переменного тока, которая снижает индуктивность при движении по ней транспорта, шасси которого выступают проводником. В результате на плату сбора информации поступает импульс о числе и характере движения единиц транспорта, в частности: время проезда на определенном участке; интенсивность и объем потока за заданный временной промежуток; наличие заторов и очередей и их длины; средняя скорость и плотность потока, что позволяет регулировать время горения зеленого сигнала светофора [3].

Высоким потенциалом сбора данных о ПС УДС, для последующего принятия оптимизирующих решений, имеют автоматизированные средства регистрации, размещаемые над дорогой, такие как видеодетекторы или радары, а также магнитные/акустические/инфракрасные датчики. Радиолокаторы являются наиболее широко применяемыми в России, основаны на бесконтактном СВЧ зондировании дороги, и используются в автоматизированных системах регулирования движения и в системах адаптивного движения транспорта, а также для контроля интенсивности, въездов/выездов, происшествий на дорогах и пр. [3].

Оптимизация ПС УДС на основе показаний различных датчиков, автоматизированных и цифровых технологий может сочетаться с применением интеллектуальных систем, представляющих собой навигационные системы Глонасс/GPS, способствующие решению задач: координирования транспортных объектов; формирования координатно-временной среды; разработки навигационных систем; создания оперативных систем связи; формирования оперативного информационного пространства; создания пространственных моделей; радикального изменения работы транспортных служб; разработки процедур интеллектуального управления [4].

Возможно совмещение данных трассировщиков с интеллектуальными системами, например, для контроля перемещений автотранспорта разработана GPS-система «Маркер», имеющая в памяти картографические программы и регистрирующая координаты транспорта на флеш-карте, с которой в последующем, через кабель, данные отправляются в компьютер для принятия регулирующих мер. Наиболее перспективны не только регистрирующие, а именно управляющие телематические системы, которые могут вносить корректирующие воздействия в движение, снижать заторы и пробки и оптимизировать ПС УДС.

Таким образом, рассмотрены причины снижения ПС УДС и подходы к ее оптимизации. Систематизированы подходы, связанные с внедрением новых конструктивных решений, например, выделенных, реверсивных, дублирующих, односторонних полос или дорог, парковок, кольцевого движения и пр. Обобщены подходы, направленные на регулирование и оптимизацию ПС УДС с применением различных датчиков, автоматизированных систем и цифровых (интеллектуальных) технологий.

1. Макаров Л.В., Бахтизин А.Р. Автомобильные пробки Москвы. Анализ и пути решения // Бюджет. – 2011. - №2. – С. 16-20.
2. Копытова Ю.В. Методы повышения пропускной способности дорог // Молодой ученый. - 2018. - № 5(191).- С. 196 – 197.
3. Горев А.Э. Информационные технологии на транспорте. Электронная идентификация автотранспортных средств и транспортного оборудования. СПбГАСУ. – СПб., 2010. – 96 с.
4. Лобанов А. А. Применение глобальных навигационных спутниковых систем для поддержки интеллектуальных транспортных систем // Образовательные ресурсы и технологии. - 2014. - № 5(8). - С. 61-67.

Козырева Е.А.

Ближние усадьбы высшей знати, как феномен историко-градостроительной жизни Санкт-Петербурга, на примере дворцово-паркового ансамбля Сергиевки

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-119

idsp: 000001:lj-10-2018-119

Аннотация

В работе рассматриваются этапы строительства, реконструкции дворцово-паркового ансамбля Сергиевка, как одного из примеров ближних усадеб высшей знати. Проанализированы уникальные объекты, расположенные на территории ансамбля, и их современное состояние. Проблемы сохранения и приспособления для современного использования в настоящее время.

Ключевые слова: усадьбы высшей знати, Дворцово-парковый ансамбль Сергиевка, проблемы сохранения объекта.

В Санкт-Петербурге и вокруг Санкт-Петербурга до 1917г можно отметить наличие усадеб, которые по амбициозности и своему содержанию, могут в чем-то поспорить с Императорскими загородными дворцово-парковыми комплексами. В тоже время имеют характерные отличительные особенности, благодаря которым их можно обозначить как «ближние усадьбы высшей знати». А так же можно отличить как от Императорских дворцовых загородных комплексах, так и от помещичьих усадеб. [5, с. 17].

Эти усадьбы создавали великолепные миры вокруг столичного города и были амбициозными центрами притяжения, зачастую предрешая судьбу владельцев (Каменный остров – Бестужев-Рюмин).

Одним из примеров таких усадеб является дворцово-парковый ансамбль Сергиевки.

Парк усадьбы «Сергиевка» организован на месте естественного леса. На картах 1710-1720-х годов среди относительно густых россыпей частновладельческих наделов один из больших, никак не и обозначенных именем владельца, является «перегон» между владениями И. С. Потемкина к востоку от будущей Собственной дачи и Л. И. Румянцева на месте будущей Сергиевки. [1; 7, с. 291]

Пейзажная планировка парка сложилась не ранее последней четверти XVIII столетия, так же как и разветвленная гидросистема, привязанная к формам пейзажного парка.

По-видимому, одним из старейших сооружений усадьбы является так называемый Китайский павильон или Китайский домик (Круглый Графский, Строгановский) на восточном берегу Оранжерейного пруда. Каменное здание выделяется скругленными углами и высокой кровлей, далеко вынесенной за периметр стен здания и опирающейся на столбы. Не исключено, что сооружение его было произведено еще в XVIII веке, когда была распространена мода на «китайщину», но в последние строительные эпохи от этого стиля здание сохранило лишь характер кровли, слуховых окон да обходную галерею на деревянных столбах. [4, с. 287]

Источник «Голова» (или «Адамова голова»), являющийся достопримечательностью парка и находящийся на западном склоне Восточного оврага, был создан в 1801 году по проекту архитектора Ф. Броуэра по повелению императора Павла I.

В 1839 году Николай I подписывает указ о покупке дачи, 7 марта оформляется купчая крепость на имя великой княгини Марии Николаевны. Гидротехнические сооружения подновлялись по проектам архитектора Ф. Броуэра. Около 1840 года к

работам привлекается выдающийся садовый мастер П. И. Эрлер, с именем которого связаны многие важные работы в парках Петродворца. [4, с. 297]

Проектирование обновляемой резиденции было поручено архитектору А.И. Штакеншнейдеру. С начала 1839 года архитектор занимается проектом строительства Сергиевской усадьбы. [2, с. 170]

На протяжении 1839—1842 годов было создано ядро обновленного ансамбля Сергиевка. Штакеншнейдер отказался от планировки основного дворцового здания по одной оси или «покоем», как и вообще от тяжеловесных и нерасчлененных масс, от традиционной симметрии этих масс. Не снижая репрезентативного характера своих построек, зодчий значительное внимание уделил функциональной стороне, удобству обитания владельцев усадьбы. [7, с. 295]

Следующий этап строительства на территории Сергиевки ведется в 1843—1850 годах. В 1843 году в Сергиевке построен чугунный мост на каменных устоях. Мост был разрушен в период 1941—1944 годов. [3, с. 40]

В этот же период по проекту Штакеншнейдера были построены еще два сооружения — церковь Св. Александры (капелла) и Чайный домик. Руины небольшого прямоугольного одноэтажного здания церкви можно найти среди зарослей на южной границе обширного луга перед дворцом, с трехчастными окнами и остатками портала на западном фасаде. Главной отличительной особенностью Капеллы было то, что здесь впервые в России и в мире ансамбль скульптур был выполнен в технике гальваноластики: новой технологии, изобретателем которой являлся известный ученый академик Б. С. Якоби. [4, с. 298]

Многочисленные скульптуры украшали интерьеры усадебных зданий, стояли во многих уголках парка (по преимуществу — копии с «антиков»). В 1920-х годах все эти скульптуры были признаны «не имеющими художественной ценности», и к началу последующего десятилетия расхищены или сданы в утиль. «Капелла» использовалась в качестве склада для хлорной извести, а затем горючесмазочных материалов. В войну здание частично пострадало; в конце 1940-х годов с него сняли беломраморную облицовку для реставрации колоннад в Нижнем парке Петергофа.

Второе сооружение Штакеншнейдера этого периода — Чайный домик, который размещался примерно на западной границе Дворцового луга на полпути между дворцом и Капеллой. В начале 1920-х годов оно представляло собой руины. [7, с. 297]

На сегодняшний день сохранились основные элементы архитектурного ансамбля, каковым он был на момент расцвета. Полностью сохранилось основное ядро, включающее дворец и флигели для прислуги хозяйственных построек. Реставрация сохранила общее художественно-стилистическое решение дворца. Сохранилась планировка парка и часть парковых построек. Водная система реки, прудов и ручьев с мостами и плотинами, по-прежнему, формирует парковую среду.

В Сергиевке можно отметить наличие уникальных объектов: оранжереи, ферма, церковь, различные павильоны, скульптуры, разветвленная гидросистема, плотины, мосты, фонтаны, грот, купальня, кухонный и гофмейстерский корпуса. Именно эти объекты дают нам возможность отнести Сергиевку не к дворянским или помещичьим усадьбам, а выделить в отдельный тип.

К сожалению, утрачены церковь, фонтан, некоторые павильоны. Почти без утрат дошел до сегодняшнего дня комплекс зданий: Гофмейстерский (или Кавалерского) корпус и хозяйственные постройки рядом с дворцом. Церковь Св. Александры (капелла) в руинированном состоянии. Чайный домик полностью утрачен. Китайский павильон или Китайский домик (Круглый Графский, Строгановский) на восточном берегу Оранжерейного пруда в удовлетворительном состоянии. Скульптура «Голова» (или «Адамова голова») утратила шлем и все глубже уходит в землю.

Таких усадеб, как Дворцово-паркового ансамбля Сергиевки, в разное время было не более 50, некоторые из них частично сохранились и дошли до наших дней (усадьба

Дашковой Е.Р. «Кирияново» на проспекте Стачек, усадьба Аничкова на набережной реки Фонтанки), некоторые остались в истории и воспоминаниях современников тех лет («Пелла» в поселке Оредеж, усадьба Буксгевдена – ныне Полежаевский парк), некоторые были выкуплены в казну, и мы их знаем, как императорские резиденции (Елагин остров, Таврический дворец). В настоящее время требуется сохранение и приспособление этого исторически сложившегося феномена «ближних усадеб высшей знати» не только как градостроительных объектов, но и как фундаментальных следов развития культуры и дореволюционной жизни города. Столичный Санкт-Петербург не мог оставаться только в границах императорских резиденций, не мог существовать без этого великолепного ожерелья пригородных усадеб высшей знати.

1. Карта окрестностей С.-Петербурга (до Ораниенбаума). 1710-е гг. (ЦГАБМФ РФ, ф. 3/Л, оп. 25, д. 1974. Топографическая карта С.-Петербурга и его окрестностей).
2. Новиков Ю.В. Собственная дача и Сергиевка в Старом Петергофе // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 4. — СПб.: «Белое и Черное», 1997. — С. 132-177.
3. Якоби Б. С. Об ученых трудах Его Императорского Высочества покойного герцога Максимилиана Лейхтенбергского // Ученые записки Императорской Академии наук. СПб., 1845, т. II, вып. 1, с. 37—41.
4. Пыляев, М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга / М. И. Пыляев. — Л. : Лениздат, 1996. — 670 с.
5. Семенцов, С. В. Развитие регулярной Санкт-Петербургской агломерации после Петра Великого и проблемы ее сохранения как Объекта Всемирного наследия / С. В. Семенцов. // Вестник гражданских инженеров. — 2014. — 4. — С. 16-24.
6. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // «Парламентская газета», №120-121, 29.06.2002
7. С.Б. Горбатенко. Петергофская дорога : историко-архитектурный путеводитель / С. Б. Горбатенко. — Санкт-Петербург : Европейский дом, 2002. — 448 с.

Козырева Е.А., Блинова А.

Ближние усадьбы высшей знати, как феномен историко-градостроительной жизни Санкт-Петербурга, на примере усадьбы Шереметьева на Фонтанке

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-120

idsp: 000001:lj-10-2018-120

Аннотация

В работе рассматриваются этапы строительства, реконструкции усадьбы Шереметьева, как одного из примеров ближних усадеб высшей знати. Проанализированы уникальные объекты, расположенные на территории ансамбля, и их современное состояние. Проблемы сохранения и приспособления для современного использования в настоящее время.

Ключевые слова: усадьбы высшей знати, усадьба Шереметьева на Фонтанке, проблемы сохранения объекта.

В Санкт-Петербурге и вокруг него до 1917г можно отметить наличие усадеб, которые по своему содержанию и амбициозности, могут в чем-то поспорить с Императорскими загородными дворцово-парковыми комплексами. Но в тоже время имеют характерные отличительные особенности, по которым их можно отделить как от Императорских дворцовых загородных комплексах, так и от помещичьих усадеб. Такой особый тип объектов можно обозначить как «ближние усадьбы высшей знати». Усадьбы (точнее - дворцово-парковые комплексы) высшей знати традиционно развивались как особый тип объектов на прилегающей к столичному городу

территории. В настоящее время многие из них находятся в границах современной городской черты [8, с. 17].

Эти усадьбы создавали великолепные миры вокруг столичного города и были амбициозными центрами притяжения, зачастую предрешая судьбу владельцев (Каменный остров – Бестужев-Рюмин).

Одним из примеров таких усадеб является резиденция Шереметьевых на Фонтанке.

27 июля 1712г. Петр I пожаловал фельдмаршалу графу В.П. Шереметьеву участок земли по реке Ерику «мерой поперечнику 75, а в длину 50 саженей. На отведенном месте владельцу надлежало построить «хоромное дворовое строение». Вскоре на участке были возведены небольших размеров каменные и деревянные постройки, разбит огород. В центре находился окруженный садом двухэтажные мазанковый дом с высокой кровлей. По сторонам от главного дома на укрепленной деревянной подпорной стенкой набережной были расположены бревенчатые одноэтажные флигели на полуподвалах, соединенные между собой балюстрадой. Между набережной и берегом реки оставался и «ими заливной луг.

1741 г. На территории усадьбы зафиксированы следующие строения: «На Московской стороне оных Шереметевых каменного строения также нет. Построено два малые флигеля, а главное строение и прочие жилые покои деревянные».

Середина 1740-х гг. Первоначальный проект, составленный, согласно имеющимся более поздним архивным документам, архитектором Ф.-Б. Растрелли: «Фасад летнего дворца Шереметьевых в Петербурге» и «План дворца Шереметьевых», выполнен не позднее 1746года[4, с. 120].

1746 - 1750 г. Велось строительство дворца по проекту и «под смотрением» архитектора С.И. Чевакинского. 1795 - 1796 гг по проектам И.Е. Старова в центральной части дворца старая барочная отделка заменена на новую, выполненную в классицистическом стиле[6, с. 405].

1807-1809 гг. По проекту архитектора А.Н. Воронихина произведен очередной капитальный ремонт здания с частичной заменой печей и отделки интерьеров, расположенных в центральной и восточной частях здания.

1837-1857 гг. По проектам архитектора И.Д. Корсини поэтапно изменена отделка всех дворцовых интерьеров. Им же перестроены парадные подъезды со стороны Фонтанки и сада[6, с. 236]. 1879 г. по проекту архитектора А.К. Серебрякова возведена пристройка, соединившая северный флигель дворца с кухонным флигелем, с переходом и уровне второго этажа[7, с. 183].

28 января 1918 к Граф П.С Шереметев передал ключи от дворца уполномоченному Отвела охраны памятников искусства и старимы, а 1 июня того же года Декретом СНК дворец был объявлен национальной собственностью и прекращен в Музей дворянского быта.

В 1931 году музей был ликвидирован, часть его экспонатов передали в Государственный Эрмитаж, Государственный Русский Музей, другая часть разошлась по другим музеям страны. Тогда же были разрознены богатейшие архив и библиотека Шереметевых.

1931 -начало 1940-х гг. во дворце размещался находившийся в ведении Управления культурно-просветительных предприятия Ленсовета «Дом занимательной науки». В этот период отделка интерьеров понесла существенные утраты. Значительно меньше пострадали фасады и историческая планировка помещений[4, с. 132]. 1945 - 1988 г. Дворец занимал Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт. Многие парадные интерьеры были разгорожены на отдельные кабинеты. В 1989-2005 гг. Дворец передан Музею театрального и музыкального искусства.

Дворец расположен на обширном /ранее сквозном/ участке в северной части квартала между Фонтанкой и Литейным проспектом. Здание возведено со значительным отступом от красной линии набережной восточного берега Фонтанки,

оформленным как курдонёр. Дворец состоит из трех основных объемов: главного (центрального) корпуса и смещенных к востоку боковых: южного /Церковного/ и северного. Главный, западный, фасад обращен в курдонёр, отделенный от набережной оградой; дворовый, восточный - к саду ранее простиравшемуся до Литейного проспекта. К внешним сторонам боковых корпусов примыкают другие постройки комплекса: Южный дворовый и Галерейный флигели - с юга и Кухонный флигель - с севера.

Дворец Шереметевых является не только памятником архитектуры, но и истории. С ним связаны имена и судьбы многих выдающихся деятелей отечественной культуры. С конца XIX века в его стенах помещалось Общество любителей древнерусской письменности, членами которого были многие известные историки, филологи и философы. Он также памятник старинного рода графов Шереметевых - знатной русской фамилии, достойной уважения потомков.

Яркий пример дворца - ядра усадебного комплекса, ранее мыслившегося как загородный, а позднее включенного в структуру центральной части С.-Петербурга. Сохранившаяся объёмно-пространственная композиция здания и оформление фасадов - известнейший образец стиля барокко середины XVIII в.; ценная отделка интерьеров - в характере эклектики. Архитектурный акцент в панораме набережной Фонтанки на участке между улицей Белинского и Невским проспектом. Со зданием связаны имена и судьбы многих выдающихся деятелей отечественной культуры, среди которых наиболее известны крепостная актриса П.И. Жемчугова, художник О.А. Кипренский, композитор Г.Я. Ломакин, искусствовед Н.Н. Пунин, поэт Л.Л. Ахматова.

В настоящее время во дворце Шереметевых располагаются музей музыки и музей Анны Ахматовой. Современная функция, выбранная для этого объекта, положительно сказывается на состоянии усадьбы. Частично сохранены исторические интерьеры, в некоторых залах представлены предметы из коллекции Шереметевых, произведения живописи и декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX вв. Музейная функция позволяет поддерживать усадьбу и экспозиции в надлежащем состоянии, что гарантирует ее сохранность и в дальнейшем. В то же время, любой желающий может посетить усадьбу.

На основе анализа можно сделать вывод, что в разное время было не более 50 усадеб таких как усадьба Шереметевых. Некоторые из них частично сохранились (утрачена часть территории, утрачены строения) и дошли до наших дней, некоторые остались в истории и воспоминаниях современников тех лет (утрачены полностью). Приспособление дворца Шереметевых является удачным примером выбора функции. Но многие усадьбы находятся не в столь хорошем состоянии.

В наше время вопрос сохранение усадеб строит остро, так как некоторые усадьбы находятся в руинированном состоянии например дворцово-парковый комплекс в Ропше. Мы можем утратить этот исторически сложившейся феномен «ближних усадеб высшей знати». Эти усадьбы отражают не только особенность градостроительных объектов, но и фундаментальные следы развития культуры и дореволюционной жизни города. Столичный Санкт-Петербург не мог создаваться только императорскими резиденциями, не мог существовать без этого великолепного ожерелья пригородных усадеб высшей знати.

1. Антонов, В. В. Святыни Санкт-Петербурга / В. В. Антонов, А. В. Кобак. – СПб. : Издательство Чернышева, 1996. – 490 с.
2. Богуславский, М. М. Международная охрана культурных ценностей / М. М. Богуславский. – М. : Международные отношения, 1979. – 192 с.
3. Канн, П. Я. Прогулки по Петербургу / П. Я. Канн. – СПб. : Палитра, 1994. – 320 с.
4. Матвеев, Б. М. Фонтанный дом / Б. М. Матвеев, А. В. Краско. – СПб. : Белое и Черное, 1996. – 164 с.

5. Пунин, А. Л. Архитектура Петербурга середины и второй пол. XIX века. Том 2. Петербург 1860-1890-х годов в контексте градостроительства пореформенной России / А. Л. Пунин. – СПб. : Крига, 2014. – 600 с.
6. Пыляев, М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / М. И. Пыляев. – М. : Директ-Медиа, 2007. – 817 с.
7. Генрих, фонРеймерс. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия / фонРеймерс. Генрих. – СПб. : Росток, 2007. – 534 с.
8. Семенцов, С. В. Развитие регулярной Санкт-Петербургской агломерации после Петра Великого и проблемы ее сохранения как Объекта Всемирного наследия / С. В. Семенцов. // Вестник гражданских инженеров. – 2014. – 4. – С. 16-24.
9. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // «Парламентская газета», №120-121, 29.06.2002

Коровина Е.В.

Джованни Батиста Пиранези. Бумажная архитектура

*Воронежский Государственный Технический Университет
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-121

idsp: 000001:lj-10-2018-121

Аннотация

В статье рассматривается творчество итальянского архитектора Джованни Батиста Пиранези, в частности его архитектурные фантазии.

Ключевые слова: архитектура, бумажная архитектура, Пиранези, архитектурная фантазия.

Итальянский архитектор Джованни Батиста Пиранези родился 4 октября 1720 года в городе Мольяно-Венето в семье каменотёса. В 1740 отправился изучать архитектуру в Рим – город, которому Пиранези посвятил большую часть своего творчества. Большая часть архитектуры Пиранези живёт на бумаге – в гравюрах, графике и четрежах; за всю свою жизнь архитектору удалось построить только одно здание. Он занимался археологией, изучал историю Рима, создавал гравюры, в которых фантазировал о прошлом Вечного Города. Архитектора завораживали руины, давали ему свободу воображения, в своих работах он создавал город мечты, недостижимый и поражающий своей красотой идеал. «В классическом мире его [Пиранези] не столько привлекало величие созидания, сколько величие разрушения. Его воображение было поражено не так делами рук человеческих, как прикосновением к ним руки времени. В зрелище Рима он видел только трагическую сторону вещей, и поэтому его Рим вышел даже более грандиозным, чем он был когда-либо в действительности.», пишет П.Муратов. Все рисунки Пиранези – это в большей степени размышления о былом величии Рима, нежели достоверные факты истории.

Пиранези превращает реальность в «особый грандиозный и таинственный мир», используя для этого жанр архитектурной фантазии, который наиболее ярко проявился в его серии гравюр «Тюрьмы». Во времена Пиранези тюрьмы не были такими, какими он их изображал: задачей архитектора было создать ощущение глубокого ужаса, безысходности, темноты и запутанности пространства, используя для этого сложные композиционные схемы, обратную перспективу, массивность архитектурных форм и конструкций. Пиранези пытался передать через форму нечто нематериальное: движение, эмоцию, тяжесть.

Часть обширной величественной гавани. 1749-1750 г.

К «Архитектурным фантазиям» в творчестве Джованни Баттиста Пиранези также относятся гравюры жанра «Каприччо». Этот цикл отличается от «Тюрм», здесь используются иные методы и принципы художественной выразительности. В венецианской живописи времен Пиранези существует два вида пейзажных ведут: основанную на фантазии, и реалистическую. Джованни Баттиста Пиранези использовал первый метод, однако вопреки традиционному в то время способу создавать архитектурные кулисы из известных и существующих объектов, элементов зданий, общих принципов, Пиранези создавал свою, новую архитектуру.

Серия Тюрмы, лист XIV, второе состояние. 1760 г.

Джованни Батиста Пиранези – один из первых архитекторов, посвятивший свой творческий путь жанру архитектурной фантазии. Его удивительными образами пользовались авангардисты, сюрреалисты и экспрессионисты, а его стиль и образ мышления оказал влияние на многих советских «бумажников» 80-х годов.

1. Дворцы, руины и темницы: Джованни Баттиста Пиранези и итальянские архитектурные фантазии XVIII века /сост.: А. В. Ипполитов, М. Ф. Коршунова, В. М. Успенский. – СПб.: «Государственный Эрмитаж», 2011. - 399 с.
2. Арган Дж.К. История итальянского искусства. Т.П. – М.: «Радуга», 1990. - 239 с.
3. Павсаний. VI 20.17 // Описание Эллады. В 2т. Т.1 / Пер. с древнегреческого С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. — ООО Изд-во АСТ: Ладомир, 2002. — С. 492. — ISBN 5-86218-274-8.
4. Джованни Батиста Пиранези гравюры [Электронный ресурс] <http://art-assorty.ru/8992-giovanni-battista-piranesi.html>

Михайлов А.В.

Особенности определения предметов охраны для объектов типа «дорожно-транспортной инфраструктуры»

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-122

idsp: 000001:lj-10-2018-122

Аннотация

В работе рассматриваются проблемы связанные с определением предмета охраны в соответствии с действующим законодательством по охране объектов культурного наследия для объектов типа «дорожно-транспортной инфраструктуры». К объектам дорожно-транспортной инфраструктуры можно отнести такие объекты культурного наследия как вокзалы, станции метро и связанные с ними объекты. Особенности определения предметов охраны для объектов типа «дорожно-транспортной инфраструктуры».

Ключевые слова: объекты культурного наследия, предметы охраны объекта культурного наследия, вокзал, станция метро.

Понятие "предмет охраны" является ключевым при определении границ допустимого вмешательства при ремонте и приспособлении памятника к современному использованию. В обоих случаях работы на памятнике допускаются "без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны". Тем же условием определяется и право пользования памятником для юридических и физических лиц. Содержанием предмета охраны определяются те обязанности, которые государство налагает на арендатора или собственника. Таким образом, именно состав и содержание предметов охраны в каждом конкретном случае служит гарантией сохранения памятника. [1, с. 14]

"Предмет охраны" – понятие достаточно новое для нашего законодательства, оно только начинает реально, массово применяться. [2, с. 11] Чтобы полностью сформировать предмет охраны объекта недвижимости необходимо выявить основные его качественные характеристики. Для этого необходимо рассмотреть объект с точки зрения архитектуры, градостроительства, истории, археологии, эстетики, искусства, науки и техники, этнологии или антропологии и социальной культуры. [5, с. 17]

Целью определения предмета охраны является сохранение особенностей объекта культурного наследия, дошедших до нашего времени либо от первоначального замысла архитектора, либо как результат определенного исторического этапа его существования.

В конечном итоге, предмет охраны – еще одна степень защиты объекта культурного наследия.

Не смотря на наличие до сих пор множества дискуссий о вреде или пользе расчленения объекта на составляющий его предмет охраны, я, руководствуясь нормами действующего законодательства об охране объектов культурного наследия, а также своими наработками по подготовке методики определения предмета охраны для объектов культурного наследия предпринял попытку укрупненной систематизации предметов охраны, акцентировав внимание на наиболее проблемных аспектах градостроительных и нематериальных характеристик, в том числе: 1. Нематериальное значение предмета охраны; 2. Нематериальные атрибуты предмета охраны; 3. Способы или методы сохранения нематериальных атрибутов.

Одним из наиболее сложных в определении является предмет охраны объектов дорожно-транспортной инфраструктуры – вокзалы, дороги, магистрали и связанные с ними объекты.

Анализируя существующие предметы охраны объектов дорожно-транспортной инфраструктуры можно сделать вывод, что для данного типа объектов устанавливаются только следующие типы предметов охраны: Архитектурно-художественное решение (для зданий и строений), Конструктивная система, объемно-планировочные, пространственно-планировочные, в некоторых присутствуют Декоративно-прикладные элементы (для зданий и строений).

Рассмотрим некоторые из таких объектов культурного наследия.

Здание поворотного депо (круглое). Депо Николаевской железной дороги Санкт-Петербург, Центральный район, Обводного кан. наб., 43.

Здание круглого поворотного депо расположено в глубине территории железнодорожных служб Московского вокзала. Здание круглое в плане с радиальными секциями - «стойлами» для ремонта паровозов с круглым двором, для поворотного круга. Помещения перекрыты сводами. Изначально круглый двор был перекрыт куполом. Здание кирпичное, оштукатурено. Имеет ступенчатую форму. Наружные фасады решены в виде граней с крупными сдвоенными окнами с арочным завершением, оформленным архивольтом с замком. Грани разделены рустованными вставками, прорезанными узкими арочными окнами и завершенными треугольными фронтонами. Фасад объединен двумя профилированными карнизами: над гранями нижней ступени и над повышенной частью. Фасад внутреннего двора прорезан высокими арками (застеклены стеклоблоками). [6, с. 133]

Здание построено в 1847 г. по проекту арх. Р.А.Желязевича одновременно со зданием Николаевского вокзала. В настоящее время помещения депо используются под ремонтно-производственные цеха железной дороги. [7, с. 135]

Градостроительная ценность. Центральный элемент комплекса. Архитектурная ценность. Яркий образец утилитарного железнодорожного здания, выполненного в классицистических формах. Внутренние помещения перестроены. Предметы охраны: объемно-пространственное решение здания, конфигурация крыши, внутренние конструкции- своды, капитальные стены, архитектурное решение и декоративное оформление фасадов, характер фасадной поверхности (штукатурка), планировочное решение (радиальные секции).

Комплекс построек Балтийского вокзала Санкт-Петербург, Адмиралтейский район, наб. Обводного канала, 120. Территория комплекса бывшего Петергофского вокзала занимает вытянутый значительный участок к югу от Обводного канала вдоль Митрофаньевского шоссе и соседствует с комплексом железнодорожных мастерских (ныне завод) и постройками Варшавского вокзала.

История первоначальной застройки участка неизвестна. Комплекс сложился к 1870-м гг. Состав комплекса: Здание вокзала – 1855-1858гг. – наб. Обводного канала, 120; Здание товарной станции – 1870-е гг. – наб. Обводного канала, 120.

Кроме того, на территории комплекса находятся два небольших флигеля в Гатчинском дворе и большое веерное депо XIX века. Комплекс, обладающий чертами ансамбля, обращенный к Обводному каналу и формирующий привокзальную площадь. Композиционно к комплексу тяготеет пристроенная в 1955 г. к зданию вокзала станция метрополитена “Балтийская”.

Здание вокзала (Комплекс построек Балтийского вокзала)

1–2-этажное на подвале кирпичное оштукатуренное здание сложной конфигурации с цоколем из известняковых плит, расположенное на обособленном участке.

В 1855–1858 гг. арх. А.И.Кракау построил монументальное здание Петергофского вокзала с центральным (перронным) залом и двумя вестибюлями в боковых ризалитах. Лицевой фасад в 15 осей, имеющий симметричную композицию, поддержанную боковыми башнями и центральным полуфронтоном с большим витражом, решен в духе ранней эклектики с элементами неоренессанса. [6, с. 184]

Предметы охраны: Объемно-пространственное решение, конфигурация крыши, капитальные стены, архитектурное решение и декоративное оформление фасадов, характер фасадной поверхности (штукатурка), комплексная отделка интерьеров

Здание товарной станции (Комплекс построек Балтийского вокзала). 2-этажный кирпичный оштукатуренный дом на цоколе из известняковых плит, расположенный на рядовом участке.

История первоначальной застройки участка неизвестна. В 1855–1858 гг. арх. А.И.Кракау построил монументальное здание Петергофского вокзала. В 1870-е гг. арх. Д.В.Знобишин возвел корпус 2, вероятно, позднее соединенный со зданием вокзала каменной оградой, включающей в себя два одноэтажных объема и ворота. [7, с. 128]

Лицевой фасад в 7 осей, имеющий симметричную композицию с центральной частью, выделенной рустованными лопатками, решен в духе эклектики.

Предметы охраны: Объемно-пространственное решение, конфигурация крыши, капитальные стены, архитектурное решение и декоративное оформление фасадов, в том числе, гранитные подоконники первого этажа, характер фасадной поверхности (штукатурка).

Станция метро “Балтийская” (наземный павильон, перронный зал). 2-3-этажный кирпичный оштукатуренный дом на гранитном цоколе, расположенный на угловом участке. В начале XXв.на участке находилось деревянное здание служб Петергофского (Балтийского) вокзала. В 1955г. арх. М.К.Бенуа, А.И.Кубасов и Ф.Ф.Олейник построили существующее здание станции метрополитена.

Лицевой фасад в 7 осей, имеющий симметричную композицию, подчеркнутую центральным ризалитом и 6-колонным портиком, боковой фасад в 7 осей с двумя двухколонными лоджиями и трехпролетный со сводами перронный зал решены в стиле советского неоклассицизма 1950-х гг. (фото).

Предметы охраны: габариты здания, его капитальные конструкции; композиция и архитектурный декор всех фасадов, в том числе, лепной декор – арматура и медальоны с портретами, металлические решетки окон, флагодержатели, комплексная отделка интерьеров верхнего и перронного залов, в частности, кессонированный свод. Яркий образец монументального здания, активно участвующего в формировании площади. Примыкает к зданию Балтийского вокзала, составляя с его лицевым фасадом единую композицию.

При установлении предметов охраны необходимо учитывать как нематериальную составляющую данного типа объектов, но так же и влияние оказываемое данным объектом на окружающую его среду.

1. ТОО "Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга". Методические указания по проведению градостроительной, историко-культурной и технико-экономической экспертизы недвижимых объектов, состоящих под государственной охраной, в порядке подготовки их к приватизации. СПб. 1997.
2. Славина Т. А. Предмет охраны. К вопросу об охране и использовании природно-культурного наследия. // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 4, - СПб: Белое и чёрное. 1997. С. 10-23.
3. Гришин С.Ф. // Недвижимость: экономика, управление. №6 / 2003г.
4. Закон «Об охране объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 №73-ФЗ.
5. Семенцов С. В. Развитие регулярной Санкт-Петербургской агломерации после Петра Великого и проблемы ее сохранения как Объекта Всемирного наследия // Вестник гражданских инженеров. №4 (45).СПб., 2014. С. 16–24.
6. Архитектура Петербурга середины XIX века / А. Л. Пунин. - Л. : Лениздат, 1990. - 349,[2] с.
7. Зодчие Санкт-Петербурга XVIII - XX веков [Электронный ресурс] / Валерий Исаченко. - Москва : ЛитРес [поставщик], 2010. - 320 с.

Широких Н.А., Кольстет О.А.
Формирование единого водно-зеленого каркаса города
на примере набережных территорий

*Донской Государственный Технический Университет
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-123

idsp: 000001:lj-10-2018-123

В вопросах современного градостроительства важная роль отводится ансамблю в целом, а не отдельным зданиям в частности. Это касается и композиционных решений городских набережных. Так, разбивая достаточно протяженную береговую линию, для предания разнообразия каждому отдельному участку, необходимо помнить об общей картине архитектурно-пространственного решения всей набережной.

Вид городов, размещенных вдоль берегов крупных рек, морей или водохранилищ, во многом зависит от привлекательности набережных. Набережные-бульвары создают благоприятные условия для жителей, а их зеленые коридоры, взаимодействуя с водой, обеспечивают проветривание городской застройки.

Важным фактором, влияющим на строение городского ландшафта, является конфигурация и величина прилегающей акватории.

При формировании набережных необходимо учитывать их расположение в градостроительной структуре города, влияние «граничных пространств» (boundary spaces), а также состав участников движения по данным территориям. «Граничными пространствами» на всех участках набережных являются природная доминанта (река, залив, море), промышленные территории, офисная и жилая застройка, транспортная инфраструктура [2].

К распространенным водоемам в городах относят реки. Для защиты прибрежных территорий от разрушений, вызываемых оползнями и течением, проводят работы по укреплению береговых линий, устанавливают гидросооружения, которые влияют на состояние русла реки. Наиболее ответственным компонентом являются гидротехнические сооружения у воды и прежде всего гидротехнические подпорные стенки. Они в значительной степени определяют фасад набережной с реки. При этом профиль таких стенок может быть: откосным, полукотосным, вертикальным. Эстетические

характеристики их не равноценны. Так, большие бетонные поверхности откосов отнюдь не украшают город. Строительство набережных ведется с учетом дальнейшего использования окружающих территорий, а планировка набережной должна визуальнo увязываться с архитектурно-планировочным решением окружающей городской застройки.

Комплексный подход в моделировании и структурном преобразовании прибрежных территорий основывается на системе принципов и методов организации городских береговых линий. В числе основных принципов формирования прибрежных зон предлагаются:

- принцип гуманизации пространственной среды;
- принцип паритетности искусственных и природных компонентов;
- принцип биопозитивности [1];
- создание единого водно-зеленого каркаса (градоэкологического каркаса города);
- архитектурно-планировочное решение «выхода города к воде» [2];
- принцип эстетической гармонизации;
- принцип экологической устойчивости;
- принцип инвестиционной привлекательности [1];
- создание инновационного ультрасовременного изображения (innovative ultramodern city image) [3].

Под процессом гуманизации пространственной среды, понимается ее совершенствование в целях достижения физического, психологического и духовного комфорта человека в искусственном и природном окружении. Все это определяет необходимость пересмотра существующих подходов к архитектурно-ландшафтной организации прибрежных территорий города.

Создание обустроенных мест пребывания людей в береговой полосе (площадки отдыха, сезонные центры обслуживания, детские игровые пространства) могло бы способствовать оживлению ландшафта формируемых набережных, реализуя их уникальный природный ресурс. Качественным примером архитектурно-ландшафтной организации городской береговой линии являются прибрежные территории острова Лонг-Айленд в Нью-Йорке.

Рис 1 Прибрежная территория острова Лонг-Айленд в Нью-Йорке

Самым мощным средством создания комфортного окружения является ландшафтное благоустройство. Развитие культуры эффективного и в тоже время малозатратного озеленения прибрежных территорий чрезвычайно важно для российских

городов. Формы растительности применимы для решения таких задач, как: структурирование линейных прибрежных систем, создание визуальных разделительных барьеров, акцентирование парадных зон, масштабирование среды в зависимости от характера использования пространства. Переход к последовательному замещению старой растительности новыми посадками становится одним из вариантов реструктуризации прибрежных территорий, ориентированным на эффективное построение преобразуемого природного каркаса. Уместно создание многоярусного каркаса из растительности (деревья, кустарники, почвопокровные растения) на береговых и прилегающих территориях.

Для восприятия архитектурной среды как продолжения природной необходимо применение натуральных материалов, таких как природный камень и дерево. Это относится, в первую очередь, к отделке поверхностей откосов и бERM набережных, берегоукрепительных сооружений, находящихся в близком визуальном и тактильном контакте с человеком. Особенно большими гуманизирующими возможностями обладает древесина [4]. Показательна практика формирования прибрежных территорий в городах Европы, где натуральные материалы используются повсеместно и масштабно (Анхор Парк, Мальме, Швеция; Порт Тель-Авив, Израиль; Площадь Гранд Канал, Дублин, Ирландия).

Рис 2 Элемент малых архитектурных форм. Анхор Парк, Мальме, Швеция

Рис 3 Площадь Гранд Канал, Дублин, Ирландия

Гуманизация прибрежных пространств также связана с «концепцией устойчивого развития» (sustainable development) городов, набирающей популярность в связи с признаками надвигающегося кризиса во взаимоотношениях человека с окружающей

средой. При включении элементов природы в урбанизированный ландшафт и при его визуальном и функциональном преобразовании для повышения уровня комфорта не следует ограничиваться внешним упорядочиванием и украшением [5].

Применение средств интеграции архитектуры и ландшафтного искусства (в структуре прибрежных пространств) основано на экологическом и семиотическом подходе. Существует несколько принципов по их интеграции. Принцип паритетности искусственных и природных компонентов служит целям обеспечения экологически сбалансированного и идентичного визуального поля с оптимальным соотношением между архитектурными и природными компонентами (Театр-площадь как связующее звено между городом и морем, Национальный оперный театр, Осло, Норвегия).

Рис 4 Национальный оперный театр, Осло, Норвегия

Принцип биопозитивности предполагает максимальное включение природных компонентов в структуру реконструируемых и вновь проектируемых береговых пространств и бережное отношение к существующим природным ресурсам. Принцип биопозитивности составляет основание для повышения роли природного каркаса в наполнении прибрежных пространств и заключается в преимущественном выборе компонентов природы для целей экореконструкции и создания новых городских набережных [1].

Принцип эстетической гармонизации ориентирован на совершенствование воспринимаемых человеком визуальных качеств прибрежной среды в целях достижения композиционного единства зданий, системы зеленых насаждений, средств визуальной ориентации, малых форм и т.д. Использование именно этого принципа позволяет обеспечить историческую преемственность и сохранение «духа места». К примеру, эти понятия легли в основу проекта прибрежного парка в Мальме (Dania Park, Мальме, Швеция).

Принцип инвестиционной привлекательности заключается в максимально эффективном и рациональном использовании прибрежных ресурсов, предполагая привлечение инвестиций для изменения качеств прилегающих территорий до уровня, обеспечивающего их окупаемость. Уточнение правовых аспектов, составляющих основу для привлечения инвестиций различного уровня, может обеспечить появление дополнительных ресурсов для целенаправленного и экономически оправданного развития городских береговых линий [1].

Рис 5 Dania Park, Мальме, Швеция

Принцип экологической устойчивости направлен на создание «условий для устойчивого развития города, для высокого экологически обоснованного качества прибрежных территорий, для восстановления (реставрации) водного фасада города и поддержания экологического равновесия». Сокращение потенциальных источников экологической напряжённости (промышленные предприятия и транспорт) в структуре береговой линии – приоритетное градостроительное направление. Снижение техногенного воздействия на природу и человека непосредственно связано с улучшением экологического качества береговых линий. Современный город не может считаться гуманным, если при его совершенствовании не принимаются все меры по уменьшению отрицательного влияния на биосферу.

Градостроительное развитие прибрежных зон неразрывно связано с экологической безопасностью города. Качество функциональной организации прибрежных территорий крупных городов не в полной мере отвечает основным современным требованиям: экологической безопасности, комфортности, эстетической привлекательности в условиях контакта урбанизированной среды с природным ландшафтом. В связи с увеличением роста городов особое внимание должно уделяться природным комплексам прибрежных зон, так как их сокращение под натиском урбанизации приводит к необходимости создавать перечень методик, рекомендаций для сохранения природной среды на градостроительном уровне. Таким образом формирование единого водно-зеленого каркаса города как основного планировочного средства обеспечения экологического равновесия городской среды предполагает сохранение и создание значительных природных территорий в структуре береговых линий, выполняющих рекреационные, природоохранные, а также функции оздоровления.

1. Хасиева С.А. Архитектура городской среды. Стройиздат. Москва. 2001г.
2. Литвинов Д.В. Восстановление и сохранение прибрежных пространств //Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: материалы 70-й юбилейной Всероссийской научно-технической конференции-по итогам НИР / СГАСУ. Самара, 2013 С. 441–442
3. Литвинов Д.В. Принципы зонирования прибрежных территорий в зависимости от планировочной структуры города // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. №3 2011г.
4. Красильникова Л.Г. Инженерное благоустройство городских территорий в архитектурном проектировании. 2015г.
5. Разумовский Ю.В., Фурсова Л.М. Ландшафтное проектирование. 2012г.

Научный журнал

**Тенденции науки и образования в современном мире
№43, 10.2018**

Октябрь 2018 г.
Часть 5

SPLN 001-000001-0350-LJ

Подписано в печать 09.11.2018. Тираж 400 экз.
Формат. 60x84 1/16. Объем уч.-изд. л. 4,83
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович